

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. Н. ТАТИЩЕВА»

На правах рукописи

ЛЫСИКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО И
РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Файзиева Г. В.

Астрахань – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	18
1.1. Гендерные исследования в современном языкознании: традиции, проблематика, основные категории	18
1.2. Субстандартная лексика английского и русского языков: структурно-семантическая и эмотивно-оценочная специфика	31
1.3. Особенности репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков.	45
Выводы по Главе I	57
ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	59
2.1. Репрезентация наименований лиц женского и мужского пола в субстандартной лексике английского языка	60
2.1.1. Наименования лиц женского пола в субстандартной лексике английского языка	61
2.1.2. Наименования лиц мужского пола в субстандартной лексике английского языка	87
2.2. Репрезентация наименований лиц женского и мужского пола в субстандартной лексике русского языка	106
2.2.1. Наименования лиц женского пола в субстандартной лексике русского языка	108
2.2.2. Наименования лиц мужского пола в субстандартной лексике русского языка	121
2.3. Сравнительно-сопоставительное исследование национальной специфики репрезентации гендерных отношений в	

субстандартной лексике английского и русского языков: структурно-семантический аспект	133
Выводы по Главе II	144
ГЛАВА III. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ	146
3.1. Вербализация гендерных отношений в субстандартной лексике в англоязычном медийном дискурсе	147
3.1.1. Лингвокультурологические особенности репрезентации образа женщины в субстандартной лексике в англоязычном медийном дискурсе	148
3.1.2. Лингвокультурологические особенности репрезентации образа мужчины в субстандартной лексике в англоязычном медийном дискурсе	167
3.2. Вербализация гендерных отношений в субстандартной лексике в русскоязычном медийном дискурсе	184
3.2.1. Лингвокультурологические особенности репрезентации образа женщины в субстандартной лексике в русскоязычном медийном дискурсе	185
3.2.2. Лингвокультурологические особенности репрезентации образа мужчины в субстандартной лексике в русскоязычном медийном дискурсе	199
3.3. Сравнительно-сопоставительное исследование гендерных отношений в медийном дискурсе в английском и русском языках: лингвокультурологический аспект	216
Выводы по Главе III	225
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	228
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	234
Приложение	258

ВВЕДЕНИЕ

В современной отечественной и зарубежной лингвистике в последние десятилетия наблюдается значительный интерес к изучению субстандартного лексического фонда (лексики, находящейся за пределами литературной нормы), обусловленный демократизацией лингвистических изысканий. Многочисленные исследования отражают этот интерес в самых разных областях научного знания. В социолектологии учёные занимаются исследованиями молодёжного сленга (Т.Г. Никитина (2003, 2013); С.И. Левикова (2003); В.Д. Бондалетов (2011); В.А. Хомяков (2005); О.А. Анищенко (2010); М.А. Кронгауз (1996, 2008); Т. Торн (2007), Д. Кристалл (2014) и др.); профессионального жаргона и арго (Л.И. Скворцов (1972), Д.С. Лихачев (1964), В.С. Елистратов (1993, 1994, 1995); М.А. Грачев (1994, 1997) и др.); в лингвокультурологии и этнолингвистике (В.Н. Телия (1986, 1991, 1996); А.Д. Шмелев (1964, 2002); В.В. Красных (2003) и др.). В лексикографии создаются специализированные словари субстандартной лексики (В.С. Елистратов (1994, 2000); М.А. Грачев (2000); В.М. Мокиенко (2000); Т.Г. Никитина (2003, 2013); В.В. Химик (2004); Г.В. Рябичкина (2011) и др.).

При этом, с учётом цифровизации общества и смены структурной парадигмы на антропоцентрическую, акцент в исследованиях смещается на изучение языка с точки зрения человека, а также человека в языке, что привело к возникновению нового направления в лингвистике, получившего название гендерная лингвистика. В фокусе исследований данной научной отрасли находится вопрос о том, как язык отражает, конструирует и воспроизводит представления о мужественности и женственности, как гендерные различия отражаются в речевом поведении, и как через язык может проявляться гендерная асимметрия или, наоборот, гендерное равенство (Дж. Лакофф (1975, 1988); Дж. Калемэн (2012); П. Экерт (2013); Е.И. Горошко (1999, 2001); А.В. Кирилина (1997, 1998, 2000, 2004, 2005); И.И. Халеева (1999, 2000); О.А. Воронина (2001,

2004); Е.А. Здравомыслова (2000, 2007); Е.С. Гриценко (2021), Е.А. Земская (1979, 1993, 1998) и др.).

Однако, несмотря на большое количество научных работ, когнитивная методология и лингвокультурологический инструментарий в неполной мере находят своё применение в социолингвистических исследованиях субстандартной лексики, в то время как изучение наименований лиц женского и мужского пола в субстандартном фонде языка представляет собой сложную исследовательскую задачу, решение которой на основе интеграции современной когнитологии, социолингвистики, лингвокультурологии и гендерной лингвистики даёт возможность выявить особенности гендерных отношений в субстандартной лексике, провести сравнительно-сопоставительное исследование гендерных отношений в субстандарте в разноструктурных языках, установить гендерные асимметрии и культурные стереотипы фемининности и маскулинности. Все вышеизложенное определяет **актуальность** проводимого исследования.

Объектом исследования является гендерно-маркированная субстандартная лексика английского и русского языков.

Предметом исследования являются структурно-семантические и лингвокультурологические особенности репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков.

Цель диссертации заключается в выявлении, систематизации и сопоставлении структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков.

В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие **задачи** исследования:

1. определить теоретико-методологические основы изучения субстандартной лексики как средства репрезентации гендерных отношений;
2. сформировать репрезентативный корпус гендерно-маркированной субстандартной лексики английского и русского языков, релевантной для

выражения гендерных отношений в английской и русской субстандартных лингвокультурах.

3. выявить, проанализировать и систематизировать структурно-семантические характеристики гендерно-маркированной субстандартной лексики в английском и русском языках на материале лексикографических источников;

4. обозначить, изучить и описать культурно обусловленные дифференциации и специфические черты репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков;

5. Проследить актуализацию выявленных структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей гендерно-маркированной субстандартной лексики в англоязычном и русскоязычном медиадискурсах.

Эмпирическим материалом исследования послужили отобранные методом направленной выборки субстандартные лексические единицы, номинирующие лиц женского и мужского пола, из 10 значимых и наиболее известных субстандартных словарей английского и русского языков («A Dictionary of Slang and Unconventional English» by Eric Partridge (далее – DSUE); «Dictionary of Contemporary Slang» by Tony Thorne (далее – DCS); «The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English» by Tom Dalzell (далее – RDMASUE); «The Oxford Dictionary of Slang» by John Ayto (далее – ODS); «Dictionary of American slang New York» by S. Flexner , H. Wentworth (далее – DAS); «Большой словарь русского жаргона» М.В. Мокиенко, Т.Г. Никитиной (далее – БСРЖ); «Толковый словарь молодёжного сленга. Слова, непонятные взрослым» Т.Г. Никитиной (далее – ТСМС); «Словарь тысячелетнего аргю» М.А. Грачева (далее – СТА), «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химики (далее – БСРПЭР); «Словарь русского аргю» В. С. Елистратова (далее – СРА).

Всего было отобрано 6481 субстандартная лексическая единица, из них 3422 субстандартных лексемы в английском языке и 3059 – в русском языке.

Для выявления актуализации отобранных субстандартных лексических единиц были исследованы записи стендап-выступлений американских, британских и российских комиков за 2023–2025 годы. Англоязычный материал составили записи следующих стендап-шоу: «Saturday Night Live»; «Real Time with Bill Maher»; «Comedy Central Live»; «Live at the Apollo». Всего проанализировано 87 выпусков общей продолжительностью 3680 минут. Русскоязычный материал составили записи следующих стендап-шоу: «Стендап на ТНТ»; «Открытый микрофон»; «Стендап Андеграунд». Всего проанализировано 85 выпусков общей продолжительностью 4119 минут. Выбор стендап-шоу в качестве источника эмпирического материала обусловлен тем, что жанр стендап-шоу представляет собой спонтанную устную речь, ориентированную на живую аудиторию, и характеризуется высокой степенью насыщенности субстандартной лексикой, а также частотной актуализацией гендерных стереотипов и моделей межполового взаимодействия.

Степень разработанности темы.

Проблематика настоящего исследования формируется на стыке двух активно развивающихся областей современной науки о языке: гендерных исследований и социолингвистики. Каждая из этих областей имеет значительный корпус научных трудов, однако субстандартная лексика как средство репрезентации гендерных отношений до настоящего времени не получала комплексного освещения в сопоставительном аспекте на материале английского и русского языков.

Фундаментальные основы изучения связи языка и пола были заложены в трудах первой половины XX века. Исследователи обратили внимание на полоролевую дифференциацию речи, зафиксировав различия в речевом поведении мужчин и женщин на фонетическом и лексическом уровнях (Ф. Маутнер (1921), О. Йеспersen (1922), Э. Сепир (1993), Л. Блумфилд (1933)). Философскую основу для понимания неразрывной связи языка, национального сознания, культуры и категорий «мужского/женского» заложили труды Я.

Гримма (1831), К. Бругманна (1904), В. фон Гумбольдта (1999), И.Г. Гердера (2019) и др.

В современной лингвистике сложилось несколько направлений изучения гендерной проблематики в языке.

Первое направление связано с разработкой категориального аппарата и разграничением понятий «природный пол» (sex), «грамматический род» (gender) и социально сконструированный «гендер». Значительный вклад в эту область внесли зарубежные исследователи (И. Фодор (1959); Р. Столлер (1968); Дж. Мани (1996); Э. Оукли (1972); С. Гюнтер (1991); Х. Коттофф (1996) и др.) и отечественные ученые (А.В. Кирилина (1997, 1998, 2000, 2004, 2005); И.И. Халеева (1999, 2000); И.Г. Ольшанский (1997); Е.И. Горошко (1999, 2001) и др.).

Второе направление – критика андроцентричности языка и изучение гендерного неравенства, закрепленного в языковых структурах. Классическими стали работы М. Р. Кей (1975), Р. Лакофф (1975, 1989, 1990, 2000), Л. Пуш (1991, 2014), С. Троемель-Плетц (1978, 1982). В российской науке данная проблематика разрабатывалась З.А. Хоткиной и О.А. Ворониной (2001, 2004), А.В. Кирилиной (1997, 1998, 2000) и др., которые показали, что язык фиксирует картину мира преимущественно с мужской точки зрения, где женщина предстает как «отклонение от нормы».

Третье направление посвящено непосредственно гендерным отношениям как социокультурному феномену. Социологические и психологические аспекты гендерных отношений исследовали И. Гоффман (1977), Г. Гарфинкель (1967), Д. Зиммерман и К. Уэст (1987), Т. Парсонс (1956), Р. Коннел (1993), С. Бем (2004), М. Мид (1988, 2004), М. Росальдо (1980), Дж. Коллир (1993), М. Хорнер (1972), Р. Рубин (1997). В отечественной традиции проблемы гендерных отношений в языке и культуре разрабатывали И.С. Кон (1991, 2004), В.Е. Каган (1989), Е. А. Аносов (2013), А.В. Кирилина (1997, 1998, 2000, 2004, 2005), Е.Н. Калугина (2008), И.С. Клецина (2004), Е.А. Земская (2009) и др.

Параллельно с гендерными исследованиями появляются исследования, направленные на изучение субстандартной лексики. Фундаментальные основы

изучения субстандартной лексики заложены в трудах зарубежных ученых: Л. Блумфилд (1933), Э. Партридж (2002), Р. Спирс (2006), Г. Л. Менкен (1948), Д. Хоттен (1864), З. Кёстер-Тома (1993) и отечественных ученых: И.Р. Гальперин (1956,1958), В.А. Хомяков (2005), В.П. Коровушкин (2003), В.Б. Быков (2001), В.В. Химик (2004), М.А. Грачев (2003), А.Д. Швейцер(1963, 1978, 1982), Л.П. Крысин (1992, 2000, 2002), В.Д. Девкин (2005), О.П. Ермакова (1999), Е.А. Земская (1999). Изучение компонентов, входящих в структуру субстандартного лексического пласта (арго, жаргон, сленг, просторечие), представлено трудами В.А. Хомякова (1974), Л. Блумфилда (1933), М.А. Грачева (2003), Г.В. Рябичкиной (2009), Р. Спирса (1981), У. О'Грэйди (2001), А.Т. Липатова (2010), С.Д. Довлатова (1991), В.С. Елистратова (2000), М.В. Мокиенко (2000), В.В. Химика (2004), Т.Г. Никитиной (2003). Фундаментальные основы изучения лексического значения субстандартных лексических единиц заложены А.А. Потебней (1913), Ю.Д. Апресяном (1995), И.А. Стерниным (1985), В.Н. Телией (1986, 1991, 1996), Д.Н. Шмелевым (2002), Б.А. Лариным (1997), А.В. Куниным (1996). Особую значимость представляют работы по эмотивной и экспрессивной лексике (Н.А. Лукьянова (1986), В.И. Шаховский (1983, 1987, 2010), И.В. Арнольд (2021)), поскольку субстандартная лексика коннотативно нагружена и гендерные стереотипы часто транслируются именно через коннотацию.

Таким образом, к настоящему времени в лингвистической науке детально изучены как теоретические проблемы гендера в языке (на материале преимущественно литературного языка), так и системные свойства субстандартной лексики (ее состав, структура, лексикографическая фиксация). Однако, вопрос о том, как именно субстандартная лексика репрезентирует гендерные отношения, до сих пор не получил комплексного освещения. Отсутствуют сопоставительные исследования, рассматривающие субстандартную лексику английского и русского языков как целостное средство конструирования образов мужчины и женщины. Не выявлены семантические и структурные модели, используемые в субстандарте для вербализации гендерных ролей, статусов и стереотипов; не раскрыта национально-культурная специфика

гендерных стереотипов, закрепленных в сниженной лексике двух языков. Настоящее исследование призвано заполнить эту лакуну, предложив системный сопоставительный анализ структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в его комплексном вкладе в развитие лингвистической теории на стыке гендерных исследований, лексикологии, сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии. В контексте лингвокультурологии исследование вносит вклад в развитие теории языковой картины мира, показывая, как субстандартная лексика отражает специфические для англоязычной и русскоязычной культур представления о гендерных отношениях. Исследование обогащает понимание гендера в разных лингвокультурах, выявляя национально-культурную специфику его языковой реализации на уровне субстандарта. В области лексикологии исследование уточняет критерии выделения и классификации субстандартных лексических единиц, обосновывая гендерный маркер как релевантный параметр лексикографической стратификации, введён в научный оборот новый корпус субстандартных единиц. В гендерном аспекте уточнено представление о языковом конструировании гендера: эксплицированы универсальные и культурно-специфичные средства трансляции стереотипов и асимметрий в некодифицированной лексике. В сопоставительном плане установлены изоморфные и алломорфные черты гендерно-маркированной лексики английского и русского языков и разработан алгоритм контрастивного анализа, применимый в типологических исследованиях.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов и материалов в прикладной лингвистике и лексикографии. Систематизированный корпус гендерно-маркированной субстандартной лексики с анализом значений, коннотаций и стилистических помет может служить основой для составления и дополнения специализированных словарей (словарей субстандарта, гендерной лексики,

словарей культурных стереотипов) и для создания размеченных лингвистических баз данных, востребованных в задачах автоматической обработки текста и сентимент-анализа.

Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что впервые:

- в рамках сопоставительного анализа субстандартная лексика в английском и русском языках представлена как средство репрезентации гендерных отношений;

- рассмотрены структурно-семантические и лингвокультурологические особенности гендерно-маркированных субстандартных единиц в английской и русской субстандартных лингвокультурах;

- представлена многоаспектная классификация исследуемой лексики по тематическим и лексико-семантическим группам;

- на материале медийного дискурса выявлены универсальные и национально-специфические модели конструирования образов мужчины и женщины в субстандартной лексике английского и русского языков;

- введен в научный оборот новый корпус гендерно-маркированных субстандартных единиц, отобранных из записей англоязычного и русскоязычного медийного дискурса.

Методологическую основу исследования составляют принципы современной лингвистики, акцентированные на антропоцентрическом, социолингвистическом и когнитивно-дискурсивном подходах к анализу языковых явлений; рассматривающие язык как неотъемлемую составляющую человеческого сознания и культурного пространства; учитывающие социальную природу субстандартной лексики и ее обусловленность гендерными отношениями в обществе; интегрирующие общенаучные, лингвистические и специализированные гендерно-лингвистические методы исследования, позволяющие рассматривать субстандартную лексику как особый пласт языка, в котором наиболее экспрессивно и эмоционально вербализируются гендерные стереотипы, роли и модели межполового взаимодействия. Такой комплексный

подход обеспечивает всестороннее изучение структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков, а также позволяет выявить универсальные и национально-специфические черты конструирования образов мужчины и женщины в сопоставляемых субстандартных лингвокультурах.

Теоретическую базу исследования составили работы в области:

- *гендерной лингвистики* (А.В. Кирилина (1997, 1998, 2000, 2004, 2005), Е.И. Горошко (1999, 2001), И.И. Халеева (1999, 2000), Е.А. Земская (1979, 1993, 1998, 2009), М.А. Китайгородская (1993, 2009), Н.Н. Розанова (1993, 1999), О.А. Воронина (2004), Р. Лакофф (1975, 1989, 1990, 2000), Д. Таннен (1994), Д. Камерон (1985), Дж. Батлер (1990) и др.);

- *лексикологии субстандарта и социолингвистики* (Ю.Д. Апресян (1993), И.Р. Гальперин (1958), В.А. Аврорин (1975), А.Д. Швейцер (1987), Л.П. Крысин (1992, 2000, 2002), В.Д. Бондалетов (2011), В.Б. Быков (2001), М.А. Грачев (1994, 1997), Г.В. Рябичкина (2009, 2011), В.В. Химик (2004), Т.Г. Никитина (2003, 2006, 2013), В.С. Елистратов (1993, 1994, 1995, 2000), Е.А. Редкозубова (2014), Р.И. Розина (2006), Е.Д. Поливанов (1991), В. Лабов (1966, 1970), П. Трудгилл (1983, 1999), Дж. Холмс (1997) и др.);

- *лингвокультурологии и этнолингвистики* (А.Н. Афанасьев (1995), А.А. Потебня (1913), А.А. Шахматов ( ), В.Н. Телия (1996), А.Д. Шмелев (1964, 2002а, 2002б), Ю.С. Степанов (2004), В.В. Красных (2002, 2003), А. Вежбицкая (2001, 2006), В.И. Карасик (2002), С.Г. Тер-Минасова (2000), В. фон Гумбольдт (1999), Б. Л. Уорф (1960), Э. Сепир (1993) и др.);

- *сопоставительной лингвистики* (Е.Д. Поливанов (1991), В.Н. Ярцева (1988), В.А. Виноградов (2018), Л.В. Щерба (1958, 1974), В.Г. Гак (1977, 2008), А.Д. Швейцер (1963, 1978, 1982) и др.);

- *дискурс-анализа и медиалингвистики* (М.А. Кормилицына (2007), М.И. Конюшкевич (2012), О.Н. Копытова (2024), Т.Ю. Редькина (2014), О.Б. Сиротинина (2008), Т.В. Шмелева (2012), Т. А. ван Дейк (1985) и др.).

Методы, использованные в настоящем исследовании, обусловлены поставленными целью и задачами. В ходе исследования применялись как общенаучные методы (метод направленной выборки, описательно-аналитический метод, метод наблюдения, метод классификации, сравнительно-сопоставительный метод, количественный подсчёт, методы типологического анализа, моделирования и наглядного отображения полученных данных), так и собственно лингвистические (метод критического дискурс-анализа, корпусно-ориентированный метод, метод дискурс-анализа, методы семантического анализа (компонентный анализ, контекстуальный анализ, анализ метафорических моделей, сопоставительный семантический анализ), а также метод семантической интерпретации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Субстандартная лексика является средством репрезентации гендерных отношений, выражающих определенные модели речевого поведения, отраженные в языковом сознании носителей языка, а также реализованные в процессе коммуникации, при этом под категорией «субстандартная лексическая единица» понимается неcodифицированная, узуальная, стилистически сниженная и периферийная по отношению к ядру литературного языка лексическая единица, которая тесно связана с устной, спонтанной формой речи.

2. Разработанная классификация субстандартных лексических единиц, номинирующих лиц женского и мужского пола, включает три тематические группы (ТГ) с соответствующими лексико-семантическими группами (ЛСГ) в каждой (I ТГ. Гендерные и межличностные отношения. ЛСГ: Сексуальные отношения, Супружеские отношения, Дружеские отношения. II ТГ. Атрибуты личности. ЛСГ: Внешность, Характер, Интеллект, Возраст. III ТГ. Социальная стратификация и этическое поведение. ЛСГ: Профессиональная деятельность, Морально-нравственные устои, Финансовый статус).

3. Структурно-семантические характеристики гендерно-маркированной субстандартной лексики в английском и русском языках обнаруживают как универсальные (андроцентризм, зооморфная метафоризация, бинарные

оппозиции), так и национально-специфические особенности (в английском субстандарте преобладают метафорические и объективирующие номинации, высокая вербализованность возрастной стигматизации женщин и профессиональной деятельности мужчин; в русском субстандарте доминирует бытовая конкретика и сниженная лексика, акцент на супружеских и дружеских отношениях, а также активное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, смягчающих негативную коннотацию) репрезентации лиц женского и мужского пола.

4. Культурно обусловленная дифференциация репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков проявляется в несовпадении оценочных векторов при номинации сходных гендерных ролей в различной степени экспрессивности и табуированности тематических групп, а также в специфике проявления гендерных стереотипов, отражающих ценности англоязычной и русскоязычной лингвокультур.

5. Актуализация структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей гендерно-маркированной субстандартной лексики в англоязычном и русскоязычном медиадискурсе демонстрирует зависимость выбора субстандартных единиц от коммуникативных стратегий говорящего, контекстуальных условий и целевой аудитории. В англоязычном медиадискурсе преобладает стратегия критической деконструкции патриархальных стереотипов, реализуемая через саркастическое высмеивание и иронию, направленные на разоблачение гендерных асимметрий, что влечёт за собой отбор лексики с амбивалентной оценочностью, способной одновременно обнажать и оспаривать стереотипные значения. В русскоязычном медиадискурсе доминирует стратегия иронической нормализации, воспроизводящая традиционные стереотипы, сохраняющая табуированность женской телесности и фокусирующаяся на семейно-бытовой проблематике; это обуславливает выбор преимущественно пейоративных субстандартных единиц, закрепляющих патриархальную модель отношений.

6. Сопоставительный анализ субстандартной лексики, репрезентирующей гендерные отношения в английском и русском языках, позволяет выявить универсальные и культурно-обусловленные механизмы стереотипизации образов мужчины и женщины в английской и русской лингвокультурах. Так, в английской и русской субстандартных лингвокультурах отмечен универсальный механизм гендерной асимметрии, состоящий в системной объективации женщины и редукции её идентичности до физической привлекательности, сексуальной функции и моральной оценки, при конструировании мужской идентичности вокруг активности, социального статуса и контроля. В то время как в английской субстандартной лингвокультуре доминирует механизм амбивалентной оценочности и многогранной стереотипизации (наличие единиц с положительными и нейтральными коннотациями, более равномерное распределение номинаций по лексико-семантическим группам), в русской субстандартной лингвокультуре ведущим выступает механизм жёсткой негативной объективации, характеризующийся высокой концентрацией уничижительной лексики, строгой табуированностью женской телесности, гипервниманием к семейно-бытовой сфере и закреплением патриархально-возрастных моделей мужской состоятельности.

Рабочая гипотеза исследования. Субстандартная лексика английского и русского языков, репрезентирующая гендерные отношения, как на уровне лексикографических источников, так и на уровне медийного дискурса обладает универсальными (общие тематические группы и механизмы стереотипизации) и национально-специфическими (различия в коннотациях, метафорических моделях, табуированности и отражении ценностных норм) структурно-семантическими и лингвокультурологическими характеристиками, наиболее ярко проявляющимися в условиях медийного дискурса.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в форме отчётов на заседаниях и методологических аспирантских семинарах кафедры английской филологии, лингводидактики и перевода Астраханского государственного университета

имени В.Н. Татищева (2023, 2024, 2025), обсуждались на круглых столах: «Миграционная лингвистика: перспективы развития» (Пермь, 2023); «Семья в зеркале межкультурных коммуникаций» (Астрахань, 2024), а также представлены в виде выступлений на следующих научных конференциях: XVI Международная научно-практическая конференция «Язык и межкультурная коммуникация» (Астрахань, 2023); XX Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию факультета современных иностранных языков и культур «Иностранные языки и литературы в контексте культуры» (Пермь, 2023); Международная научно-практическая конференция «Прикладная лингвистика. Межкультурный диалог» (Астрахань, 2023); XVII Международная научно-практическая конференция «Язык и межкультурная коммуникация» (Астрахань, 2023); «LX Международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире» (Москва, 2024); Международная научно-практическая конференция «Современная филология и методика преподавания языков и литературы: вопросы теории и практики» (Херсон, 2025); XXI Международная научно-практическая конференция «Язык и межкультурная коммуникация» (Астрахань, 2025); а также отражены в 15 опубликованных статьях, что составляет 6,4 п. л., в том числе в 3 статьях в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура работы. Настоящее диссертационное исследование состоит из введения, трех глав и выводов к ним, заключения, библиографии и списка субстандартных лексикографических источников, а также приложения.

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, излагается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуются методологическая основа и методы исследования, выдвигается рабочая гипотеза, описывается материал исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, а также приводятся сведения об апробации результатов и структуре работы.

В первой главе рассматриваются теоретико-методологические предпосылки изучения гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков, анализируются становление и развитие гендерных исследований в лингвистике, определяется понятийно-терминологический аппарат и ключевые категории, структурно-семантическая и эмотивно-оценочная специфика субстандартной лексики в сопоставляемых языках, обозначаются особенности репрезентации гендерных отношений средствами субстандарта.

Во второй главе осуществляется практический анализ отобранной из субстандартных лексикографических источников английского и русского языков субстандартной лексики, репрезентирующей гендерные отношения, проводится их сопоставление в структурно-семантическом аспекте с целью выявления универсальных и национально-специфических черт.

В третьей главе анализируется актуализация гендерно-маркированной субстандартной лексики в условиях реальной коммуникации – в англоязычном и русскоязычном медийных дискурсах (на материале стендап-шоу 2023–2025 годов), обобщаются полученные результаты.

В заключении подводятся итоги проведенной работы, обобщаются основные результаты, полученные в ходе теоретического и практического анализа, формулируются выводы, подтверждающие выдвинутую гипотезу и положения, выносимые на защиту, а также определяются перспективы дальнейшего изучения проблемы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

1.1. Гендерные исследования в современном языкознании: традиции, проблематика, основные категории

В современном языкознании научный интерес к гендерным исследованиям, как к отдельному научному направлению, возник в 70-х годах XX века в рамках антропоцентрической парадигмы. С тех пор гендерная проблематика стала объектом разносторонних междисциплинарных исследований в различных научных областях, позволивших расширить понимание влияния гендерных аспектов на различные сферы жизни, общественные отношения, культуру и традиции.

Так, исследованием гендерных вопросов занимаются такие науки как:

- *лингвистика*: А.В. Кирилина (1997, 1998, 1999, 2002, 2004); Е.И. Горошко (1999, 2002); О.А. Воронина (1997, 1999, 2001); И.Г. Серова (2007); Г.Г. Хакимова (2003); И.И. Халеева (1999); Д. Таннен (1996); Р. Лакофф (1975) и др.;

- *философия*: А.А. Костикова (2003); Н.А. Бердяев (1989); С. Жеребкин (2001); И.А. Жеребкина (2000, 2007); Т.А. Клименкова (1998); В. фон. Гумбольдт (1985); Н.С. Юлина (1994); С. Бовуар (1997); Дж. Батлер (2008, 2015); М. Фуко (1996); С.А. Ушакин (2002) и др.;

- *социология*: А.А. Темкина, Е.А. Здравомыслова (1998, 2000, 2007); А.А. Темкина (2002); С.Г. Айвазова (1998); В.В. Климова (2009); Дж. Лорбер (1994, 2001); Э. Окли (2002); Р. Коннелл (2015); И. Гоффман (2001); П. Бурдьё (20050); К. Голдин (2023); А. Роткирх (2011) и др.;

- *психология*: Е. Иванова (2001), И.С. Кон (1997, 2003, 2004); С. Бем (1993); К. Уэст, Д. Х. Циммерман (1987) и др.;

- *антропология и культурология*: Н. Пушкарева (1998); Л.П. Репина (2000); М. Мид (1935,1949); Ш. Ортнер (1972); Г. Рубин (1975); Д. Скотт (2001) и др.

Антропоцентрический подход к изучению взаимосвязи между языком и полом привёл к появлению отдельного направления в современном языкознании – гендерной лингвистики, центральным предметом изучения которой стало понятие *гендер*, «некая совокупность действий индивида, продиктованная социальными установками и культурными традициями данного общества» [Зиновьева 2014: 158].

В рамках гендерной лингвистики сформировались два основных вектора исследований.

Первый вектор направлен на языковую репрезентацию гендера, т.е. отражение того, как образы маскулинности и фемининности, а также связанные с ними гендерные стереотипы, закреплены в системе языка (в лексике, фразеологии, паремиологии) и как воспроизводятся в разных типах дискурса. Данные гендерные исследования лежат на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики и исследуют языковую картину мира как отражение и фиксатор гендерных стереотипов (В.И. Карасик (2002), А.В. Кирилина (2004), Н.Л. Пушкарева (2004), А. Вежбицкая (1996), Дж. Лакофф (1975) и др.).

Второй вектор гендерных исследований направлен на изучение коммуникативного поведения, анализирует, какие стратегии, тактики, языковые средства используют мужчины и женщины в процессе живого общения. Данное направление опирается на социолингвистику и прагмалингвистику, изучает язык не только как систему, но и как «делание гендера» (*doing gender*) (термин К. Уэст и Д. Циммермана) [West, Zimmerman 1987: 125–151] в интеракции (Е.И. Горошко (2001), Д. Таннен(1994), П. Экерт и С. МакКоннелл-Гине, К. Уэст (2013), Д. Зиммерман (1987) и др.).

Сегодня понятие «делание гендера» является ключевым в современной социолингвистике. Суть данного подхода, разработанного К. Уэст и Д. Циммерманом, заключается в том, что гендер понимается не как статичная характеристика индивида (подобно биологическому полу), а как динамичный социальный процесс, который постоянно создаётся и воспроизводится в повседневном взаимодействии между людьми [West, Zimmerman 1987: 125]. В

соответствии с этим подходом, человек не просто «имеет» гендер (мужской или женский), он каждый день его «делает» через своё поведение, речь, одежду, жесты и реакции на окружающих.

Таким образом, исследования в области гендерной лингвистики позволяют лучше понять, что язык не только отражает сложившиеся стереотипы и представления о гендере, но и сам выступает активным инструментом его конструирования, поддержания и трансляции в процессе социальной интеракции. Они также помогают расширить представления народа-носителя того или иного языка в вопросах гендера и обозначить особенности репрезентации гендерных отношений в языковой картине мира.

В лингвистике изучение взаимосвязи языка и пола имеет долгую историю. И.И. Халеева отмечает, что «существует мнение, что лингвистическая традиция, учитывающая фактор пола, уходит корнями в античный мир, когда началось осмысление категорий природного пола (sexus) и грамматического рода (gender)» [Халеева 1999: 5].

И.Г. Ольшанский подчёркивает, что «в каждом языке, различающем род и пол, существует уникальное распределение названий людей и животных по классам, которое обусловлено языковыми и культурно-историческими традициями народа и спор о степени влияния биологического пола на грамматический род ведётся более двух тысячелетий» [Ольшанский, 1997:24].

Исследователи А.В. Кирилина (Кирилина 2000), С. Гюнтнер, Х. Коттгофф (Susanne Günthner, Helga Kotthoff 1991) и др. выделяют три периода гендерных исследований:

1. биологический детерминизм (с античности до первой половины XX века);
2. переходный период (первая половина XX века);
3. собственно гендерные исследования (со второй половины XX века по настоящее время).

1. Биологический детерминизм

В известном мифе Платона в диалоге «Пир» упоминается о разделении человечества на основе пола, возникшем в результате разрушения первоначальной единой природы первобытного человека, и приведшему к возникновению андрогинов – существ, объединяющих в себе черты обоих полов [Платон 1990-1994: 81–134]. Этот античный сюжет демонстрирует, что уже в глубокой древности предпринимались попытки концептуализировать природу пола и гендера.

Учёные данного периода полагали, что грамматический род появился благодаря людям разного пола. Объясняя категорию рода через внеязыковой опыт, слова мужского рода имели главную роль и рассматривались с точки зрения семантики силы, активности и мужественности, в то время как слова женского рода считались второстепенными и рассматривались через призму пассивности и подчинённости. Пример этому в своей работе описывает И.Г. Ольшанский. Учёный подчёркивает, что, например, Аристотель противопоставляет мужское женскому, где мужское начало «действует и двигается», в то время как женское начало «претерпевает». Протагор и его сторонники-софисты пытались «подправить» язык, когда слова мужского и женского рода могли обозначаться одновременно одним именем (учитель, калека, сирота и др.). Продолжили традиции школы Аристотеля и схоласты, ярким представителем которых был Т. Кампанелла. Учёный-философ объяснял различия в роде существительных в зависимости от той функции, что предмет обозначал: «Бог и огонь – мужского рода, а земля и вода – женского, потому что первые олицетворяют действие, а вторые – претерпевание» [Ольшанский 1997:25].

Начиная с XVII века учёные заинтересовались полоролевой дифференциацией речи вследствие открытия новых туземных племён, в языках которых грамматический род выражался эксплицитно, т.е. различия в речи были связаны с биологическим полом говорящего. Исследуя язык открытых туземных племён, учёные пришли к выводу, что «мужской» язык – это норма, а «женский»

– отклонение от этой нормы. Данные исследования стали первым шагом к развитию изучения значения гендерного фактора в языке [Кирилина 1998:52].

Однако, данная научная парадигма, сводившая языковые явления к внеязыковым, постепенно уступила место более сложным объяснительным моделям. На смену ей пришла символично-семантическая теория, которая сместила акцент с биологической обусловленности на символическую и культурно-обусловленную природу языковых категорий.

Истоки символично-семантической теории языка нашли своё отражение в трудах учёных XIX века (Я. Гримм (1831), В. фон Гумбольдт (1999), И. Гердер (2019) и др.), создавших целостную теорию, рассматривающую язык как форму отражения национального сознания. В рамках этого подхода грамматический род и связанные с ним коннотации стали рассматриваться не как прямое отражение физиологии, а как элементы языковой картины мира, которые через систему оппозиций (активное/пассивное, сильное/слабое) кодируют и воспроизводят культурные символы и социальные смыслы, приписываемые мужскому и женскому. Данная теория раскрывала основные причины возникновения грамматического рода и соотносила категорию грамматического рода с биологическим полом. Неоспоримо, что влияние данной теории прослеживается и в современной науке. Сегодня, несмотря на синтаксическое и морфологическое объяснение категории рода, исследования в области психо- и социолингвистики подтверждают, что грамматическая категория рода имеет собственную способность оказывать влияние на восприятие мира человеком.

Таким образом, период биологического детерминизма ознаменован фрагментарными исследованиями, в которых учёные занимались изучением различий в интеллектуальных способностях между мужчинами и женщинами, заложенных природой. Отсутствовала систематическая методология и целостное понимание взаимосвязи языка и социальных факторов, определяющих речевое поведение [Кирилина 1998: 51]. Этот подход к научному дискурсу в основном характеризуется стремлением к выявлению и объяснению признаков полового диморфизма в языке и речи через природную обусловленность.

2. Переходный период (первая половина XX века).

К началу второго этапа развития гендерных исследований научное сообщество уже накопило значительный объем информации о языках. Этот материал позволил учёным сделать вывод о языковых особенностях, связанных с отражением гендерных характеристик его носителей. Большой вклад в развитие гендерных исследований того периода внесли Ф. Маутнер (1906, 1921), Э. Сепир (1884-1939), О. Есперсен (1922), Л. Блумфилд (1933) и др.

Ф. Маутнер, описывая различия в речи между мужчиной и женщиной, пришёл к выводу, что мужчины обладают особым творческим потенциалом, позволяющим им активно формировать язык, в то время как женщины, по его мнению, ограничены в своей способности использовать язык творчески – они лишь могут осваивать и воспринимать язык, созданный мужчинами [Mauthner 1906: 246-247].

Особый интерес Ф. Маутнера вызывало появление «женского» языка в контексте театра, который связывал с появлением женщин на сцене. Этот феномен, по мнению учёного, указывал на неравноправное положение мужчин и женщин в обществе. В связи с этим, взгляды Ф. Маутнера представляют одну из интерпретаций гендерных различий в использовании языка. Он подчёркивал доминирующую роль мужчин в творческом формировании языка и связывал возникновение «женского» языка с социокультурными изменениями. Однако, подобные взгляды носят дискуссионный характер и требуют критического осмысления в контексте современного понимания гендерных и языковых вопросов [Mauthner 192: 53-581].

Большое значение изучению различий между мужским и женским языком уделял О. Есперсен, который выявил ряд характерных признаков пола в языке. Он отмечал, что женщины проявляют консерватизм в использовании языка, отличаются от мужчин в лексике, чаще прибегают к эвфемизмам и реже используют ругательства: «Примитивные женщины говорят иначе, нежели примитивные мужчины. Мужчины понимают речь женщин, но сами говорят иначе, т.е. используют другие языковые структуры» [Jespersen 1922: 247].

Ученый обратил внимание на процесс освоения нового языка иммигрантами и сделал вывод, что женщины чаще остаются монолингвальными, в то время как мужчины быстрее адаптируются к новому языку. По мнению О. Есперсена, это служит проявлением превосходства мужчин над женщинами [Jespersen 1922: 236–253].

Таким образом, второй период развития гендерных исследований, несмотря на их нерегулярность и бессистемность, можно охарактеризовать, как период значительного внимания к гендеру авторитетных лингвистов, что привело к большей заинтересованности к исследованию гендерных отношений в гуманитарных науках.

3. Собственно гендерные исследования (вторая половина XX века по настоящее время).

В 60-е годы XX века смена научной парадигмы привела к зарождению и развитию собственно гендерных исследований. Постмодернизм сместил акцент с объективной истины на субъективную, а также подвёл к переосмыслению «процессов категоризации, отказу от признания объективной истины, интересу к субъективному, развитию новых теорий личности» [Кирилина, Томская 2005:14].

В этот период американские университеты стали местом появления так называемых женских исследований, которые быстро распространились в англоязычных странах. Основной целью таких исследований стало изучение роли женщин в различных сферах жизни в современном обществе и их значимого вклада в развитие человечества.

В 1970 году в калифорнийском университете состоялся первый семинар, организованный Мэри Рич Кей. Материалы семинара легли в основу её книги «Male/Female Language», которая стала первым шагом в изучении андроцентричности языка с гендерной позиции (Кей 1975). Вслед за М.Р. Кей стали появляться и другие работы, например, «Язык и место женщины» Робин Лакофф (Lakoff 1975), «Немецкий – язык мужчин» Луизы Пуш (Pusch 1991) и «Лингвистика и женский язык» Сент Трёмель-Плётц (Troemel-Ploetz 1982) и др.

Благодаря этим работам в лингвистике возникло новое направление, которое исследует язык с точки зрения гендерных неравенств и андроцентризма – феминистская лингвистика или феминистская критика языка. В настоящее время в современной лингвистике эти два термина являются взаимозаменяемыми [Кирилина 1998: 51–58].

Особый вклад в развитие феминистской лингвистики внесла Р. Лакофф, описавшая особенности женской речи и доказавшая присутствие андроцентризма в языке и недостаточное представление женщин в языковой картине мира (Lakoff 1975).

Р. Лакофф выделяет следующие признаки андроцентризма в языке:

1. отождествление понятий «человек» и «мужчина». Во многих языках эти понятия обозначаются одним и тем же словом. Например, английское слово «man» в мужском роде имеет значение «человек» или «мужчина», но, когда это слово используется относительно женщин, оно может приобретать негативную коннотацию, указывая на «мерзкую женщину»;
2. существительные женского рода часто являются производными от существительных мужского рода и обычно имеют негативное значение;
3. преобладание мужских форм для обозначения лиц любого пола или групп лиц разного пола;
4. во многих языках синтаксическое или семантическое согласование происходит в соответствии с реальным полом, а не с грамматическим родом слова;
5. чёткое дифференцирование фемининности и маскулинности, создавая контраст между ними [Кирилина 2001: 508–542].

В своих исследованиях Р. Лакофф ставила цель доказать главенствующую роль мужчины в языке и второстепенность женщины. Кроме того, Р. Лакофф разработала междисциплинарную методологию критического анализа гендерных асимметрий в языке, в основу которой легли наработки в области лингвистики, социологии, антропологии, истории, психологии.

Феминистская лингвистика изучает язык по двум направлениям. Первое из направлений основано на лингвистической теории Сепира-Уорфа. Согласно этой теории, язык определяет наше мышление и восприятие мира, а также накладывает ограничения на нашу реальность. По мнению сторонников этого направления, мужчины контролируют язык и устанавливают его нормы использования. Целью данного направления является выявление гендерных асимметрий – «асимметрий в системе языка, направленных против женщин» [Словарь гендерных терминов <http://owl.ru/gender/172.htm>].

Второе направление феминистской лингвистики связано с изучением гендерных особенностей языка в различных контекстах, таких как телевизионные ток-шоу, врачебные консультации, семейные разговоры и другие. Исследования показали, что мужчины и женщины ведут себя по-разному в речевом общении, что ещё раз подтверждает наличие патриархальных стереотипов в языке.

Е.И. Горошко описывает изменения в языковых нормах русского, английского и немецкого языков, произошедших под влиянием феминистской лингвистики: «Больше всего инновациям подвергся лексический строй языка, феминистки предложили ввести в лексикон новые слова, лучше описывающие женщин и их отношения, собственно женскую сущность и естество» [Горошко 2001: 508–542].

По утверждению автора, в современном английском языке предлагается заменить местоимения «he» (он) и «she» (она) на общую форму «tey». Также стало распространённым использование местоимения «her/his» (его/ее) вместо «his» (его) и обращение «Ms.» вместо «Mrs.» или «Miss» для скрытия семейного положения женщины. Эти изменения в языке направлены на создание более равноправного и инклюзивного общества, где гендерные стереотипы и неравенства не будут поддерживаться языковыми средствами. Они отражают стремление феминистов к изменению языковой картины мира и созданию более справедливого общества для всех его членов [Там же].

Гендерные исследования западных исследователей сыграли значительную роль в развитии российской лингвистики. Российские лингвисты усвоили и адаптировали концепции и методы, разработанные в рамках гендерных исследований на Западе, чтобы применять их к российской языковой ситуации. Это привело к более глубокому пониманию и осознанию гендерных аспектов языка, а также их взаимосвязи с социальными и культурными факторами.

Началом отечественных гендерных исследований считается 1990 год. В этот период была создана лаборатория гендерных исследований на базе Института экономических проблем народонаселения Российской академии наук (ИСЭПН РАН), которую возглавила выдающаяся учёная Н.М. Римашевская. Эта лаборатория продолжает свою работу и в настоящее время [Хоткина 2020:172–175].

В середине 1990-х годов доктор исторических наук, профессор кафедры социологии Ивановского государственного университета О.А. Хасбулатова основала научный центр гендерных исследований и научный журнал «Женщина в российском обществе» на базе университета. Основной целью этих инициатив было расширение научно-образовательного поля и увеличение публикаций научной и научно-методологической литературы в области гендерных исследований, а также распространение идей о равноправии полов среди широкой общественности [Хасбулатова 2001: 5]. Этот проект стремился решить важные задачи в области гендерных исследований, способствовал созданию платформы для обмена знаниями, стимулированию активного обсуждения и повышению осведомлённости о равноправии между полами.

З.А. Хоткина выделяет три этапа становления гендерных исследований в России:

1. «Гендерные 90-е». Этот этап был отмечен теоретическим осмыслением проблематики гендерных исследований и широким общественным обсуждением вопросов пола в культуре, науке и повседневной жизни. Особенно заметной чертой данного периода стал растущий спрос на новые знания о структуре общества и роли, которую играют мужчины и женщины в нем.

2. Второй этап датируется 2000–2009 годами. Этот этап совпал с существенными общественными и политическими изменениями в стране, которые не могли не повлиять на изучение гендерной проблематики. Постепенно начали закрываться гендерные центры, а обсуждение гендерного равенства на государственном уровне потеряло свою актуальность. Однако, несмотря на снижение интереса к гендерным исследованиям в обществе, они оказались более востребованными среди учёных. Увеличилось количество научных исследований и публикаций в этой области. Это свидетельствует о сохранении академического интереса и значимости гендерных исследований в научном сообществе.

3. Третий этап с 2010 г. по настоящее время. Этот этап связан с появлением цифровых технологий, которые значительно изменили методы изучения гендерных отношений. С развитием социальных сетей и расширением сетевого пространства появилось значительное количество женщин-блогеров, которые открыто обсуждают проблемы неравенства женщин и сексизма. Это свидетельствует о возникновении нового явления – сетевого феминизма. Сетевой феминизм становится мощным инструментом борьбы за равноправие и изменение гендерных норм в обществе [Хоткина 2020: 26–37].

Одним из ключевых вопросов, занимающих центральное место в гендерных исследованиях, является проблема определения взаимосвязи между такими фундаментальными понятиями, как биологический пол, грамматический род и гендер, составляющими основу для формирования целостной картины мира в гендерных исследованиях современного языкознания.

Изначально термин «гендер» пришёл из английского слова «gender», а в английский язык из латинского «genus», что в переводе означает «род», поэтому долгое время термин «гендер» использовался для обозначения именно грамматического рода.

Категория грамматического рода, как отмечалось выше, была выделена еще в античные времена. Протагор и Аристотель предложили относить имена существительные к разным классам, а именно к мужскому, женскому и

неодушевлённому. Позднее стоики ввели термин «средний род», а вот Донат и Присциан стали первыми, кто заговорил о разграничении биологического пола и грамматического рода (English Grammatical Categories 1970).

Сторонники символично-семантической гипотезы, согласно которой грамматический род возник вследствие существования людей разного пола (Я. Grimm (1831), К. Бругманн (1904), В. Гумбольдт (1999), И. Гердер (2019) и др.), основываясь на неязыковом опыте, соотносили категории грамматического рода *genus* и биологического пола *sexus* как тождественные. В течение продолжительного времени данная гипотеза оставалась единственным теоретическим объяснением, поясняющим происхождение категории рода в английском языке. Но открытие новых языков, в которых не было грамматического рода, привело к краху символично-семантической гипотезы. Так, К. Бругманн и А. Мартине, отвергая гипотезу, выдвинутую Я. Гриммом, выразили своё мнение о том, что грамматический род и биологический пол не имеют ничего общего, поэтому грамматический род следует рассматривать как условный знак, не связанный с природой объекта или живого существа. По мнению К. Бругманна, причиной возникновения грамматического рода является только внешнее морфологическое сходство названий, существ женского пола и других неодушевлённых предметов (Хрущева 2004).

Следующим этапом становления грамматического рода после морфологического деления слов, по утверждению И. Фодора, стало развитие согласования, что привело к появлению категории персонализации. Ранее категория рода выражалась только синтаксически, а морфологические черты этой категории проявились лишь спустя тысячелетия. Таким образом, позиция автора заключается в том, что обсуждаемая грамматическая категория рода не имеет никакого отношения к современным социальным реалиям [Fodor 1959: 204-205].

Говоря о грамматической категории рода, отмечается, что эта категория присуща всем индоевропейским языкам и функционирует на всех трёх уровнях:

семантическом, морфологическом и синтаксическом [Белошапкина 1989: 178-230].

Вне грамматического контекста термин «gender» был использован в 1958 году американским психологом, профессором Калифорнийского университета Р. Столлером и эндокринологом Д. Мони. Учёные дифференцировали маскулинность и фемининность как социокультурную особенность «мужского» и «женского» и разграничили два термина – «sex» (биологический пол) и «gender» (социокультурный гендер), тем самым предложив биологический пол изучать биологам и физиологам, а «гендер» – психологам и социологам.

Вслед за Р. Столлером и Д. Мони, социолог Э. Оукли даёт своё определение понятиям «пол» и «гендер»: «Пол – это слово, которое относится к биологическим различиям между женщинами и мужчинами: видимые отличия в гениталиях, которые относятся к различию в репродуктивной функции. Однако, «гендер – вопрос культуры: он относится к социальной классификации «мужественности» и «женственности». Различие между «мужчиной» и «женщиной» с одной стороны и «мужественностью» и «женственностью» с другой делает возможным прояснить многое в споре о половых различиях» [Oakley: <https://www.annoakley.co.uk/fromsgas.pdf>]

На наш взгляд, разделение двух терминов «гендер» и «биологический пол» было проведено с целью отделить социокультурные аспекты женственности и мужественности от физических различий между полами. Понятие «гендер» подчёркивает, что, хотя биологические особенности, телесность и сексуальность непременно определены природой, они неизбежно формируются через призму индивидуального сознания и социокультурных представлений. В целом, гендерный подход предполагает, что поведение мужчин и женщин определяется не только физиологическими различиями, но и социальными факторами, такими как воспитание, образование и традиционные представления о женственности и мужественности в данной культуре и обществе.

В настоящем исследовании мы разграничиваем понятия «пол» и «гендер». Категория «пол» понимается нами как биологическое различие между

мужчинами и женщинами, которое определяется при рождении и говорит о том, какую репродуктивную функцию человек сможет реализовать в последующем. Под категорией «гендер» мы понимаем социальный пол человека, смоделированный обществом и формируемый в процессе воспитания, образования человека, включая в себя психологические, социальные, культурные различия между мужчиной и женщиной, а также языковые и коммуникативные характеристики, проявляющиеся в выборе лексических средств, грамматических форм, речевых стратегий и дискурсивных практик, посредством которых конструируется и репрезентируется гендерная идентичность.

Анализ научной литературы по исследованию гендерной проблематики в лингвистике показал, что исследования гендера и языкового выражения гендерной идентичности чаще всего проводились на базе литературного языка, в то время как исследования, посвящённые изучению гендера в субстандартной лексике, как отражающей наиболее спонтанные, эмоционально маркированные и социально-групповые формы языкового сознания, остаются недостаточно изученными. Данное понятие, его структурно-семантическая и эмотивно-оценочная специфика, а также потенциал для рассмотрения гендерных отношений будет подробно описаны в следующем параграфе нашего исследования.

1.2. Субстандартная лексика английского и русского языков: структурно-семантическая и эмотивно-оценочная специфика

За последнее десятилетие изучение субстандартной лексики привлекло к себе большой интерес учёных и стало объектом множества исследований, направленных на рассмотрение различных аспектов функционирования субстандартных лексических единиц в современной коммуникации и их роли в языковой картине мира.

Ключевыми направлениями исследования субстандартных лексических единиц является:

- теоретическое и лингвокультурологическое изучение субстандартной лексики как феномена (А.Т. Хроленко (2009), В.А. Маслова (2007), З.Д. Попова и И.А. Стернин (1984) и др.);
- исследование молодёжного сленга и интернет-коммуникации как основных источников обновления субстандарта (М.А. Грачёв (1994, 1997, 2000, 2003), В.С. Елистратов (1993, 1994, 1995, 2000), О.В. Лутовинова (2013), Е.И. Горошко (1999, 2000), Белинская Е.П. (2000), А.Е. Жичкина (2000) и др.);
- социолингвистический и функциональный анализ, рассматривающий использование субстандартной лексики в различных социальных группах и дискурсах (Л.П. Крысин (1992, 2000, 2001, 2002), В.И. Беликов (2001), В.Д. Бондалетов (2011) и др.);
- семантико-прагматические и эмотиологические исследования, фокусирующиеся на экспрессивности, оценочности и механизмах воздействия субстандартной лексики (Т.А. Трипольская, В.И. Шаховский (1983, 1987, 2010), Л.Г. Бабенко (1984), Т.В. Маркелова (2013) и др.);
- системное описание и лексикографическая фиксация (составление словарей субстандартной лексики) (Т.Г. Никитина (2000, 2003, 2013), В.М. Мокиенко (2000), М.А. Грачев (1994, 1997, 2000) и др.).

Еще в середине XX века В.Л. Щерба сделал вывод о том, что «литературный язык меньше сам создаёт, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьёт и кипит главным образом в разговорном языке отдельных человеческих группировок» [Щерба 1957: 126]. Такого же мнения придерживался и швейцарский лингвист-филолог Ш. Балли, подчеркивая, что «разговорный язык является единственным истинным языком и нормой оценки всех прочих форм речи» [Балли 1961: 24]. Важность изучения разговорного языка также отмечал Ю.М. Скребнев. По мнению учёного «разговорный язык – это в некотором смысле минимальная система национального языка,

филогенетически и онтогенетически первичная система, важнейшая по диапазону общественной и индивидуальной значимости» [Скребнев 1985: 29].

Е.Д. Поливанов обращал внимание на значимость социологического подхода к изучению языка. В его понимании, язык следует рассматривать как явление, связанное с социальной историей, но также и как средство общения. Лингвистические исследования, по мнению учёного, должны устанавливать причинно-следственные связи между экономическими и социальными явлениями и языковыми процессами. Е.Д. Поливанов считал, что язык играет важную роль в борьбе за существование, и его история неразрывно связана с историей культуры [Поливанов 1991: 94-113]. Действительно, язык формирует наше сознание, отражает общественные отношения и социокультурные феномены. Социологический подход в изучении языка позволяет рассмотреть его не только как абстрактное лингвистическое явление, но и как результат взаимодействия с обществом, его структурами и культурой.

Большой вклад в изучение связи языка, культуры и мышления внесла А. Вежбицкая, выделив важную характеристику каждой языковой структуры – антропоцентричность, «где не только в общественном пространстве, но и в самой структуре языка центральное место отводится человеку» [Вежбицкая 1996: 30]. Вследствие этого, язык является неотъемлемой частью социальной жизни и общественных отношений. Он отражает и формирует культурные и социокультурные особенности, а также выступает ключевым фактором в процессе коммуникации и социального взаимодействия между людьми.

Результатом этого взаимодействия является развитие субстандартного слоя лексики, который выступает особой сферой вербализации социальных отношений, включая гендерные. Именно в субстандарте, в силу его экспрессивности и меньшей подверженности нормативному контролю, наиболее открыто закрепляются стереотипные представления о мужчинах и женщинах, модели их поведения и оценки межполового взаимодействия.

Термин «субстандарт» был введён еще в 30-е гг. XX века американским лингвистом Л. Блумфилдом [Блумфилд, 1968: 102]. Понятия «стандарт» и

«субстандарт» активно стали появляться в работах В.Б. Быкова (2001), В.В. Химика (2004), Е.А. Земской (1979, 1993, 1998), З. Кёстер-Тома (1993), В.А. Хомякова (1974), И.Р. Гальперина (1956, 1958), М.А. Грачева (1994), В.П. Коровушкина (2003), А.Д. Швейцер (1963, 1982), Л.П. Крысина (1992, 2000, 2002), Л. Блумфилда (1933), Э. Партриджа (2002), Р. Спирса (2006), Х. Менкен (1948), Д. Хоттена (1864) и др. Но несмотря на долгое существование данного термина, в современной лингвистической науке нет однозначного его толкования.

В лингвистическом словаре «Dictionary of Language and Linguistics» (Харман 1972), приводятся термины «standard», «non-standard», «substandard». Исследователь отмечает, что «стандартный язык» («стандарт») в английском языке приравнивается к нормативному литературному пласту языка, в то время как «нонстандарт»/ «субстандарт» – к нелитературному [там же: 218].

В.Б. Быков под субстандартом понимает «нормативную подсистему национального языка, в которой преобладают некодифицированные, узуальные нормы» [Быков 2001: 11].

Г.В. Рябичкиной субстандарт рассматривается как «совокупность лексических единиц, относящихся к внелитературному пласту, представленному разговорным речевым регистром, просторечием, жаргонизмами, сленгизмами, арготизмами, вульгаризмами и другими языковыми категориями, выходящими за пределы литературного языка» [Рябичкина 2011: 7].

В рамках исследований Т.В. Беляевой и В.А. Хомякова можно сделать вывод, что авторы рассматривают субстандартную лексику как важную социально-стилистическую категорию, в которой можно выделить два подтипа: социально-профессиональное просторечие и экспрессивное просторечие [Беляева, Хомяков 2010: 49–59].

В свою очередь Б. А. Серебренников рассматривает субстандартную лексику как социальный вариант речи, относя её к речевым стилям [Серебренников 1970: 452-457].].

Согласно Е.Н. Калугиной, субстандарт обладает несколькими особенностями: 1) ненормативен; 2) используется в устной форме; 3) отражает ценности субкультур; 4) не имеет чёткой границы между различными разновидностями субстандarta [Калугина 2013: 265].

В.П. Коровушкин (Коровушкин 2003), М.А. Грачев (Грачев 1994, 1996), Э. Патридж (Patridge 1960) рассматривают субстандартный лексический пласт как сложную социально-стилистическую категорию, включающую в себя социально-профессиональные просторечия, такие как арго и жаргоны, а также экспрессивные просторечия, представленные низкими коллоквиализмами, сленгизмами и вульгаризмами. В соответствии с этой теорией, субстандартные лексические единицы подразделяются на две группы: социально-детерминированные, включающие профессиональные и корпоративные жаргоны, а также арго, и экспрессивные, к которым относят сленг и вульгаризмы.

Как отмечает Е.Н. Калугина, изучение субстандартных языковых единиц является сложной задачей ввиду наличия разногласий в определении природы субстандартной лексики, её структуры, а также роли в жизни социальных групп и всего социума. Между тем, периферия языка в значительной мере моделирует процессы, которые впоследствии обеспечивают её переход в ядерную область [Калугина 2008: 23].

Таким образом, субстандартная лексика характеризуется некодифицированностью и узуальностью, стилистической сниженностью и периферийностью по отношению к ядру литературного языка, тесной связью с устной, спонтанной формой речи и конкретными ситуациями общения, ярко выраженной социальной, групповой и/или профессиональной детерминированностью, высокой степенью экспрессивности и оценочности, сложной внутренней структурой, динамичностью и высокой скоростью обновления лексического состава, особенно в экспрессивных подпластах (сленг).

Субстандарт включает в себя определённые компоненты, которые образуют особый динамичный слой языка, подверженный постоянным

обновлениям и изменениям в связи с модными тенденциями, культурными и социальными изменениями [Лысикова 2024: 135].

Это делает субстандартную лексику исключительно ценным материалом для социолингвистических и, в частности, гендерных исследований.

В рамках настоящего диссертационного исследования мы понимаем под *субстандартным языковым пластом* сложную, динамичную, периферийную по отношению к литературному стандарту подсистему национального языка, функционирующую преимущественно в устной, спонтанной речи и характеризующуюся некодифицированностью, стилистической сниженностью, ярко выраженной экспрессивностью и эмоционально-оценочной нагруженностью.

По мнению В.П. Коровушкина термины «нестандартный», «субстандартный» и «просторечный» являются синонимами. Согласно утверждению учёного, термин «субстандарт» и его производные преимущественно характерны для английского языка, в то время как «просторечие» и его производные более распространены в русском языке. Это явление связано с особенностями языковой культуры и лексического состава каждого языка [Коровушкин 2005: 40]. В своих работах В.П. Коровушкин сформулировал концепцию социолексикографии и выявил основные принципы описания лексических компонентов субстандарта в английском и русском языках.

В.А. Хомяков также указывает на наличие в отечественной лингвистике двух противоречащих друг другу подходов в изучении сущности субстандарта и просторечия. Согласно первому подходу, субстандартная лексика и просторечие входят в состав литературного языка, согласно второму подходу – субстандартная лексика и просторечия входят в состав нелитературного языка. Субстандартную лексику сам же учёный понимает иначе, отлично от классического понимания: «мы рассматриваем просторечную лексику как сложную систему, занимающую определённое место в социально-

стилистической иерархии компонентов словарного состава национального языка» [Хомяков 1974: 11].

Анализ компонентов субстандартной лексики русского и английского языков, представленный в работах отечественных и зарубежных исследователей, приведен в **Приложении 1**.

Анализ литературы по проблеме исследования (А.А. Потебня (1913), Ю.Д. Апресян (1993, 1995, 2006), И.А. Стернин (19985), В.Н. Телия (1986), Н.А. Лукьянова (1986), В.И. Шаховский (1983, 1987), И.В. Арнольд (2021), Д.Н. Шмелёв (1964), А.В. Кунин (1996), Б.А. Ларин (1977) и др.).

показал, что субстандартная лексика русского и английского языков обладает структурно-семантической и эмотивно-оценочной спецификой.

Опираясь на теоретические исследования в области семантической структуры стандартной лексической единицы (Апресян, 1974; Телия, 1986; Стернин, 1985) и учитывая предмет нашего исследования, мы выделяем три взаимосвязанных макрокомпонента в структуре семантики субстандартной лексической единицы (далее СЛЕ): *сигнификативно-денотативный, коннотативный и национально-культурный*. Такая модель представляется наиболее релевантной, поскольку позволяет проанализировать субстандартные лексические единицы не только в рамках предметного значения, но и как сложный маркер социальных отношений, групповой идентичности и культурных кодов, что на наш взгляд является важным для изучения гендерных репрезентаций в данном языковом пласте.

Денотативный компонент значения слова отражает признаки, свойства предмета или явления внеязыковой действительности, т.к. денотат (от лат. *denotatum* – обозначаемое) устанавливает соотношение обозначаемого с миром и является элементом когнитивной деятельности человека [Стернин 1985: 48].

Под сигнификативным компонентом значения слова понимается комплекс признаков, который составляет содержание понятия. Сигнификат (от лат. *significatum* – обозначаемое) «представляет собой отражение в человеческом сознании свойств соответствующего денотата» [ЛЭС 1990: 444], «отображённая

в нашем сознании совокупность свойств, признаков и отношений предметов, ядром которой являются отличительные существенные свойства, признаки и отношения» [Кунин 1996: 175].

И.Е. Герасименко, изучая структуру языкового знака, подчёркивает, что денотат и сигнификат выполняют разные функции: денотат – номинат слова в речи, его обозначаемое, а сигнификат – номинат слова как элемента языка – системы, его означаемое [Герасименко 2008:116].

Признаки денотата СЛЕ, зафиксированные в единицах языка и отражающие результаты мыслительной деятельности носителя языка, отображаются в словарях в виде толкования СЛЕ. Эти признаки достаточны для идентификации объекта. Но А. В. Кунин считает, что некоторые признаки, выявленные в результате соотнесенности внутренней структуры с понятиями или суждениями, не всегда отражаются в словарных определениях, а часто описываются в этимологических комментариях [цит. по Смирнова 2009: 24]

Специфика субстандартной лексики проявляется во взаимодействии и реализации её денотативного и сигнификативного компонентов. В субстандарте Денотативный компонент СЛЕ часто является непрямым, ситуативным. В отличие от стандартной лексики, где связь «слово → предмет» более устойчива, денотат субстандарта может быть метафорическим или метонимическим (например, «предки» в молодёжном сленге денотирует не абстрактных предков, а конкретных родителей в данной ситуации общения). Также субстандартная лексема обладает высокой вариативностью в зависимости от того, кто и в какой ситуации ее использует (например, слово «тормоз» может денотировать медлительного человека, устаревшую технику или непонимающего собеседника).

Сигнификативный компонент СЛЕ также обладает спецификой. Он часто основан на гиперболизированном, эмоционально окрашенном или упрощённом признаке, который становится ядром понятия для определённой социальной группы. Сигнификат субстандартной лексической единицы может быть лакунарным для носителя литературного языка, то есть не входить в его

понятийную картину мира. Например, у субстандартной лексической единицы русского языка «харя» можно выделить денотативный компонент *лицо* и сигнификативный *лицо, как объект негативной оценки, лишенный индивидуальности*, в английском языке у субстандартной лексической единицы «jerk» денотат – *человек*, сигнификат – *социально неприемлемая личность, вызывающая раздражение*.

Е.Ф. Арсентьева не разделяет денотативный и сигнификативный компоненты. Исследователь пишет, что «сигнификативно-денотативный макрокомпонент – соотношение двух сложных и противоречивых явлений – значения и понятия. При этом в понятие входят те признаки определяемого рода предметов, которые признаны обществом существенными» [Арсентьева 1989: 38].

В своем исследовании мы, вслед за Е.Ф. Арсентьевой, не разделяем компоненты и считаем целесообразным рассматривать сигнификативно-денотативный компонент значения СЛЕ как единое целое, так как сигнификативно-денотативный компонент значения СЛЕ является отражением фактов внеязыковой реальности через понятие и обеспечивает соотнесенность между обозначающим языковым элементом и обозначаемой им действительностью.

Семантическая структура СЛЕ находит своё отражение в лексикографических источниках субстандартной лексики. Обычно словарная статья содержит следующие лексикографические инструменты: дефиниция, помета, этимолого-дериватологическое разъяснение, иллюстрированные примеры. Таким образом, сигнификативно-денотативный компонент СЛЕ транслируется через дефиницию.

Следующим важным макрокомпонентом семантической структуры СЛЕ является коннотативный макрокомпонент, где ключевая роль отводится коннотации. Термин «коннотация» неоднозначен. А.В. Кунин (1996), А.В. Калинина (1991), Ю.Н. Караулов (1987), И.А. Стернин (1979) и др. определяют

коннотацию как дополнительное содержание слова, в котором выражается эмоционально-оценочное отношение говорящего к обозначаемому.

В понимании Дж. Милля коннотация – это «приписывание» предмету «характеристических признаков», в отличие от денотации, которая лишь «перечисляет» предметы, указывая на их существование [цит. по: Говердовский, 2008].

По мнению В.Н. Телия, коннотация – это «семантическая сущность, узואально илиokkaзионально входящая в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия 1986: 5]. Коннотация передаёт эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату лексической единицы.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре коннотация определяется как «(лат. *connotatio* – имею дополнительное значение) – эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узואального (закреплённого в системе языка) илиokkaзионального характера» [ЛЭС 1990: 236].

Опираясь на классические работы А.В. Кунина (1996), В.Н. Телия (1986), И.А. Стернина (1979, 1985), Ю.Н. Караулова (1976) можно сделать вывод, что коннотативный компонент СЛЕ является её системообразующим ядром, что отличает СЛЕ от лексики литературного языка. Если в стандартной лексике коннотация часто факультативна, то в СЛЕ она обязательна, гипертрофирована и доминирует над денотативно-сигнификативным компонентом. СЛЕ служит прежде всего для эмоционального взрыва, катарсиса. СЛЕ не просто называет, а создают яркий образ (например, «пушка» вместо «красивая девушка»). Оценка, заложенная в СЛЕ, редко бывает нейтральной. Она часто носит резкий характер (например, «нищеврод» – крайне отрицательная оценка; «бомба» – крайне положительная).

Именно в коннотативном компоненте проявляются гендерные стереотипы и модели «делания гендера» (doing gender). Так, СЛЕ, номинирующие мужчин и кодирующие маскулинность, часто несут коннотации силы, агрессии, доминирования, сексуальной активности, грубоватой простоты («бухен», «альфач», «кент»). Эмоциональная оценка может варьироваться от одобрительной до пренебрежительной в зависимости от контекста. СЛЕ, номинирующие женщин и кодирующие фемининность, акцентированы на внешности, сексуальной привлекательности/доступности, эмоциональности, а также социальной роли («тёлка», «пушка», «сельюшка», «богиня»). Эти коннотации часто объективизируют женщину, оценивая её с внешней, мужской позиции. Коннотации СЛЕ резко маркируют отклонение от гендерных норм, например, для мужчин – слабость («размазня»), для женщин – излишнюю агрессию или сексуальную раскрепощённость («стерва»).

Таким образом, в семантической структуре лексической единицы литературного языка основой выступает именно денотативный макрокомпонент, а в семантической структуре СЛЕ, наоборот, главным компонентом является коннотативный, так как субстандарту присуща ярко выраженная эмотивно-оценочная характеристика. По мнению О.С. Захаровой, употребляя в речи СЛЕ, говорящий нацелен не на отражение объективной картины мира, а на выражение своего отношения к обозначаемому и осуществление определённого воздействия на другого человека с помощью выделения положительных или отрицательных коннотаций СЛЕ [Захарова 2013: 52–59].

Интерес учёных к способам выражения эмоций в речи людей привёл к появлению эмотивной лингвистики, основоположником которой был В.И. Шаховский. По мнению учёного «в человеке все движется эмоциями, в том числе его креативное мышление, его аксиологическое поведение, все его вербальные рефлексy, в том числе и эмоциональные [Шаховский 1983: 22]. Также проблемами эмотивной лингвистики занимались И.А. Стернин (1985), Ш. Балли (1961), Л.Г. Бабенко (1989), С.В. Лескина (2009), Е.В. Чупракова, Е.С. Попович (2014); Е.В. Бирюкова (2009), В.Г. Костенко, И.Н. Сологор (2012), И.В.

Знаменская (2012), Д. Гоулман (2009), К.Л. Брюс (2010), И.Г. Жирова (2007), Р.В. Женни (1994), П.Н. Джонсон-Лэрд (1989) и др.

Субстандартная лексика обладает значительной эмоциональной окраской. Это позволяет обнаружить субъективные особенности речи человека и обогатить семантику лексической единицы через эти особенности. Например, выражение «*Oh, you think that's funny, you shit-heel?*» (Ты думаешь это смешно, говнюк?¹) обладает ярко эмоциональным окрасом, субстандартная лексическая единица *shit-heel* означает *лгун, обманщик*, наделяет объект высказывания качеством глупого, несообразительного человека, и вызывает ответную агрессию со стороны другого человека (Кудрявцев, Куропаткин, 2001). В данном примере коннотативный компонент (глубокая презрительность, оскорбление) полностью подчиняет себе денотативное ядро, а прагматическая цель оскорбления и унижения становится основной функцией высказывания.

Таким образом, ярко выраженная эмотивность является конститутивным признаком субстандартной лексики, что закономерно вытекает из её основных социально-коммуникативных функций. Если в литературном языке эмоции часто выражаются опосредованно, через контекст или стилистические фигуры, то в субстандарте СЛЕ вербализуются прямо, зачастую грубо и гиперболизировано.

Согласно теории В.И. Шаховского, эмотивная лексика делится на знаки-эмотивы (слова, прямо называющие эмоции) и эмоционально-оценочную лексику, где эмоция присутствует имплицитно, как компонент значения (Шаховский 1987). Субстандартная лексика в подавляющем большинстве относится ко второй группе.

Употребление СЛЕ в коммуникации служит для мгновенного эмоционального выплеска, снятия психологического напряжения. Как отмечал В.Д. Девкин, такая лексика работает как «вербальный клапан» для выпуска

---

¹ здесь и далее перевод наш

пара (Девкин, 1994). Например, междометия и ругательства в момент боли или досады (*Ай! Чёрт!*)

При этом, СЛЕ используется не для называния нового понятия, а для усиления, экспрессивного «подчёркивания» уже известного. Эмоциональный компонент здесь доминирует над информативным. Л.Г. Бабенко указывала, что в таких случаях «эмотивный смысл перекрывает интеллектуальное содержание» [Бабенко 1989: 23]. Например, «*Он плохой человек*» (констатация)/ «*Он подлец*» (негативная оценка с эмоцией презрения).

В рамках определённых социальных групп (в молодёжном или профессиональном сленге) использование эмотивно окрашенной субстандартной лексики служит маркером «своих», укрепляет групповую солидарность. Эмоция при этом выступает маркером фамильярности, доверительности или иронии. Например, сленговое обращение «*Чувак, привет!*» несёт положительную эмоциональную окраску внутри группы, но может быть воспринято как грубость за её пределами. Таким образом, структура эмотивного значения СЛЕ часто носит комплексный характер. Одно слово может одновременно выражать: оценку (отрицательную/положительную), эмоцию (гнев, восхищение, пренебрежение и др.), стилистическую маркированность (принадлежность к неформальному общению).

Можно сделать вывод, что эмотивность в субстандартной лексике – это не периферийный, а ядерный признак. Она трансформирует саму семантическую структуру слова, выдвигая коннотативный макрокомпонент на первый план. Это делает субстандартную лексику мощным инструментом речевого воздействия, использование которого строго регламентировано неписаными социальными нормами и ситуацией общения. Изучение данного пласта лексики, как справедливо отмечает В.И. Шаховский, позволяет вскрыть «глубинные механизмы вербального выражения человеческих переживаний» [Шаховский 2008: 7].

Помимо сильной эмоциональной окраски, субстандартная лексика имеет оценочную функцию, так как говорящий, используя субстандарт в речи, ставит

перед собой цель вызвать определенное психологическое состояние у слушателя [Метельская 2012: 55].

Как отмечает Е.О. Менджерицкая, в субстандарте оценка почти всегда слита с эмоцией, формируя комплексный эмотивно-оценочный конгломерат, который и становится ядром значения [Менджерицкая 2010]. При этом оценочный компонент выполняет важнейшую прагматическую задачу: он служит инструментом социальной категоризации и межличностного позиционирования. Например, субстандартная лексема *angel cake* («ангельский пирог» – *привлекательная девушка*) [RDMAS] имеет положительно-оценочную коннотацию, а *shit-stick* («палочка-подтирка, вонючая палочка» – *глупец, болван, бездарный человек*) [RDMAS] – наоборот отрицательно-оценочную. Эта полярность хорошо иллюстрирует тезис В.И. Шаховского о том, что «эмоциональная оценка есть отношение субъекта речи к обозначаемому, спроецированное на обозначаемое» [Шаховский 1987: 78]. В случае СЛЕ такое «проецирование» осуществляется особенно наглядно.

Также важно отметить, что СЛЕ, являясь культурно значимыми единицами лексического фонда любого языка, имеют национально-культурную специфику. Поэтому третьим важным макрокомпонентом семантической структуры СЛЕ является национально-культурный макрокомпонент, который играет важную роль в формировании языковой картины мира и позволяет «проникнуть» в менталитет носителей языка.

Как подчёркивает В.А. Маслова, «язык – это зеркало культуры, в котором отражается не только реальный мир, но и менталитет народа, его национальный характер, традиции, обычаи, система ценностей» [Маслова, 2001: 8]. Субстандартная лексика служит одним из таких зеркал. Например, в английском языке сленговая единица «*to skeleton in the closet*» (букв. перевод «скелет в шкафу» – *постыдный семейный секрет*) уходит корнями в викторианскую эпоху и отражает специфически британский культ скрытности частной жизни. Несмотря на то, что данная метафора сегодня стала интернациональной, для

русского менталитета она не является исконной, что демонстрирует существование различий в культурных акцентах.

Таким образом, национально-культурный компонент выступает не периферийным, а третьим важным компонентом структурно-семантической специфики субстандартной лексики, что, с одной стороны, делает субстандарт трудно переводимым на другие языки, так как семантика субстандартной лексики неразрывно связана с культурным контекстом, а с другой – превращает его в ценный источник сведений о коллективных представлениях.

Изучая взаимодействие в триаде «общество – культура – человек», исследователи затрагивают и гендерный аспект, рассматривая его как социокультурное явление. Несомненно, лингвокультурологические и межкультурные исследования позволяют выявить культурную специфику гендерных отношений, обнаружить общие и отличительные черты в их конструировании в зависимости от языка и культуры общества. Кроме того, такие исследования помогают установить степень андроцентризма разных языков и культур [Кирилина 1997: 15-20].

Данная методологическая основа служит ключом к системному описанию репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков, рассмотрению которых будет посвящён следующий параграф исследования.

1.3. Особенности репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков

Гендерные отношения представляют особый интерес в связи с антропарадигмой, усиливающей ориентацию языка на человека. Если во времена структурализма язык изучали как абстрактную, самодостаточную систему, то в современной лингвистике язык изучают в неразрывной связи с его носителем – человеком. Язык перестает быть просто инструментом коммуникации и

становится способом существования самого человека, формой его сознания, деятельности и, что важнее всего, – самоидентификации.

В лингвистических исследованиях подчеркиваются различные аспекты категории «гендерные отношения». В частности, под данной категорией понимается:

- культурно и социально обусловленные и закреплённые мнения об атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке [Кирилина 2004: 132];

- один из видов социокультурных отношений, который когнитивно репрезентируется в сознании носителей языка и реализуется в процессе коммуникации в виде определённых моделей речевого поведения, гендерно-маркированных единиц языка и речи, а также через механизмы языковой категоризации мира [Горошко 2001: 508–542];

- система диспозиций, ожиданий и норм, которые общество предписывает индивидам в зависимости от их биологического пола. Эти отношения материализуются, в том числе, в лексике, фразеологии и речевых актах, формируя особые «идеолекты» маскулинности и фемининности [Кронгауз 1991: 156–165];

- система взаимообусловленных социальных ожиданий, норм и санкций, регулирующих поведение индивидов в соответствии с их гендерным статусом [Барчунова 2001: 568–589].

Обобщая вышесказанное, в настоящем исследовании под гендерными отношениями понимаются определённые модели речевого поведения, отражённые в языковом сознании носителей языка и реализованные в процессе коммуникации посредством гендерно-маркированных единиц языка и речи.

Гендерные отношения на основе литературного лексического пласта глубоко изучены в трудах И. Гоффмана (1994), Г. Гарфинкеля (1967), Д. Зиммермана, К. Уэста (1987), Т. Парсонса (1956), И.С. Кона (2004), Р. Столлера (1968), Р. Коннела (1993), В.Е. Кагана (2001), С. Бема (2004), М. Хорнера (1972), Г. Рубина (2000), М. Мид (1988, 2004), М. Розальдо (1974, 1980), Дж. Коллира

(1993), А.В. Кирилиной (1997, 1998, 2001, 2004, 2005), И.С. Клециной (2004) и др., тогда как субстандартная лексика исследована с позиции гендерной проблематики до настоящего времени, на наш взгляд, недостаточно. Тем не менее, репрезентация гендерных отношений через призму субстандартной лексики, на наш взгляд, особенно показательна, так как она отражает наиболее актуальные реалии общества, нелитературные элементы являются важной составляющей повседневного общения, что делает их репрезентативным материалом для изучения актуальных социальных, в том числе гендерных, процессов и их отражения в языке.

Ряд исследований на базе субстандартной лексики посвящен изучению особенностей репрезентации полоролевых референций, в частности концепта «женщина» в зоонимической субстандартной лексике английского языка (А.В. Трамова (2020), Л.Х. Дзасежева (2020)), в сленге (А.А. Григорян (2019), А.Ю. Григорян (2019), Е.В. Рубанова (2024), А.Н. Вохина (2022)). Подробно изучены национально-специфичные метафорические модели понятийной сферы «женщина» в американском сленге и русском сленге (Мизюрина 2015).

Отдельное исследование, посвященное репрезентации концептов «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков, проведено Е. Н. Калугиной. Автор подробно рассматривает гендерные концепты языкового субстандарта в целом (Калугина 2012), когнитивные деривационные маркеры в номинациях гендерных концептов субстандарта английского и русского языков (Калугина 2011) и когнитивные признаки, структурирующие концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте английского и русского языков, в частности, представляя тематические группы, репрезентирующие мужской и женский пол в исследуемых лингвокультурах (Калугина 2006).

Особенности репрезентации образов мужчины и женщины в уголовном жаргоне посредством субстандартных лексем-зоонимов отражены в исследовании Г.В. Рябичкиной, Е.В. Метельской (Рябичкина, Метельская 2014).

Е.В. Метельская провела также исследование полоролевой референции на основе СЛЕ-зоонимов в рамках изучения образа человека в английской и

русской субстандартных лингвокультурах. Автор исследования пришла к выводу, что СЛЕ-зоонимы, наряду с другими субстандартными лексическими единицами, являются носителями культурно значимой информации об объективной действительности, отраженной в изучаемых языках [Метельская 2011: 162–168].

Репрезентация полоролевых референций в субстандартной лексике через призму терминов родства представлена в исследованиях О.Б. Багринцевой, Г.В. Файзиевой (Багринцева, Файзиева 2023), Н.В. Громовой (Громова 2017). Авторы, исследуя полоролевою референцию посредством терминов родства в субстандартной лексике русского и английского языков, делают вывод, что половая референция выступает одним из маркеров наивной картины мира, в которой социальные отношения осмысляются через призму семейных. Исследователи показывают, что такая референция не является хаотичной, а подчиняется определенным культурным сценариям: мужчина в субстандарте чаще маркируется как носитель «отцовской» (властной) или «братской» (равной) функции, тогда как женщина либо выводится за пределы этой системы (редкость фемининных номинаций), либо маркируется через сниженные варианты «материнства» или «родства по женской линии» [Багринцева, Файзиева 2023: 32–38]. Данный вывод коррелирует с данными, полученными Е.Н. Калугиной о доминировании маскулинности в субстандартной картине мира, и подтверждает тезис о том, что субстандарт консервирует патриархальные модели гендерных отношений.

А.В. Трамова, Л.Х. Джасежева рассматривают зоонимические признаки концепта «женщина», анализируя особенности его объективации в субстандартной лексике английского языка на материале лексических и фразеологических единиц. Авторы выделяют внешние (внешность, возраст), а также внутренние и интерперсональные (характер, внутренний мир, психологические качества) признаки, репрезентирующие женщину. Исследование концепта «женщина» показало, что его оценка носит двойственный характер, с явным преобладанием отрицательной коннотации.

Положительную оценку получают молодость, привлекательность и сексуальность женщины. Женщина воспринимается как объект удовольствия. Отрицательная оценка связана с возрастом, лишним весом, грубостью и мужеподобностью. Также авторы отмечают, что интеллектуальные и моральные качества женщины оцениваются преимущественно негативно. В английском языке закреплены стереотипы о женской болтливости, глупости, коварстве, жестокости и, в особенности, половой распущенности [Трамова, Дзасежева 2020: 77–81].

А.А. Григорян, А.Ю. Григорян, рассматривая лингвистическую репрезентацию женщины в сленге английского языка отмечают, что создание образа женщины отводится в большой степени мужчине. Авторы подчеркивают, что традиционно в английском языке лексических единиц с отрицательной коннотацией, репрезентирующих образ женщины, больше, чем лексических единиц с отрицательной коннотацией, репрезентирующих образ мужчины. Исторически пейоративная лексика создавалась мужчинами для поддержания своего доминирования, поэтому английский язык зачастую описывает картину мира с мужской точки зрения, превращая женщину в объект (особенно сексуальный). Однако исследователи, изучая современный сленг английского языка, обратили внимание на новую тенденцию: женщины сами начали использовать уничижительные слова по отношению к друг другу, но вкладывают в них иной смысл. Так, в женских компаниях такие слова могут служить маркерами дружеской привязанности и солидарности [Григорян, Григорян 2019: 14–17].

Изучая национально-специфичные метафорические модели понятийной сферы «женщина» в английском сленге, Т.В. Мизюрина описала, как носители американской культуры воспринимают и описывают женщину, выделив 6 национально-специфичных моделей («Мир выгоды», «Часть от целого», «Предмет гардероба», «Мир сверхъестественных сил», «Мир азартных игр», «Независимая женщина»). Анализ данных моделей помог Т.В. Мизюриной сделать вывод о том, что образ женщины в американском сленге формируется

под влиянием национальных ценностей (прагматизм, индивидуализм, культ успеха) и отражает противоречивые представления о женщине: от циничного отношения к женщине-охотнице до восхищения женщиной-богиней. Это отражает сложность гендерных отношений в американской культуре [Мизюрина 2015: 130-134].

Модели понятийной сферы «женщина» были изучены Т.В. Мизюриной и на материале русского сленга. Исследователь выделяет 4 национально-специфичные модели («Инструменты и приспособления», «Имя девушки», «Мир растений», «Вредная привычка»), отмечая, что образ женщины в русском сленге формируется под влиянием национальных особенностей и отражает традиционные представления о женщине, в русской культуре образ женщины двойственный, с одной стороны женщина воспринимается через призму быта, заботы, природных ассоциаций, а с другой женщина – не нежное создание, она способна справиться с мужскими задачами, она может приносить как удовольствие, так и вред [Мизюрина там же]

Рассматривая особенности языковой репрезентации концепта «женщина» в сленге английского языка, Е.В. Рубанова отмечает, что концепт «женщина» в сленге английского языка представлен узким набором признаков. Ключевым признаком является внешняя женская привлекательность, образ женщины воспринимается целостно, часто как объект для секса. Роль матери, хранительницы очага не концептуализируется в сленге английского языка. Исследование подтверждает, что современный сленг английского языка продолжает транслировать мужской взгляд на женщину, где образ женщины – это образ физического объекта, оцениваемого по внешней привлекательности и сексуальной доступности, при этом игнорируются ее личностные, интеллектуальные и семейные характеристики [Рубанова 2024: 101–105].

Отдельное исследование по классификации субстандартных лексических единиц, репрезентирующих концепты «мужчина» и «женщина», проведено Е.Н. Калугиной. В своей диссертационной работе автор предлагает системное описание когнитивных признаков, метафорических моделей и деривационных

особенностей гендерных номинаций в русском и английском субстандартах (Калугина 2008).

Е.Н. Калугина, проведя сравнительно-сопоставительное исследование, обнаруживает универсальные когнитивные механизмы и национально-специфические модели, обусловленные особенностями рассматриваемых лингвокультур. Так, универсальность проявляется в сходстве эмоциональных портретов: в обеих культурах женский образ аккумулирует преимущественно негативные характеристики (непостоянство, хитрость, болтливость), а в мужском образе осуждается любое проявление «феминности». Универсальным является и отсутствие в субстандартах русского и английского языков номинаций материнства, что исследователь интерпретирует как имплицитное табуирование сакрального образа, его сознательное или бессознательное выведение из субстандартной лексики. Национальная специфика, в свою очередь, проявляется в ряде параметров. Наиболее ярким из них является различная степень гендерной маркированности женского образа: в русском субстандарте женщина чаще обозначается именно как женщина (без дополнительных признаков), тогда как в английском субстандарте гендерный признак всегда сопровождается дополнительными характеристиками. Различаются и критерии оценки внешности: русский субстандарт тяготеет к детальной, параметрической оценке с эмоциональными основаниями, английский – к обобщенной, гедонистической. Фиксируются также различия в наборе специфических когнитивных метафор: для русского субстандarta характерно восприятие женщины как «тепла» и «недуга», мужчины – как «завоевателя» и «лидера»; для английского – женщины как «материала» и «объекта деятельности», мужчины – как «агрессора» [Калугина 2008: 125–133].

Анализ и описание социально и культурно детерминированных форм существования языка, в частности, особенностей репрезентации маскулинности (мужского) и феминности (женского) в нестандартной лексике английского и русского языков проводится на основе выделения лексико-семантических групп (далее ЛСГ), что позволяет:

1. структурировать субстандартный лексический состав русского и английского языков в определенном тематическом поле, релевантном для гендерной репрезентации;

2. выявить понятийные категории, свойственные речевому поведению мужчины и женщины, отражённые в языке;

3. описать фрагменты языковой картины мира носителей исследуемых языков в соответствии с гендерной принадлежностью.

Согласно работам Ф.П. Филина, существует два способа классификации лексики. Лексические единицы объединяются в тематические группы (ТГ) «по содержанию обозначаемых им понятий, иначе – по темам или сферам употребления» [Филин 1982: 231], далее «в рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесно спаянные между собой лексико-семантические группы (ЛСГ). Любая лексико-семантическая группа слов входит в то или иное тематическое объединение слов, являясь ее составной частью» [Филин 1982: 233]. Поэтому любая ЛСГ слов, объединённая общностью значений и парадигматическими связями, входит в состав более широкого тематического объединения слов. ТГ, как правило, включают в себя несколько лексико-семантических групп, которые конкретизируют и детализируют общую тему. ТГ представляют собой своеобразные «зонтичные» объединения, включающие в себя более мелкие и конкретные ЛСГ, связанные общностью понятийной сферы. Это отражает иерархическую организацию лексики в языке.

Применительно к настоящему исследованию данная иерархическая модель позволяет структурировать субстандартную лексику, репрезентирующую образ мужчины и женщины, следующим образом. В качестве тематических групп выделяются наиболее общие сферы номинации, значимые для гендерной параметризации личности (например, «Внешность», «Поведение», «Социальный статус», «Межличностные отношения»). Далее, в составе каждой ТГ выделяются лексико-семантические группы, объединённые общностью значения и парадигматическими связями: так, внутри ТГ «Внешность» могут быть выделены ЛСГ «Привлекательная внешность», «Непривлекательная внешность»,

«Возрастные особенности внешности» и т.д. Такая двухуровневая классификация позволяет, с одной стороны, охватить весь массив субстандартных номинаций, а с другой – выявить смысловые различия внутри близких по тематике единиц.

Д.В. Семенова в своём исследовании, изучая гендерный аспект концептуального анализа лексем «мужчина» и «женщина», выделила 3 тематические группы, внутри которых были выделены более мелкие группы: Социальные характеристики мужчин и женщин (Социальный статус мужчин и женщин, Социально значимая деятельность мужчин и женщин); Психологические характеристик мужчин и женщин (Черты характера, Умственные способности); Физиологические характеристики мужчин и женщин (Внешность, Возраст). Ученый характеризует мужчину через призму положительных и отрицательных характеристик. В ходе анализа фразеологических единиц, были выявлены такие положительные характеристики как общительность, благородство, честь, смелость, в то время как к отрицательным были выявлены пагубные привычки, самоуверенность, упрямство, лень, трусость, слабохарактерность. Женщина в исследовании Д.В. Семеновой представлена через физиологические характеристики, семейно-бытовую сферу и эмоционально-коммуникативные качества (Семенова, 2006).

А.А. Миннигалева, исследуя наименования лиц по гендерному признаку в немецком языке, выделила 9 семантико-тематических групп: Социальный статус, Профессиональная принадлежность, Характер человека, Интеллект человека, Родство, Возраст, Внешность, Сверхспособности, Трансгендерность. Ключевой характеристикой мужчины, по мнению А.А. Миннигалева, является «ум», «статность», «смелость», «апатия». Женщина же в работах автора представлена посредством характеристик, описывающих «внешность» и «эмоциональный фон» (Миннигалева, 2021).

Ю.А. Закирова, изучая лингвокультурологические особенности гендерного аспекта в языковой картине мира паремий, выделила 6 семантических групп в мужской картине мира (Брак, Любовь, Внешность, Отцовство, Характер,

Старость) и 6 групп в женской картине мира (Брак, Любовь, Внешность, Материнство, Характер, Старость). В отличие от вышеприведенных характеристик, Ю.А. Закирова отмечает, что мужчина обладает такими отрицательными качествами, как коварство, хвастовство, мужчина склонен к пьянству и распутному поведению. Представительница женского пола, по мнению автора, характеризуется с точки зрения полезности для мужчины, в доме женщина – хозяйка и мать, обеспечивающая комфорт для мужа, женщина зависима от мужчины, она подчиняется ему, рядом с женщиной должен быть мужчина, красивая женщина приравнивается к опасной (Закирова 2012).

Н.В. Головинова, исследуя языковую репрезентацию диады мужчина/женщина на основе художественной литературы, выделила 7 лексико-семантических групп: Внешний облик, Характер, Интеллектуальная сфера, Социальная сфера, Поведение, Эмоционально-волевая сфера, Особенности речи. По мнению Н.В. Головиной, мужчину характеризует совокупность качеств, связанных с активным, волевым началом, интеллектуальной и социальной доминантой. В рамках её классификации ключевыми для репрезентации мужского образа становятся рациональность, глубина мысли, образованность, решительность, сдержанность в проявлении чувств, активная общественная/военная позиция, статус, независимость). В то время как женщина в её исследовании обладает такими качествами/характеристиками, как сосредоточенность на внутреннем, эмоционально-чувственном мире и внешнем облике. Доминирующими характеристиками являются красота, грация, чувствительность, страстность, но часто податливость или непостоянство, доброта, кротость, либо коварство и легкомыслие (Головинова 2012).

Академиком Н.Ю. Шведовой была предложена система деления лексем по тематическим группам в соответствии со значениями и смысловыми связями, согласно которой наименования женщины и мужчины представляют собой базовую, фундаментальную оппозицию внутри семантического поля «Названия лиц» (Шведова 2002).

Н.Ю. Шведова предлагает включать в состав семантического поля «Названия лиц» следующие тематические группы, которые в свою очередь, делятся на более мелкие лексико-семантические группы:

1. реальные лица, люди:

1.1. лицо, человек:

1.1.1. общие обозначения;

1.1.2. названия лица по характерным признакам:

1.1.2.1. по отношению к расе, национальности, а также к территории, месту жительства, по местонахождению;

1.1.2.2. по интеллектуальному, интеллектуально-эмоциональному, интеллектуально-эмоционально-физическому состоянию, свойству, качеству и их проявлению, названия лиц по социальному свойству, качеству и их проявлению;

1.1.2.3. по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характеру социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям;

1.1.2.4. по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, отношениям;

1.1.2.5. по физическому, физиологическому, психическому состоянию, свойству, действию.

2. Религиозные, мифологические, сказочные, фантастические человекоподобные существа (Шведова 2002).

Опираясь на методологию тематической классификации и обобщая наработки М.М. Покровского (2006), В.В. Виноградова (2018), Ф.П. Филина (1982), Д.Н. Шмелёва (1964), Н.Ю. Шведовой (2002) и современных разработок П.Е. Гриценко (2021), А.В. Кирилиной (2000), а также с учётом подходов, применявшихся Д.В. Семёновой (2006), А.А. Миннигалеевой (2021) и др., мы разработали интегративную классификацию субстандартной лексики, номинирующей лиц мужского и женского пола, по тематическим группам, что позволит выявить универсальные и культурно-специфические черты в

восприятию и вербализации гендерных отношений на уровне субстандарта русского и английского языков. Обозначенные тематические группы будут подробно описаны на базе субстандартной лексики английского и русского языков, выявленной в записях стендап-выступлений 2023–2025 годов, составляющих эмпирическую базу настоящего исследования.

Выводы по Главе I

Первая глава настоящего исследования посвящена комплексному исследованию становления гендерной лингвистики, а также специфики субстандартной лексики и особенностям репрезентации гендерных отношений в субстандартном языковом пласте английского и русского языков. Гендерная лингвистика, оформившаяся в 1970-е годы в рамках антропоцентрической парадигмы, сместила фокус с биологического детерминизма на понимание гендера как социально и культурно конструируемого феномена. В рамках направления сформировались два основных вектора: изучение языковой репрезентации гендера и анализ коммуникативного поведения, где центральным становится понятие «делание гендера» (doing gender), процесса постоянного воспроизводства гендера в интеракции. Работы Р. Лакофф и феминистской лингвистики доказали андроцентричный характер языка (отождествление человека с мужчиной, производность женских номинаций), а само разграничение биологического пола (sex) и социального гендера (gender) позволило утверждать, что язык не просто отражает, но и активно конструирует, поддерживает и транслирует гендерные иерархии. Большинство гендерных исследований было выполнено на базе литературного языка, тогда как субстандартная лексика, как область наиболее спонтанного и эмоционально маркированного языкового сознания, остаётся недостаточно изученной в гендерном аспекте, что открывает перспективы для дальнейших изысканий.

Субстандартная лексика английского и русского языков представляет собой сложную, динамичную и периферийную по отношению к литературному стандарту подсистему национального языка, функционирующую преимущественно в устной спонтанной речи и характеризующуюся некодифицированностью, стилистической сниженностью и высокой степенью экспрессивности. Ключевая структурно-семантическая специфика субстандартной лексической единицы заключается в доминировании коннотативного макрокомпонента над сигнификативно-денотативным

макрокомпонентом. В отличие от литературной лексики, где основой выступает предметно-понятийное содержание, в субстандарте главной является эмоционально-оценочная функция, направленная на выражение отношения говорящего, эмоциональную разрядку и прагматическое воздействие на собеседника. Третьим значимым макрокомпонентом выступает национально-культурный макрокомпонент, который отражает менталитет, традиции и систему ценностей народа-носителя языка, делая субстандарт ценным источником сведений о коллективных представлениях.

Благодаря экспрессивности и оценочности, субстандартная лексика становится репрезентативным материалом для изучения гендерных отношений. Под гендерными отношениями понимается отраженные в языковом сознании носителей языка и реализованные в процессе коммуникации посредством гендерно-маркированных единиц языка и речи определённые модели речевого поведения.

Для субстандартной картины мира в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах характерны андроцентризм и пейоративность женских номинаций: женщина объективируется, оценивается через внешность и сексуальную доступность, тогда как её интеллектуальные и семейные характеристики остаются лакунарными. Мужской образ кодируется через семантику силы, активности и социального статуса. Наряду с универсальными чертами фиксируется национально-культурная специфика: в русском субстандарте женщина чаще обозначается без дополнительных признаков, оценка внешности детальна; в английском гендерный признак сопровождается дополнительными характеристиками, а внешность оценивается обобщённо. Методологической основой системного описания гендерных отношений в субстандарте английского и русского языков выступает тематическая классификация, позволяющая структурировать субстандартные номинации по сферам: внешность, характер, поведение, социальный статус и межличностные отношения.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В настоящем исследовании на основе имеющихся классификаций и на основе семантического критерия выборки из словарей субстандартной лексики английского и русского языков мы разработали классификацию субстандартных лексических единиц, номинирующих лиц женского и мужского пола, в которую включены 3 тематические группы, подразделенные на 10 лексико-семантических групп. Лексические единицы были распределены по тематическим группам в соответствии с общностью значения. Этот подход позволяет систематизировать эмпирический материал, выделив устойчивые семантические сферы, в которых субстандартные номинации лиц женского и мужского пола функционируют наиболее репрезентативно.

I Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения», лексико-семантические группы:

1. Лексико-семантическая группа «Сексуальные отношения»;
2. Лексико-семантическая группа «Супружеские отношения»;
3. Лексико-семантическая группа «Дружеские отношения».

II. Тематическая группа «Атрибуты личности», лексико-семантические группы:

1. Лексико-семантическая группа «Внешность»;
2. Лексико-семантическая группа «Характер»;
3. Лексико-семантическая группа «Интеллект»;
4. Лексико-семантическая группа «Возраст».

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение», лексико-семантические группы:

1. Лексико-семантическая группа «Профессиональная деятельность»;

2. Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои».
3. Лексико-семантическая группа «Финансовый статус».

2.1. Репрезентация наименований лиц женского и мужского пола в субстандартной лексике английского языка

Материалом настоящего исследования послужила направленная выборка субстандартных лексических единиц со значением «мужчина» и «женщина» из словарей субстандартной лексики английского языка. Основными источниками выборки стали значимые и известные словари: «A Dictionary of Slang and Unconventional English» by Eric Partridge (далее – DSUE); «Dictionary of Contemporary Slang» by Tony Thorne (далее – DCS); «The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English» by Tom Dalzell (далее – RDMASUE); «The Oxford Dictionary of Slang» by John Ayto (далее – ODS), «Dictionary of American slang New York» by S. Flexner, H. Wentworth (далее – DAS), из которых были отобраны и проанализированы 3422 СЛЕ, из них 1766 СЛЕ, репрезентирующих образ женщины, и 1625 СЛЕ – образ мужчины.

С целью последующей реконструкции образов женщины и мужчины в субстандартном слое английского языка, мы провели семантический анализ отобранных СЛЕ, в соответствии с предложенной классификацией. Семантический анализ отобранных СЛЕ позволил выделить базовые семантические признаки (далее БСП)

СЛЕ, номинирующие женщину (1766 СЛЕ), в соответствии с нашей классификацией в количественном отношении распределены следующим образом:

- I. Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения»: 476 СЛЕ.
- II. Тематическая группа «Атрибуты личности»: 942 СЛЕ.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение»: 348 СЛЕ.

Количественно субстандартные лексические единицы, номинирующие мужчину (1625 СЛЕ), распределены следующим образом:

I. Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения»: 402 СЛЕ.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности»: 924 СЛЕ.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение»: 350 СЛЕ.

Рассмотрим подробно, как наименования лиц мужского и женского пола номинируются в субстандартной лексике английского языка.

2.1.1. Наименования лиц женского пола в субстандартной лексике английского языка

I. Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения» (наибольшее количество лексем в выборке). В данную тематическую группу отобрано 476 СЛЕ.

1. Лексико-семантическая группа «Сексуальные отношения» – 230 СЛЕ.

В ходе направленной выборки нами было выявлено, что преобладающее количество СЛЕ в данной лексико-семантической группе (далее ЛСГ) имеют семантическую характеристику «женщина – сексуальный объект (a woman – a sex object)», например:

PIE – a woman as a sexual object (RDMASUE). Женщина, номинируемая данной лексической единицей, ассоциируется с выпечкой, которая часто бывает сладкая. БСП: «сладкое угощение», желанный объект, которым можно насладиться.

SEX BOMB – a woman stacked with sex appeal (RDMASUE). Значение СЛЕ – женщина, обладающая сильной сексуальной привлекательностью. Женщина

уподобляется взрывному устройству по признаку мощности, внезапности и подавляющего воздействия. Посредством данной метафоры образ женщины снижается до атрибута физиологического эффекта. БСП: источник сексуального влечения, объект страсти.

SADDLE – the female pudenda; woman as sexual pleasure (DSUE). СЛЕ номинирует женщину как объект для удовольствия. БСП: подконтрольности женщины.

К ЛСГ «Сексуальные отношения» также были отнесены СЛЕ, номинирующие женщину, как подругу/любовницу, находящуюся в сексуальных отношениях с мужчиной. Обратимся к примерам.

SQUEEZE – a girlfriend, a sweetheart (a man's primary romantic partner) (RDMASUE). СЛЕ используется для описания женщины, которая находится в сексуальных отношениях с мужчиной, подчёркивая привязанность, близость, часто с физическим подтекстом. БСП: женственность, ласка.

MAMMA – a pretty, lively, sexy and affectionate female sweetheart (DAS). Лексема имеет шутливо-ироничную коннотацию и используется для описания женщины, которая заботится, любит и оберегает своего мужчину. БСП: забота, любовь, защита.

ОАО (One and Only Her) - a girlfriend US, 1956 • Whether flanker (tall person) or gnome (member of a runt company), he's sure to have an O.A.O. (One and Only Her) – Chicago Daily Tribune, p. N4, 23rd December 1956 (RDMAS). СЛЕ подчёркивает исключительность женщины, её особенное место в жизни мужчины. БСП: любовь и преданность.

Таким образом, было установлено, что в субстандарте английского языка преобладают СЛЕ, которые объективируют женщину, подчёркивая её подчинённое положение и закрепляя гендерный стереотип подконтрольности женщины. Анализ семантических признаков позволяет говорить о системной дегуманизации женского образа, который репрезентируется либо как пассивный объект для удовлетворения мужской потребности (пища, предмет, место для

«езды»), либо как функция (подруга/любовница), ценность которой определяется её отношением к мужчине.

2. Лексико-семантическая группа «Супружеские отношения» – 192 СЛЕ.

В эту группу были отобраны СЛЕ со значением женщина – «wife (жена)». Рассмотрим СЛЕ, номинирующие «married woman (замужнюю женщину)», например:

BETTER HALF – a wife (DSUE). СЛЕ используется для описания замужней женщины как «лучшей половины», подразумевая, что муж без неё неполноценен. БСП: партнёрские отношения.

MY OLD LADY – a wife: low coll.: from ca. 1860; earlier, S.E. Hence, your good lady, your wife (DSUE). СЛЕ описывает замужнюю женщину, которая находится в браке уже много лет и которая любит своего мужа. Выражение имеет двойственное значение, в зависимости от контекста может использоваться как с положительной оценкой, так и с отрицательной, подчёркивая возраст женщины. БСП: любовь, возраст, усталость.

PLATES AND DISHES - wife: rhyming s., on missis(-us) (DSUE), букв. перевод «тарелки и блюда». СЛЕ используется для описания женщины в роли жены. В данном контексте указание столового предмета (тарелка) указывает на роль женщины в обеспечении быта, в частности, в приготовлении пищи и обслуживании мужа. БСП: обслуживание.

Таким образом, отобранные СЛЕ, описывающие замужних женщин, отражают устойчивые гендерные стереотипы, связанные с ролью женщины в браке. Женщина часто ассоциируется с домашними обязанностями, такими как приготовление пищи, обслуживание мужа, а также с пассивностью и зависимостью от мужа. Это подчёркивает традиционное восприятие женщины как хранительницы домашнего очага. Исходя из этого, можно сделать вывод, что отобранные СЛЕ отражают традиционные представления о распределении ролей в браке, где женщина часто воспринимается как пассивная сторона, обеспечивающая комфорт и быт, а мужчина – как активный добытчик.

3. Лексико-семантическая группа «Дружеские отношения» – 54 СЛЕ. В группу были отобраны СЛЕ со значением «female friend». Отобранные СЛЕ имеют положительную оценку. Рассмотрим примеры:

GAL PAL - a woman's female friend (RDMASUE). СЛЕ используется для описания женщины – подруги, которая близко дружит с другой женщиной. БСП: дружба, девичьи интересы.

HOMEGIRL - a very close female friend, usually from the same neighborhood, gang, or faction of a gang (RDMASUE). СЛЕ используется для описания женской дружбы как очень близкой, основанной на общих интересах. БСП: преданность, общие интересы, верность.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности». В данную тематическую группу было отобрано 942 СЛЕ, репрезентирующих образ женщины.

1. Лексико-семантическая группа «Внешность» в английском субстандартном языке является самой многочисленной и представляет собой обширный и разнообразный набор СЛЕ, отражающих гендерные стереотипы и социальные нормы, связанные с восприятием внешности. Нами было отобрано 436 СЛЕ, репрезентирующих образ женщины. Факт того, что в субстандартном слое английского языка большее количество лексических единиц репрезентируют именно женщину, можно объяснить тем, что внешность женщины оценивается и обсуждается чаще, чем мужская. Женщины должны соответствовать определенным стандартам красоты, что находит своё отражение в языке. Семантический анализ лексических единиц, обозначающих привлекательную/непривлекательную женщину в субстандарте английского языка, позволяет выделить несколько ключевых аспектов, связанных с восприятием женской красоты и привлекательности. Обратимся к примерам.

а. Привлекательная женщина.

Сравнение с едой и сладостями:

HONEY-BUN - an attractive girl; also, an endearment to one (DSUE). Мёд традиционно символизирует нечто приятное, ценное, ассоциируется с

нежностью и любовью. В данном контексте указывает на то, что женщина воспринимается как «сладкая», то есть очень привлекательная, вызывающая положительные эмоции и желание быть рядом. Булочка – выпечка, которую хочется съесть. В переносном смысле это придаёт внешности женщины оттенок «аппетитности»: она выглядит настолько хорошо, что её хочется «вкусить» (взглядом, прикосновением). Булочка обычно имеет округлую, мягкую форму, что может проецироваться на приятные формы фигуры или лица (мягкие линии, пухлость, нежность). Кроме того, булочка ассоциируется с домашним уютом, теплом и заботой. СЛЕ имеет положительную коннотацию. БСП: источник сладкого удовольствия и нежного уюта.

PEACH - a pretty, attractive girl or woman (DAS). Персик – это дар природы. Эта сема указывает на то, что красота девушки воспринимается как природная, натуральная, не требующая искусственных украшений. Поверхность персика покрыта мягким пушком, который приятен на ощупь. Тактильная сема проецируется на кожу девушки: она должна быть нежной, гладкой, бархатистой. Персик имеет округлые, соблазнительные очертания и приятный розовато-жёлтый цвет (часто ассоциируется с румянцем). В применении к женщине означает красивые округлости фигуры, приятный цвет лица, соблазнительность. Персик – сладкий и сочный фрукт. Его хочется съесть. Эта сема указывает на то, что женщина воспринимается как источник удовольствия, наслаждения. СЛЕ имеет положительную коннотацию, выражая восхищение, симпатию, одобрение. БСП: воплощение свежей, нежной и совершенной красоты, вызывающей восхищение.

CHEESECAKE - a sexually attractive young woman (DAS). Чизкейк – десерт, который обладает насыщенным, сливочным вкусом. В переносном смысле эта сема указывает на сексуальную привлекательность женщины, вызывающую желание «вкусить» её красоту. Как и любой десерт, чизкейк существует для того, чтобы его съели. В переносе на женщину это неизбежно приводит к объективации: она воспринимается как пассивный объект, созданный для

удовлетворения мужского взгляда (и, возможно, не только взгляда). БСП: аппетитный и визуально соблазнительный объект.

Сравнение с животными:

FOX - a beautiful woman or girl (RDMASUE). Лиса в природе – небольшой хищник. В переносном смысле эта сема придаёт женщине оттенок опасности, дерзости, непредсказуемости. Она не просто красива, она «охотится» взглядом, манит, но может и «укусить». В сказках лиса традиционно умна, изворотлива, способна обмануть. Применительно к женщине это означает, что её красота подкреплена интеллектом, остроумием. Лиса движется плавно, бесшумно, грациозно. Эта сема проецируется на женскую пластику, походку, умение подать себя. В современном английском *fox* и *foxy* – прямые синонимы *sexu*, *hot*. Это указание на высокую степень физической привлекательности. БСП: красота, сочетающаяся с умом, грацией и дерзкой игривостью.

HIP DUCK - a nice girl, i.e. an attractive or sympathetic one (DSUE). Утка в английской (и мировой) культуре ассоциируется с неуклюжей походкой, безобидностью, домашностью, а в некоторых контекстах – с глупостью. В применении к женщине эта сема убирает сексуальность, делает образ неопасным, доступным, вызывающим симпатию. Бедро – вторичный половой признак, символ женственности, способности к деторождению и сексуальной привлекательности. В культуре лексическая единица «hip» часто отсылает к форме тела, изгибам, тому, что привлекает мужской взгляд. Это прямое, телесное указание на привлекательность. БСП: физическая привлекательность.

CHICKLET - applied to a sexually attractive young woman; from chick young woman + diminutive suffix -let, punningly after Chiclets, name of a brand of chewing gum (ODS). В английском сленге «chick» (цыплёнок) используется для обозначения молодой женщины, часто с оттенком незрелости. Цыплёнок – символ только что появившегося на свет, ещё неоперившегося существа. Эта сема привносит в слово *chicklet* значение юной, возможно, даже немного неопытной, но оттого ещё более привлекательной девушки. Уменьшительный суффикс *-let* подчёркивает хрупкость, изящество. Он усиливает ощущение

«игрушечности»), желания заботиться или обладать чем-то маленьким и милым. Chiclets – известный бренд жевательной резинки в форме маленьких цветных драже. Эта ассоциация вносит ключевую семантическую характеристику: девушка уподобляется конфетке, которую можно «жевать» (в переносном смысле долго и с удовольствием рассматривать, флиртовать). Сладость отсылает к приятным ощущениям, а брендовость – к некой стандартизированной привлекательности (как продукт массовой культуры). БСП: миниатюрное, сладкое лакомство, сочетающее в себе наивность и аппетитность.

Сравнение с объектами или абстрактными понятиями:

DOLL – a pretty girl or woman, esp. a pretty girl or woman whose main use in life seems to be grace the scene rather than to make an active contribution, esp. a clear complexioned blonde, blue-eyed girl with regular features (DAS). Кукла – не живое существо, а имитация человека, созданная для эстетического удовольствия или игры. Кукла обычно имеет правильные, симметричные черты лица, соответствующие некому стандарту. Женщина должна быть классически красива: правильные черты, чистая кожа. Это красота без изъёнов, но и без индивидуальности, как у пластиковой модели. Словарь уточняет, что «doll» – это преимущественно светлокожая блондинка с голубыми глазами. Это отсылает к определённому культурному идеалу красоты (особенно популярному в середине XX века в США), который ассоциировался с «всеамериканской» внешностью (Мэрилин Монро, Бетти Пейдж и др.). Таким образом, слово несёт не просто общую оценку, а привязку к конкретному визуальному типу. БСП: эстетически совершенный, но пассивный декоративный объект, чья роль сводится к украшению пространства, а не к активному участию в жизни.

PICTURE - a beautiful woman (ODS). Картина – это объект, созданный как нечто прекрасное, обладающее композиционной цельностью, цветовой гармонией. Применительно к женщине указывает на то, что её внешность воспринимается как совершенный образ, в котором все детали (черты лица, фигура, манера держаться) прекрасны. Другие качества (ум, характер) отходят на второй план. Картина – объект, на который смотрят, она сама не смотрит на

зрителя (в отличие от живого человека). Таким образом, женщина – объект созерцания, а не активный участник взаимодействия. БСП: совершенное визуальное произведение, достойное созерцания и восхищения.

QUEEN – a very generous, pleasant, remarkable or attractive girl or woman (DAS). Королева – верховная правительница, стоящая над всеми. Эта сема придаёт женщине значение исключительности. Королева может одаривать своих подданных, проявлять милость. Эта сема напрямую отражена в словарном значении: женщина-«queen» щедра. Щедрость – проявление её «королевской» натуры. Называя женщину «королевой», говорящий выражает не просто оценку, а почтение, признание её превосходства. БСП: наделение высшими достоинствами (щедростью, приятностью, красотой).

Сексуальная привлекательность:

HOT TAMALE - a sexually arousing or provocative woman. A male expression of admiration or approval first coined by adults but now probably more popular among enthusiastic, if unsophisticated, high school and college students. A tamale is a spicy rolled pancake, a Mexican speciality (DCS). Тамале – специфическое мексиканское блюдо, не повседневное для американской (и европейской) культуры. Тамале традиционно приправляют перцем чили и специями. В переносном смысле эта сема указывает, что женщина обладает «изюминкой», дерзостью, провокационным поведением. Как и в случаях с СЛЕ «cheesecake», «honey-bun», женщина уподобляется пище, что несёт оттенок объективации: она существует для того, чтобы её «вкусили» (взглядом, в воображении или физически). БПС: сексуальная привлекательность.

SEXPOT - a sexually attractive woman (ODS). Прямое указание на то, что главное качество женщины – способность возбуждать желание. *Pot* – ёмкость, предназначенная для содержания чего-либо. В сочетании с лексической единицей *sex* возникает образ «горшка, полного секса». Женщина пассивна, она лишь содержит в себе сексуальность, которая может быть «извлечена» и «потреблена». БСП:местилище, наполненное сексуальностью,

воспринимаемое исключительно как источник физического влечения и объект сексуального потребления

FUNBAG - a woman, particularly an attractive woman or a potential sexual partner (DCS). *Fun* – весёлое времяпрепровождение, радость, лёгкость. Эта сема задаёт общий тон: женщина ассоциируется с позитивными эмоциями, досугом, игрой. *Bag* – предмет для ношения или хранения чего-либо. Как и *pot*, эта сема объективирует женщину, превращая её во вместилище чего-либо. Женщина рассматривается как объект для сексуальных отношений, что подчёркивает её инструментальность. БСП: вместилище удовольствия и развлечения.

Уникальные и необычные метафоры:

RUM DOXY – a beautiful woman (DSUE). Ром – крепкий алкоголь, ассоциирующийся с жаром, головокружением, потерей контроля. Женщина, как ром, «опьяняет», её красота действует подобно хмельному напитку. БСП: опьяняющая красота.

SHEBA – an attractive girl (DAS). Шеба, царица Савская – монархиня, символ женской власти над мужчиной. Она не просто красива, а вошла в историю и мифы, что подчёркивает уникальность женщины. Женщина воспринимается как королева, стоящая выше других, достойная поклонения. БСП: царственное величие, мудрость и неотразимая красота.

ANKLE – an attractive female or females. This use of the word appears to predate its popularity among black youths and on campus since the late 1990s. The provenance is unclear and it may be a jocular reference to the archaic phrase ‘a well-turned ankle’ as a Victorian notion of beauty (DCS). Лодыжка – часть тела, которая в викторианскую эпоху символизировала скрытую эротику, а в современном сленге используется для обозначения красивой девушки, сводя её к отдельной части тела. БСП: привлекательность.

Таким образом, отобранные СЛЕ, используемые для описания привлекательной женщины, отличаются высокой степенью метафоричности. Женщина сравнивается с едой, животными, объектами, абстрактными понятиями и даже с историческими и культурными образами, что подчёркивает

богатство языка и его способность передавать сложные эмоции и ассоциации через образы. Все рассмотренных СЛЕ имеют шутливо-ироничную коннотацию с положительной оценкой. Это указывает на то, что в мужских глазах привлекательная внешность женщины вызывает положительные эмоции.

Непривлекательная женщина.

Сравнение с животным:

BAT – an ugly woman (RDMASUE). Летучие мыши активны ночью, прячутся в пещерах, ассоциируются с тьмой, вампирами, смертью. Номинация женщины посредством такой лексемы придаёт ей оттенок мрачности, зловещности. Летучие мыши часто вызывают иррациональный страх и брезгливость. Это переносится на женщину: она не просто некрасива, а вызывает желание держаться от нее подальше. БСП: существо, вызывающее отвращение своей нечеловеческой наружностью.

BUFFARILLA – an ugly girl. A blend of «buffalo» and «gorilla» (RDMASUE). Буйвол – крупное, мощное, но некрасивое животное с грубыми формами, ассоциируется с неуклюжестью, тяжеловесностью, отсутствием изящества. Горилла символизирует грубую силу, примитивность, неразвитость, а также внешнее уродство (выступающие челюсти, крупные ноздри, волосатость). Соединение двух животных создаёт образ чудовищной, преувеличенной непривлекательности. И буйвол, и горилла – символы маскулинной силы. Женщина лишается любых признаков нежности, изящества, привлекательности. БСП: нечеловеческая грубость и уродство.

SWAMP-DONKEY – an extremely ugly or unattractive female. A vogue term among university students since around 2000. A British origin has been claimed for the phrase, but it may be a rural North American slang word for a moo (DCS). Букв. перевод «болотный осел». Осёл – символ упрямства и глупости; болото – место мрачное, грязное, опасное. Женщина, таким образом, ассоциируется с этой дикой, необжитой средой, далёкой от цивилизации и красоты, предстаёт как нечто дикое. БСП: упрямство, приводящее к опасным последствиям.

Сравнение женщины с животными в английской субстандартной лексике демонстрирует устойчивую закономерность: выбор зоонима определяет оценочный вектор – положительный (привлекательная женщина) или отрицательный (непривлекательная). Для номинации привлекательной женщины используются зоонимы, ассоциирующиеся с изяществом, хитростью, грацией, миниатюрностью. Для номинации непривлекательной женщины используются зоонимы, вызывающие отвращение, страх или ассоциации с грубой силой, уродством, мрачностью. Важно отметить, что в представленном материале отсутствуют случаи использования одного и того же зоонима для обозначения и привлекательной, и непривлекательной женщины. За каждым зооморфным образом в субстандарте закреплена устойчивая, однозначная оценочная коннотация, что отражает глубинную культурную модель, где женская привлекательность связывается с изяществом, молодостью, а непривлекательность – с маскулинной грубостью, дикостью и отталкивающей внешностью.

Сравнение с объектами или абстрактными понятиями:

FLYBAIT – *an unattractive girl (RDMASUE)*. Мухи в человеческом восприятии тесно связаны с нечистотами, отбросами и гниением. Они являются неизменными спутниками смерти и разложения. В данном контексте женщина – приманка для мух, которые слетаются на запах гниющей органики. БСП: вызывающая неприязнь.

BAG – *an unattractive and/or unpleasant woman. This usage originated in the early 20th century with the idea of a shapeless, heavy or burdensome female, previously expressed as 'baggage' (DCS)*. Мешок не имеет определённой формы, он безлик и аморфен. В отношении к женщине такая номинация отрицает наличие изящных, привлекательных линий тела, представляя её фигуру как нечто расплывчатое, лишённое структуры. Также мешок тяжело нести. Мешок может быть пустым, а может быть заполнен чем-то ненужным. Таким образом, женщина воспринимается как обуза, ноша, от которой хочется избавиться. Она

не приносит радости, а только создаёт проблемы и требует усилий. БСП: объект, лишенный содержания (ума, красоты, душевных качеств).

HAYBAG – applied to an unattractive woman (ODS). Сено ассоциируется с грубостью, колючестью, сухостью (противоположность нежной, мягкой, «сочной» женственности). Оно предназначено для кормления скота, что имплицитно приравнивает женщину к чему-то, что предназначено для животных. Образ сена и мешка полностью противоположен традиционным маркерам женской привлекательности (нежность, мягкость, изящество, красота). БСП: грубость, непривлекательность.

Внешность женщины также описывается через призму её *роста, форм, объёмов*. Семантический анализ таких СЛЕ позволяет выделить несколько ключевых аспектов. Рассмотрим примеры.

Полнота:

POULTICE – a fat woman (RDMASUE). Компресс не имеет чёткой формы, он повторяет очертания поверхности. В применении к женщине данная метафора отрицает наличие изящных форм, подчёркивая «расплывчатость» фигуры. Компресс – пассивный объект: его прикладывают, он лежит, не совершая действий. Посредством данной СЛЕ женщина номинируется как нечто статичное, тяжёлое, неподвижное. Образ компресса вызывает скорее брезгливость, чем восхищение. СЛЕ является уничижительным, высмеивающим женщину за её вес и, возможно, отсутствие активности. БСП: бесформенная, мягкая и инертная масса.

TWO-ACRE BACK - a massive woman wearing much heavy jewelry (RDMASUE). СЛЕ употребляется для номинации крупной женщины, которая носит много тяжелых украшений. Сравнение женской спины с площадью в 2 акра создаёт образ женщины очень широкой, массивной, занимающей много пространства. Это не просто полнота, а именно ширина, «монументальность» фигуры. Массивные, тяжёлые украшения добавляют к визуальному образу дополнительный вес. Они не столько украшают, сколько утяжеляют и без того грузную фигуру. БСП: нелепая и грузная.

HORSE-GODMOTHER - a large masculine woman (DAS). СЛЕ применительна к большой мужеподобной женщине. Лошадь – крупное животное, не отличающееся грацией. Сема указывает на физическую крупность женщины, её массивность. Само определение *masculine* прямо указывает на то, что женщина воспринимается как лишённая традиционных женских черт и уподобляется мужчине. БСП: мужеподобная, грубая и неуклюжая.

Высокий рост.

LONG SLAB – a tall, very thin woman (DSUE). Лексическая единица *slab* (пластина) подчёркивает плоскую, вытянутую форму, что метафорически описывает высокий рост и худобу женщины. Это выражение акцентирует внимание на отсутствии женственных форм и изящества. Лексическая единица *Long* (длинный) усиливает характеристику, указывая на значительный рост. Выражение подчёркивает физическую особенность (высокий рост и худобу), но не обязательно несёт в себе явное оскорбление. Однако оно может восприниматься как уничижительное, так как акцент делается на отсутствии пропорциональности или женственности. БСП: худоба, высокий рост.

LONG MAG – a very tall woman (RDMASUE). СЛЕ применительна к очень высокой женщине. Лексическая единица *long* (длинный) указывает на значительный рост женщины. В английском фольклоре встречается имя Long Meg of Westminster – легендарная высокая и сильная женщина, героиня баллад и преданий, содержательница публичного дома, известная своей физической мощностью. Благодаря связи с легендарной Long Meg, номинация имплицитно указывает не только на рост, но и на «богатырское» сложение женщины. БСП: крупная женщина.

Физические особенности.

TITLESS WONDER – a flat-chested woman (ODS). Выражение описывает женщину с маленькой грудью, акцентируя внимание на отсутствии этой физической характеристики. Лексическая единица *wonder* добавляет ироничный оттенок. Коннотация уничижительная. Выражение носит оскорбительный характер, так как оно подчёркивает отсутствие груди, тогда как в обществе

наличие у женщины груди ассоциируется с женственностью и привлекательностью. Личность, чувства и другие качества женщины полностью игнорируются. БСП: ущербность женщины с маленькой грудью.

BROAD-GAUGE LADY – a large-hipped woman (RDMASUE). Лексическая единица *broad gauge* – термин из области железнодорожного транспорта, обозначающий широкую колею. Сравнение женских бёдер с шириной железнодорожной колеи превращает женщину в бездушный объект, подлежащий категоризации. БСП: отличие фигуры от стандарта.

СЛЕ, номинирующие женщину в английском языке, отражают сложность и многогранность восприятия женской внешности. Женщина должна быть красивой, и её красота должна быть «вкусной», «сладкой», приятной для потребления. Отклонение от стандарта (непривлекательность, полнота, худоба, широкие бёдра и т.д.) высмеивается и дегуманизируется. Женщина редко оценивается по интеллектуальным или моральным качествам в рамках данной ЛСГ; её ценность почти полностью сводится к внешности. Мужской взгляд доминирует, большинство номинаций созданы мужчинами и для мужчин, что закрепляет асимметрию в восприятии полов.

Таким образом, ЛСГ «Внешность» женщины в английском субстандарте представляет собой сложную, иерархически организованную систему, в которой через метафору (гастрономическую, зооморфную, артефактную, культурную) фиксируются как идеалы женской привлекательности, так и табуированные, осуждаемые формы. Субстандарт не только отражает, но и активно конструирует гендерные нормы, делая видимыми механизмы социального давления на женщину и её тело.

2. Лексико-семантическая группа «Характер» представлена 162 СЛЕ, номинирующими женский характер. Все отобранные СЛЕ имеет отрицательные коннотации. Анализ СЛЕ помог выделить основные характеристики женского характера. Рассмотрим примеры.

Женщина злая:

HELL-CAT – a woman who is quick to anger (RDMASUE). Кошка в культурном коде – животное двойственное: с одной стороны, домашнее, ласковое, с другой – независимое, хищное, способное выпустить когти. В сочетании с hell- (hell-cat) сема «ад» акцентирует именно вторую, опасную сторону: женщина-кошка, которая в гневе становится демонической хищницей. Её ярость необъяснима и ужасна, она словно одержима дьяволом. СЛЕ демонизирует женщину, лишая её человеческих черт и представляя как источник опасности. БСП: вспыльчивая женщина – опасное, неконтролируемое и разрушительное существо, внушающее страх своей агрессивностью.

CAT – a spiteful woman (DAS). Лексема номинирует злобную, язвительную женщину. Зоометафора отражает женщину, которая внешне может быть ласковой и приветливой, как кошка, но за спиной «точит когти» и распускает сплетни. БСП: злобная женщина - скрытная, коварная, действует не в открытую.

Женщина властная и надменная:

ICE QUEEN – an imperious, haughty and aggressive female (DCS). Лексема номинирует властную, надменную и агрессивную женщину. Такая женщина не проявляет чувств, держит дистанцию, кажется «замороженной». Лексическая единица *queen* подразумевает превосходство, право повелевать и требовать подчинения. Эта сема указывает на высокомерное отношение к окружающим, на уверенность в своей исключительности. Лёд символизирует преграду, которую невозможно преодолеть. СЛЕ часто используется отвергнутыми мужчинами. Это мужская реакция на женщину, которая отказывается соответствовать ожиданиям быть тёплой, заботливой и доступной. БСП: властная, надменная женщина – холодная, не чувственная и не вписывается в нормы женственности.

BALLBREAKER – a powerful, assertive woman (DSUE). СЛЕ используется для обозначения сильной, напористой, уверенной в себе женщины, способной «ломать» мужчину. Как правило, описывает женщину, которая не вписывается в патриархальные ожидания о мягкой, уступчивой и приятной женщине. Её сила интерпретируется как нечто опасное, разрушительное и заслуживающее порицания. Образ женщины рождается из страха перед ней, она не уступает, не

подчиняется, а требует и командует. БСП: сильная женщина – угроза мужскому эго и патриархальному порядку.

Женщина подлая:

MADAM – *an unpleasant or despicable female person (ODS)*. СЛЕ используется для номинации неприятной или вызывающей презрение особы женского пола. Исходное значение слова восходит к XIII веку, когда *madam* (от старофранцузского *ma dame* – «моя госпожа») было формальным, уважительным обращением к женщине высокого положения или замужней даме. Однако, как отмечает Аманда Монтелл, история слова *madam* является классическим примером гендерной асимметрии в языке. Триста лет назад *sir* и *madam* были равноправными уважительными титулами. Однако со временем лексема *madam* «эволюционировала, чтобы означать тщеславную или избалованную девушку, затем содержанку или проститутку и, наконец, женщину, управляющую борделем» [Монтелл 2019: 143]. Всё это время значение *sir* оставалось неизменным. Это демонстрирует, как язык фиксирует и воспроизводит патриархальные структуры власти. БСП: неприятная женщина

Женщина сварливая, грубая, стервозная:

BUTTER-QUEEN – *a scolding woman (DSUE)*. Лексема номинирует сварливую женщину. Ядерная сема указывает на агрессию – на женщину, которая постоянно ругается, кричит, делает выговоры. Масло в традиционной культуре – символ мягкости, гладкости, льстивости. Однако в сочетании с *queen* эта сема приобретает ироничный оттенок: «масляная королева» – та, чьи речи могут быть льстивыми и гладкими, а на деле оказываются грубыми. В культурном контексте женщине полагается быть кроткой, молчаливой и покорной, а она становится символом, нарушавшим нормы поведения. БСП: сварливая, грубая.

SCISSOR-BILL – *a scolding woman (RDMASUE)*. СЛЕ используется для описания женщины ворчливой, надоедливой, той, которая постоянно «пилит» других. БСП: сварливая.

Женщина сплетница:

CAT AND MOUSE – *a gossiping woman (DSUE)*. Лексема используется для обозначения грубой, невоспитанной, злоязычной женщины-сплетницы. Устойчивое выражение *play cat and mouse* означает «вступить в напряженную или стратегическую борьбу» [<https://dictionary.reverso.net/english-definition/play+cat+and+mouse>]. Семы, объединяющие природу кошки и игру с жертвой, создают образ женщины, которая любит посплетничать, ее злословие становится способом самоутверждения через унижение других. Она «играет» со своей жертвой, как кошка с мышью: распускает слухи, наблюдает за реакцией, снова подбрасывает информацию, наслаждаясь. Её оружие – не открытая агрессия, а скрытая, методичная, жестокая словесная игра. БСП: злобность женщины.

POLL PARROT – *a talkative, gossipy woman (DAS)*. ЛСЕ номинирует болтливую, любящую посплетничать женщину. Изначально лексическая единица *poll parrot* означала «ручной попугай» (от *poll* – традиционное имя для попугаев в английской культуре, восходящее к XVI веку). Переносное значение «болтливая женщина» развилось на основе стереотипа о попугае, как постоянно повторяющей, болтающей птице. БСП: склонность к сплетням.

Таким образом, лексика субстандартного английского языка демонстрирует ярко выраженные негативные стереотипы о женском характере, где женщинам приписываются такие качества, как злоба, властность, подлость, сварливость, грубость, стервозность и склонность к сплетням.

3. Лексико-семантическая группа «Возраст» – 217 СЛЕ. Семантический анализ СЛЕ, описывающих возраст женщины, позволил выделить 4 этапа: *подростковый возраст, молодость, зрелость и старость*. Каждый этап характеризуется определенным набором субстандартных лексем, которые отражают как физические, так и социальные аспекты возраста женщины. Рассмотрим примеры.

Девушка-подросток:

HARDBELLY - *a teenage girl or young woman (RDMASUE)*. СЛЕ употребляется для обозначения физически привлекательных девочки-подростка

или молодой женщины. Акцент делается на конкретной части тела – плоском, упругом животе, упругий живот – символ юности и отсутствия беременностей. Само выделение физического признака как основного для номинации указывает на то, что девушка оценивается прежде всего как сексуальный объект. БСП: сексуальная привлекательность.

BOBBYSOXER - a teenage girl. «Bobby socks» (ankle-high white socks, first recorded in 1927) as a generational trademark for American teenagers arrived on the national scene in June 1937, with a cover photograph in Life magazine. After «the socks» came «the soxer». The «bobby» is most likely constructed on «to bob» (to cut or shorten) (RDMASUE). СЛЕ используется для описания девушки-подростка, идентифицируемой через модный атрибут – белые носки до щиколотки (bobby socks), которые часто носили с туфлями на платформе или седловыми туфлями. Сами носки вошли в моду около 1927 года, когда женщинам стало допустимо показывать щиколотки. «Bobby socks» как торговая марка поколения американских подростков появились в июне 1937 г., благодаря фотографии на обложке журнала *Life*, ставшей национальным маркером поколения. После «the socks» появилось «the soxer». «Bobby», скорее всего, образовано от «to bob» – стричь, укорачивать. БСП: возрастная характеристика – молодость.

СЛЕ, номинирующие **молодую женщину, являются** самими многочисленными, что указывает на сильное внимание к молодости женщины как периоду наибольшей сексуальной привлекательности и ожиданиям общества. Рассмотрим примеры.

MYSTERY – applied to a young woman newly arrived in a town or city, or with no fixed address (ODS). Лексема номинирует молодую женщину, недавно прибывшую в какой-либо населенный пункт или без определенного адреса, подчеркивает непредсказуемость и таинственность женщины, загадочность. Коннотация: шутливо-ироничная, оценка может быть как положительной (интрига), так и отрицательной (непонятность, непостоянство). БСП: неизвестная молодая женщина.

TWIST – a girl or attractive young woman. This term, used typically by underworld or working-class speakers, is a rare example of American rhyming slang, from ‘twist and twirl’: girl (DCS). СЛЕ обычно используется представителями криминального мира или рабочего класса, является редким примером американского рифмованного сленга, происходящего от «twist and twirl»: в значении *девушка* как способ «закодировать» обычное слово «girl», сделав его непонятным для посторонних. СЛЕ используется для описания молодой женщины и является уникальным примером в ряду номинаций женщины, поскольку его значение определяется не метафорой, а механизмом языковой игры – рифмованным сленгом. БСП: возраст.

barbie – a vacuous, passive and/or conformist young woman. Barbie is the trademark name of the well-known plastic doll originating in the USA (DCS). Барби – популярная кукла, часто с идеализированной внешностью. Базовая сема указывает на то, что женщина воспринимается как нечто созданное, а не рождённое. Она лишена естественности и глубины. Барби – эталон «глянцевой» красоты: длинные ноги, светлые волосы, идеальные пропорции. В переносном смысле это указывает на женщину, которая соответствует массовым стандартам красоты, но часто за счёт искусственных средств (макияж, пластика, диеты). Такая женщина идеальна внешне, но внутри нее пустота, её мысли заняты шопингом, макияжем и поиском партнёра. СЛЕ является ярким примером того, как имя собственное (бренд) становится нарицательным для обозначения целого типажа. БСП: привлекательность женщины, но пустая.

Женщина среднего возраста (a middle-aged woman):

OLD TROUT - old trout n British a middle-aged or elderly woman, especially one who is frumpish or short-tempered. This expression has been used as a mild pejorative (very occasionally even affectionately) since the 19th century (DCS). СЛЕ номинирует женщину средних или пожилых лет, особенно неряшливую или вспыльчивую. Это выражение используется как мягкое уничижительное (очень редко даже ласковое) значение с XIX века. В английской культуре рыба, ассоциируется с холодностью (рыба холоднокровна → эмоциональная

холодность, отсутствие тепла), неприятностью на ощупь, неаппетитностью (старая рыба → непривлекательность). В отличие от резких оскорблений СЛЕ может употребляться с оттенком фамильярности. БСП: пожилая женщина – непривлекательная и сварливая.

Женщина пожилого возраста:

BLUE HAIR – *an older person, especially an older woman (RDMASUE)*. В соответствии со словарной статьей, лексема номинирует пожилого человека, особенно пожилую женщину. Синий цвет волос – практика использования синего ополаскивателя, который пожилые женщины применяли для нейтрализации желтизны седеющих волос, чтобы придать им серебристо-голубоватый оттенок. Образ пожилой женщины с синеватым отливом седых волос, возникший из стремления выглядеть опрятно и благородно, превратился в устойчивый культурный стереотип. БСП: пожилая женщина.

BATTLEAXE – *an old or elderly woman who is variously characterized as resentful, vociferous, thoroughly unpleasant, usually arrogant and no beauty (RDMASUE)*. Лексема обозначает пожилую женщину, которую характеризуют как обидчивую, крикливую, крайне неприятную, обычно высокомерную и некрасивую. Один из самых ярких и устойчивых уничижительных образов пожилой женщины в английской языковой картине мира. Метафора строится на прямом переносе свойств боевого топора (оружия, предназначенного для рубки, уничтожения врагов) на женщину: она так же опасна, агрессивна, безжалостна и сеет разрушение вокруг себя. В отличие от *old trout*, где доминирует бытовая ворчливость и неопрятность, *battleaxe* – это воительница, поле битвы которой – повседневная жизнь. Она командует, пилит, критикует и атакует словесно, не оставляя камня на камне. Возникновение этого значения (в соответствии со словарной статьей – 1896 г.) совпало с пиком активности движения за трезвость в США, чья радикальная представительница, Кэрри Нейшн (Carrie Nation), действительно использовала топор для разрушения баров. БСП: ворчливая, злая пожилая женщина.

Анализ СЛЕ, описывающих возраст женщины, показывает, что субстандартный английский язык активно участвует в создании и поддержании гендерных стереотипов. На каждом этапе жизни женщины используются определенные лексемы, которые не только описывают физические изменения, но и навязывают социальные ожидания и моральные оценки. Особое внимание уделяется молодости женщины как периоду наибольшей сексуальной привлекательности, в то время как старость часто ассоциируется с увяданием, неприятностью и отталкивающими чертами.

4. Лексико-семантическая группа «Интеллект» – 127 СЛЕ. Согласно выборке, женщина в глазах мужчины рассматривается через призму *глупости*. Рассмотрим примеры:

BIMBO – a silly, empty-headed or frivolous woman (DCS). СЛЕ употребляется для номинации глупой, недалекой или легкомысленной женщины. Происхождение связано с итальянским словом *bambino*, означающим «младенец», что заложено в основу метафорического переноса: женщина уподобляется неразумному малолетнему существу, лишённому серьёзных мыслей, а также пустому сосуду (*empty-headed*) или бессмысленному звуку. БСП: пустая, глупая, легкомысленная, поверхностная, но привлекательная женщина.

DUMB BLONDE – applied to a conspicuously attractive but stupid blonde woman (ODS). В соответствии со словарной статьёй, так называют привлекательную, но глупую блондинку, стереотипное выражение, связывающее светлые волосы с глупостью. Данная СЛЕ используется для описания женщины глупой, неспособной к мыслительной деятельности. СЛЕ является одной из самых устойчивых и узнаваемых гендерных стереотипов XX века. Это не просто словосочетание, а целый культурный нарратив, в котором женская сексуальность и интеллект представлены как взаимоисключающие категории. Женщина с этим ярлыком обладает максимальной внешней привлекательностью (светлые волосы, красивое лицо, сексуальная фигура) при минимальном интеллектуальном содержании (пустая голова, наивность, неспособность к серьёзным мыслям). Мужской взгляд притягивается к такой

женщине, но мужчина при этом чувствует своё интеллектуальное превосходство. Это создаёт комфортную для патриархального сознания ситуацию: красивая женщина не представляет угрозы, её можно желать, но не нужно воспринимать всерьёз. БСП: глупость внешне привлекательной женщины.

DUMB DORA – an empty-headed woman (RDMASUE). СЛЕ неразрывно связана с культурным контекстом. В 1924 году вышел комикс Чика Янга, в котором главная героиня Дора была необразованной, но умела обаять и перехитрить окружающих. Каждый комикс часто заканчивался фразой: «*She ain't so dumb!*» («Она не такая уж и глупая!»), что создавало комический парадокс и смягчало негативную оценку. БСП: легкомысленная глупость.

Многие отобранные СЛЕ, номинирующие в английской лингвокультуре женщину, имеют в составе словосочетаний лексему *-brain* (мозг). Например, *lame-brain* («хромающий мозг»), *bird-brain* («птичий мозг»), *sparrow-brain* («воробьиный мозг»). Данные СЛЕ используются для описания женщины, неспособной мыслить, у которой «маленький мозг».

Семантический анализ субстандартной лексики английского языка ЛСГ «Интеллект», описывающей умственные способности женщины, показывает, как язык может использоваться для закрепления гендерных стереотипов и унижения женщин. В английской лингвокультуре женщина предстает не как полноценная личность, а как объект мужского взгляда, чья ценность определяется внешностью, а место в социальной иерархии закрепляется за счет систематического отрицания у нее способности к глубокой мыслительной деятельности. Глупость в этой парадигме выступает не просто возможной характеристикой, а зачастую – ожидаемой гендерной ролью.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение». В данную тематическую группу было отобрано 348 СЛЕ, репрезентирующих образ женщины. Отобранные СЛЕ были разделены на 3 ЛСГ: «Профессиональная деятельность», «Финансовый статус», «Морально-нравственные устои». Далее рассмотрим каждую группу.

1. Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои» – 283 СЛЕ. Женщина должна соответствовать строгим моральным стандартам, а любое отступление от них подвергается осуждению. Женщина оценивается через призму «добродетельная/порочная». Среди таких лексических единиц выделяются СЛЕ, номинирующие женщину как: женщина-блудница (a harlot); женщина-распутная (a loose woman); женщина-лёгкого поведения (a prostitute, a woman of easy virtue). Рассмотрим примеры.

Женщина-блудница:

BIT OF MUTTON – a woman: gen. a harlot (DSUE). Ключевой механизм создания женского образа – перенос значений из сферы еды (*mutton* – баранина) на человека. Лексема *bit* (кусочек) подчеркивает фрагментарность, обезличенность. Таким образом, женщина, к которой направлено это обращение, полностью лишается человеческих качеств и превращается в потребительский продукт. Язык здесь выступает инструментом поддержания патриархальной модели гендерных отношений: женщина обязана быть невинной. БСП: сексуальная доступность и распущенность, граничащая с продажностью.

COCKATRICE – harlot; a kept woman (DSUE). СЛЕ употребляется в значении блудница; содержанка. Василиск – легендарное существо, полупетух – полужмея, способное убивать одним взглядом или дыханием. Он появляется из яйца, снесенного петухом и высиженного змеей. Перенос на женщину имя чудовища, язык реализует стратегию демонизации: женщина, нарушающая моральные запреты, перестает быть просто безнравственной – она становится источником смертельной опасности, врагом, которого следует бояться и осуждать. Моральное падение приравнивается к онтологическому злу. БСП: сексуальная распущенность и зависимое положение женщины.

Далее представим семантический анализ субстандартной лексики, описывающей «женщину-распутницу» (a loose woman):

ALLEY CAT – a girl, a woman, of loose, or no, morals (DSUE). Данное выражение используется для описания женщины, живущей без моральных ограничений. Женщина ассоциируется с бездомностью, распущенностью,

низким социальным статусом и моральной нечистоплотностью. В патриархальном мире место женщины – дом. Выход женщины в публичное пространство, особенно в темное время суток и в «сомнительные» районы (аллеи), автоматически ставит под вопрос ее моральный облик. СЛЕ *alley cat* закрепляет эту связь: «уличная женщина» = «женщина легкого поведения». БСП: сексуальная распушенность, воспринимаемая как маргинальное, «уличное» поведение.

FLOOZY, FLOOSIE – a disreputable, immoral, loose-living or frivolous female (DCS). СЛЕ номинирует женщину с сомнительной репутацией, аморальную, ведущую распутный образ жизни или легкомысленную. Определение фиксирует двойственность: женщина характеризуется не только как безнравственная и распутная, но и как легкомысленная. В массовой культуре первой половины XX века (особенно в американских фильмах) типичным персонажем становится женщина из низов или среднего класса, которая ищет легкой жизни, часто оказывается содержанкой или случайной подружкой, но не является профессиональной проституткой. Ее моральное падение объясняется не столько нуждой, сколько легкомыслием и отсутствием строгих принципов. СЛЕ закрепляет мужской взгляд, осуждающий женщину за сексуальную раскованность и независимость. При этом аналогичное поведение мужчины может называться холостяцким и даже поощряться. БСП: сексуальная доступность.

Приведем семантический анализ СЛЕ, репрезентирующих образ **женщины лёгкого поведения**.

BUTTERFLY GIRL – a prostitute (RDMASUE). Определение прямо указывает на женщину, предоставляющую сексуальные услуги за плату. Бабочка – одно из самых красивых насекомых, символ изящества, яркости, притягательности. В применении к женщине лексема акцентирует внешнюю привлекательность, нарядность. Обозначение женщины легкого поведения через образ бабочки представляет собой попытку эстетически приукрасить социальное дно. БСП: сексуальная доступность, профессиональная проституция.

QUIFF – a prostitute or promiscuous woman (DSUE). Лексема употребляется при обозначении женщины, занимающейся проституцией или неразборчивой в связях. В английском языке лексема *quiff* – мужская прическа, представляющая собой высокий, зачесанный вверх и назад чуб (челка). Перенос названия мужской прически на женщину создает уникальный гендерный эффект. Такая прическа была символом принадлежности к определенной среде: панки, байкеры 1950-1960-х. Эта среда часто воспринималась как маргинальная, и женщине в ней не место. Женщина, разделяющая стиль жизни маргинальных слоев общества, автоматически, с точки зрения консервативной морали поведения, становится «распущенной». БСП: сексуальная доступность, неразрывно связанная с принадлежностью к мужским субкультурным сообществам.

Таким образом, проведя семантический анализ отобранной субстандартной лексики английского языка, описывающий образ женщины через ЛСГ «Нравственные и моральные устои» были выявлены такие характеристики, как женщина «блудница», «распутница» и «проститутка». СЛЕ, вошедшие в данную группу, отражают глубоко укоренившиеся гендерные стереотипы и негативное отношение к женской сексуальности, которая не соответствует моральным нормам.

2. В лексико-семантическую группу «Профессиональная деятельность» было отобрано 65 СЛЕ, репрезентирующих образ женщины.

BLANCHIES or BLONCHIES – females employed in French laundries (DSUE). В соответствии со словарной статьей обозначает женщин, работающих во французских прачечных. Слово *blanchies* (и его вариант *blonchies*) происходит от французского глагола *blanchir*, что означает «отбеливать, делать белым». Это прямая отсылка к технологической операции в работе прачек. В английский субстандарт слово попало как заимствование, вероятно, использовавшееся в среде, контактировавшей с французскими прачечными или французскими работницами в Англии. Труд прачек был тяжелым физическим трудом женщин низкого социального статуса. Многие прачки были проститутками по ночам за дополнительные деньги. Этот пример является ярким маркером того, как

женская профессия становится определителем не только рода занятий, но и положения женщины на социальной лестнице и в системе патриархальных ценностей. БСП: аморальность, скрытая профессией.

STENO – *applied to a (female) shorthand-typist; abbreviation of stenographer (ODS)*. Приведенное в словарной статье определение указывает на то, что лексема не является гендерно-нейтральной, она закреплена именно за женщинами, хотя профессия стенографиста может быть и мужской. СЛЕ является нейтральным обозначением профессии, без прямой моральной оценки, но с коннотациями, связанными с феминизацией офисного труда в начале XX века. БСП: профессиональная принадлежность.

HACKETTE – *applied to a female journalist; from hack + -ette (ODS)*. Словарная дефиниция («*applied to a female journalist; from hack + -ette*») свидетельствует о том, что данная лексема используется для номинации женщины-журналистки. В журналистском контексте *hack* обозначает наёмного литератора, пишущего без вдохновения, часто с оттенком пренебрежения («халтурщик», «строчила»). СЛЕ несет в себе семантику низкого качества, отсутствия вдохновения. Суффикс *-ette* в английском языке (заимствован из французского языка) традиционно используется для обозначения женского рода. СЛЕ *hackette* ярко демонстрирует гендерную асимметрию в языке. Для мужчин существует слово *hack* (гендерно нейтральное). Для женщин создано отдельное слово, которое указывает на «уменьшенную версию» мужской профессии. БСП: профессиональная принадлежность.

Таким образом, семантический анализ субстандартной лексики английского языка, обозначающей женские профессии, не является простым набором нейтральных терминов. Субстандартные лексеммы выступают четким индикатором социального положения женщины, фиксируя не только род занятий, но и ее место в социальной иерархии, а также устойчивые гендерные стереотипы.

3. Лексико-семантическая группа «Финансовое положение» СЛЕ, номинирующие финансовое положение женщины, отсутствуют. Отсутствие СЛЕ можно объяснить тем, что финансовое положение женщины растворено в

других ЛСГ. Все аспекты, связанные с деньгами, описываются не через её финансовый статус, а через связь с мужчиной (например, *fancy woman*, *kept woman*) или её поведение, направленное на добычу этих денег (*gold digger*). Таким образом, отсутствие СЛЕ, фиксирующих финансовое положение женщины, отражает глубокую языковую асимметрию, закреплённую в обыденном сознании носителей английского языка.

2.1.2. Наименования лиц мужского пола в субстандартной лексике английского языка

I. Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения». В данную тематическую группу отнесено 402 СЛЕ.

1. Лексико-семантическая группа «Сексуальные отношения» – 205 СЛЕ.

Через данную ЛСГ мужчина в субстандартных словарях английского языка представлен как **сексуально активный деятель**. Семантический анализ отобранных СЛЕ позволил выделить характеристики, репрезентирующие мужчину как любовника, мужчину как охотника/соблазнителя, мужчину как эксперта и мужчину как объекта обожания. Рассмотрим примеры.

Мужчина-любовник:

LOVER BOY – a man of age and appearance to be disposed to love: sometimes mock-affectionate or contemptuous (L.A., 1967), a would-be Romeo or one of the Casanova types (DSUE). СЛЕ используется для номинации стереотипного образа влюбленного мужчины, однако в словарной статье уточняются характеристики такого мужчины: *would-be Romeo* («несостоявшийся Ромео»), *one of the Casanova types* («один из типажей Казановы»), усиливающие оттенок комичной несостоятельности. Это не настоящий соблазнитель, а подражатель. Таким образом, это не просто влюблённый мужчина, а тот, кто стремится восприниматься как дамский угодник, сердцеед. БСП: мужчина,

демонстрирующий любовную расположенность, стремящийся к любовным победам.

SWEET MAN – a male lover. The image is of a dude, who is extremely sensuous and generous to his lover (DAS). СЛЕ используется для номинации мужчины-любовника. В словарной статье даются характеристики, уточняющие образ: *dude* (парень, тип), который является *extremely sensuous and generous to his lover* (чрезвычайно чувственный и щедрый по отношению к своей возлюбленной). *Sweet man* – не просто сексуальный партнёр, а любовник, обладающий чувственностью и щедростью. В отличие от женских номинаций, где положительные качества часто превращаются в отрицательные (например, ранее приведенная лексема *madam*, которая, в отличие от первоначального уважительного обращения к женщине, номинирует содержательницу борделя), *sweet man* сохраняет позитивную коннотацию, так как мужская сексуальность и щедрость в патриархальном обществе поощряются, а не стигматизируются. СЛЕ *sweet man* не является симметричным женскому *sweet woman*, потому что в культуре «сладкая женщина» – пассивный объект («милашка»), а «сладкий мужчина» – активный субъект (даритель удовольствия и подарков). БСП: щедрый и чувственный любовник.

MASHER – a lady-killer, a lover (DSUE); a man who tries to force his attentions on a woman against her will (DAS). В соответствии со словарной статьей, СЛЕ используется для описания мужчины, который навязывает своё внимание женщине против её воли. Это лексема прямо криминализирует мужское поведение и высмеивает его, тем самым обвиняет мужчину в нарушении личных границ женщины. БСП: мужчина – навязчивый соблазнитель.

Мужчина - охотник, бабник:

SKIRT-CHASER – applied to an amorous pursuer of women (ODS). В определении, согласно словарной статье, отражены романтический характер, активное преследование, погоня. Образ строится вокруг метафоры охоты, где женщина выступает дичью, а мужчина – охотником. Лексема выступает инструментом поддержания традиционной гендерной асимметрии, где мужчина

– субъект, а женщина – объект охоты. БСП: мужчина, активно и целенаправленно добивающийся женщин.

DON JUAN – applied to a man who has great sexual success with a large number of women; from the name of a legendary dissolute Spanish nobleman, popularized in Britain by Byron's poem *Don Juan* (ODS). В словарной статье приведена отсылка к имени Дон Джуан – персонажу, известному своими любовными похождениями. Он воплощает мужскую сексуальность как силу и искусство соблазнения. СЛЕ используется для описания мужчины, который пользуется большим сексуальным успехом у большого числа женщин. БСП: дамский угодник.

Мужчина-эксперт:

HOSER – a male with sexual experience and expertise (RDMASUE). СЛЕ используется для номинации мужчины, который имеет богатый сексуальный опыт. Лексема имеет положительную оценку мужской сексуальной активности, что указывает на яркий пример гендерной асимметрии в языке: то, что поощряется и одобряется у мужчины (опыт, мастерство, большое количество партнёрш), у женщины подвергается резкому осуждению и стигматизации. БСП: сексуально опытный и умелый мужчина.

COCKSMITH – a sexually expert man (RDMASUE). СЛЕ номинирует мужчину, разбирающегося в сексе. В патриархальной культуре мужчина традиционно ассоциируется с деятельностью, созданием, мастерством. В данном контексте сексуальность мужчины предстаёт как навык, ремесло, технология, а не как дар, количество побед или социальный статус. БСП: высокий уровень сексуального мастерства.

Мужчина – объект обожания:

HEART-THROB – applied especially to a male entertainer with whom many women fall in love; from earlier sense, thrill as if caused by a fast-beating heart (ODS). В соответствии с определением, приведенным в словарной статье, лексема номинирует мужчину-артиста, в которого влюбляются многие женщины. БСП: мужчина, вызывающий сильное романтическое или сексуальное влечение у большого числа женщин.

LADY-KILLER – applied to a man who is credited with a dangerous power of fascination over women (ODS). ЛСЕ употребляется, в соответствии со словарной статьёй, при обозначении мужчины, которому приписывают опасную власть очарования над женщинами. СЛЕ репрезентирует мужчину через призму метафоры опасности, акцентируя его фатальное обаяние, перед которым женщины не могут устоять. БСП: опасный роковой соблазнитель.

Таким образом, образ мужчины в субстандарте английского языка часто характеризуется амбивалентностью, в которой сочетаются как положительные, так и отрицательные характеристики, что может указывать на существующие в обществе противоречивые мнения относительно мужской сексуальности и роли мужчины в отношениях. Анализируемые СЛЕ отражают устоявшиеся гендерные стереотипы, согласно которым мужчина должен быть активным, опытным и привлекательным, однако он также может проявлять черты навязчивости, эгоизма и неразборчивости.

3. Лексико-семантическая группа «Супружеские отношения» – 104 СЛЕ. В эту группу были отобраны СЛЕ со значением «мужчина – муж». Приведём примеры семантического анализа СЛЕ, номинирующих мужчин, состоящих в семейных отношениях с женщиной.

ACE LANE – a husband (DAS). Определение фиксирует супружеский статус, но в субстандартном контексте это обозначение несёт дополнительные коннотации. Асе (туз) – в карточных играх самая старшая карта, символ победы, удачи, «козырной» позиции. СЛЕ *ace lane* метафорически обозначает мужа, как «козырную карту» в жизни женщины. БСП: удачное приобретение, «козырная карта» в жизни женщины.

OLD MAN – a boyfriend or husband (RDMASUE). Это одна из самых устойчивых и распространённых субстандартных номинаций мужчины в семейно-партнёрских отношениях. Лексема *old* в данном контексте не столько указывает на реальный возраст, сколько выполняет фамильярно-ласкательную функцию. Так, СЛЕ репрезентирует мужа (или постоянного партнёра) через

метонимию постоянства и фамильярности. БСП: устойчивый супружеский/партнёрский статус.–

GAFFER – a husband (DSUE). Возможно, СЛЕ является сокращением от *godfather* (крёстный отец) или *grandfather* (дедушка), с последующим семантическим расширением. СЛЕ *gaffer* имеет дополнительную коннотацию властного, авторитетного, иногда ворчливого пожилого мужчины, что при переносе на мужчину создаёт образ «хозяина в доме». БСП: главенствующая роль в семье.

Таким образом, анализ отобранных СЛЕ номинаций мужа в ЛСГ «Супружеские отношения» конструируют образ мужчины как социально значимого, укоренённого в семейном быту и часто наделённого авторитетом.

4. Лексико-семантическая группа «Дружеские отношения» – 93 СЛЕ.

Отобранный субстандартный лексический материал презентует мужские дружеские отношения через братство, лояльность и солидарность. Обратимся к примерам.

GOOMBAN, GOOMBAN, GOOMBA, GUMBAN – applied to a close or trusted male friend or crony; from an Italian dialectal pronunciation of Italian compare godfather, male friend; popularized by the US boxer and actor Rocky Graziano on the Martha Ray Show (ODS). СЛЕ является строго маркированной мужской номинацией, номинирует близкого или пользующегося доверием друга-мужчину или закадычного друга. Словарная статья расширяет значение, добавляя дополнительные коннотации: друг, который выступает в роли покровителя, соучастника, защитника или советчика, и друг, который выступает в роли крёстного отца, наставника (*compare godfather*). Лексема *compater* («со-отец») обозначает крёстного отца в христианской традиции. Таким образом, мужская дружба вербализуется через термины родства и патронажа (*goombah* = «со-отец»), женская дружба в этом культурном контексте остаётся лексически непредставленной. Данная СЛЕ является ярким примером гендерной асимметрии, закреплённой в языке, где мужская гомосоциальность получает

значимые номинации, основанные на родственной терминологии. БСП: близкий друг, покровитель, защитник и советчик.

HOMEBODY – a very close male friend, often but not always from the same neighborhood (RDMASUE). СЛЕ номинирует очень близкого друга мужского пола. БСП: преданность, общие корни, верность, сообщество.

MAIN MAN – applied to a person's best male friend (ODS). Лексема номинирует лучшего друга-мужчину. СЛЕ может употребляться как мужчинами (о своём лучшем друге), так и женщинами (о своём лучшем друге-мужчине). В последнем случае она подчёркивает платоническую близость без романтического подтекста. Однако, сама лексема остаётся маркированной по полу объекта: обозначает именно мужчину. БСП: надёжность.

Значительная часть СЛЕ данной подгруппы имеет в составе выражений слово *old*, например, *old bean* («старая фасолина») (ODS), *old fruit* («старый фрукт») (DAS), *old chap* («старый парень») (DAS), *old man* («старик») (DAS). СЛЕ представляют собой обращение к другу, подчёркивая долгую дружбу между мужчинами.

Таким образом, анализ субстандартной лексики английского языка, номинирующей мужскую дружбу, демонстрирует, как лексические единицы используются для создания различных образов дружбы. В английской культуре мужская дружба имеет большое значение. Вся отобранная лексика имеет положительные коннотации, что говорит о важности дружеских отношений. Мужская дружба представляется значимой и сложной, она описывается с акцентом на надёжности, верности, доверии, а также на принадлежности к «своим».

II. Тематическая группа «Атрибуты личности». В данную тематическую группу было отобрано 924 СЛЕ.

1. Лексико-семантическая группа «Внешность» – 278 СЛЕ. Внешность мужчины в субстандартном английском языке описывается через множество лексических единиц, которые также можно разделить на несколько групп. Отобранные СЛЕ отражают стереотипы, связанные с мужественностью,

привлекательностью, телосложением и ростом. Рассмотрим каждую группу подробнее.

Женоподобный / Мужественный мужчина:

PUFF - derogatory; also applied more broadly to an effeminate man (ODS). В соответствии со словарной статьей, номинирует женоподобного мужчину. В патриархальной культуре женоподобность у мужчины воспринимается как угроза иерархии, поэтому язык создаёт уничижительные ярлыки, «настоящий мужчина» определяется через отторжение всего, что может быть воспринято как женственное. БСП: отклонение от нормативной маскулинности.

MOLLY - an effeminate man (DSUE). Как и предыдущая СЛЕ, номинирует женоподобного мужчину». Molly – уменьшительная форма женского имени Mary. В Лондоне существовали molly houses – заведения, где собирались гомосексуалы в женской одежде. Лексема molly стала устойчивым обозначением мужчины, практикующего гомосексуальные связи. БСП: отклонение от гендерной нормы.

WONK – (1945) Australian, derogatory; also applied more broadly to an effeminate man (ODS). Также, как и предыдущая СЛЕ, применяется к женоподобному мужчине. СЛЕ образована, предположительно, от глагола wonk (архаичное, диалектное) в значении «шататься, качаться» или wonky (ненадёжный, шаткий) – качество, которое в стереотипном восприятии приписывается «немужественному» мужчине (отсутствие твёрдости, устойчивости). БСП: недостаток физической и моральной твёрдости

Таким образом, отобранные СЛЕ подчёркивают женоподобные черты мужчины, такие как мягкость, изнеженность или отсутствие мужественности. Коннотация уничижительная. Такие СЛЕ часто используются для насмешек или оскорблений, подчёркивая отклонение от традиционных представлений о мужественности. В западной культуре мужественность ассоциируется с силой, уверенностью и грубостью, а женоподобные черты у мужчин часто подвергаются стигматизации.

Мужественный мужчина:

HUSKY – applied to a man who is big, vigorous and muscular (ODS). В соответствии со словарной статьей, номинирует крупного, энергичного и мускулистого мужчину по аналогии с крупными ездовыми собаками, которые ассоциируются с силой, выносливостью и суровой красотой. Мужчина, представленный посредством данной лексемы, обладает сходными качествами: крупное телосложение, физическая мощь, суровый или мужественный вид. БСП: физическая мощь, сочетающаяся с крепким здоровьем и атлетичностью.

BEEFCAKE – a muscular man (RDMASUE). В соответствии со словарной статьей, номинирует мускулистого мужчину. СЛЕ является гастрономической метафорой, согласно которой мужское тело уподобляется «мясному пирогу». БСП: развитая мускулатура, физическая сила.

LUNGS – a large and strong-voiced man (RDMASUE). Лексема употребляется при номинации крупного мужчины с сильным голосом. Мужчина называется по части тела, которая ассоциируется с его ключевым качеством (громкий голос). В традиционной культуре громкий, раскатистый голос воспринимается как признак мужской силы, уверенности, способности командовать. СЛЕ фиксирует этот стереотип, причём не просто как качество, а как идентичность – «человек-лёгкие». БСП: голосовая мощь.

Так, отобранные СЛЕ подчёркивают физическую силу, мощь и мужественность, часто используются для восхищения или описания мужчин, соответствующих традиционным представлениям о мужественности.

Привлекательный / непривлекательный мужчина.

HUNKY – applied to a man who is ruggedly handsome and sexually attractive» (ODS). Лексема номинирует красивого и сексуально привлекательного мужчину. БСП: сочетание традиционной маскулинности (грубоватость, крепость) с высокой степенью сексуальной привлекательности.

FACE MAN – a male, especially an attractive male, considered to have a bland, insipid personality (DCS). СЛЕ номинирует мужчину, указывая на внешность, как на главное достоинство. Акцент переносится на то, что мужчина «сводится к лицу» – за красивой внешностью не стоит ничего значительного. В английском

языке существует множество уничижительных терминов для красивых, но «пустых» женщин, тогда как для мужчин подобные ярлыки редки. СЛЕ *face man* – одно из немногих исключений, но она не очень широко распространена, что отражает традиционное неравенство: женщины чаще оцениваются по внешности и наказываются за «пустоту», а мужчины – по достижениям и характеру. БСП: диссонанс формы и содержания.

STUD – a sexually active, powerful, potent male. Only slang when applied to men as opposed to (real) animals, the term often indicates a degree of approval or admiration, even if grudgingly (DCS). СЛЕ репрезентирует мужчину через зооморфную метафору племенного производителя, акцентируя его сексуальную активность, силу и потенцию как главные достоинства. БСП: высокая сексуальная производительность.

Так, отобранные СЛЕ подчёркивают физическую привлекательность, харизму и сексуальность мужчины, используются для восхищения и комплиментов.

BARNEY – an unattractive, unpopular young man (RDMASUE). В соответствии со словарной статьей, лексема номинирует непривлекательного, непопулярного молодого человека. В англоязычной культуре имя Barney может ассоциироваться с простоватым, добродушным, но не слишком ярким персонажем (например, дядя Барни из ситкомов, или детский персонаж Barney the Dinosaur – большой, неуклюжий и безобидный). БСП: отсутствие как внешней, так и социальной привлекательности.

DOG – an unattractive man (RDMASUE). В западной культуре образ собаки амбивалентен: верность и преданность – с одной стороны, низость, уродство, назойливость – с другой. СЛЕ представляет собой зооморфную метафору, уподобляя мужчину собаке как существу, лишённому человеческой красоты, часто грубому, неопрятному. БСП: отсутствие физической привлекательности.

Таким образом, отобранные СЛЕ подчёркивают непривлекательную и отталкивающую внешность мужчины и используются для оскорблений или насмешек.

Полнота / худоба мужчины.

PORPOISE – a very stout man (DSUE). Лексема номинирует очень полного мужчину. Определение в словарной статье фиксирует исключительно физическую характеристику, без указания на сексуальность или социальный статус. СЛЕ является зооморфной метафорой, которая уподобляет полного мужчину морской свинке по признаку формы тела. СЛЕ не несёт сексуальной окраски, является описательно-насмешливым прозвищем. В гендерном плане применяется преимущественно к мужчинам, отражая традиционное высмеивание полноты как отклонения от нормы мужской подтянутости. БСП: выраженная полнота, ассоциируемая с округлостью и массивностью.

CHUBBY – an overweight man as a homosexual object of desire (RDMASUE). В данном субстандартном значении *chubby* обозначает полного мужчину, который является объектом сексуального влечения в гомосексуальной культуре. Определение фиксирует не просто полноту, а её сексуализацию в рамках специфической субкультуры. Для гетеросексуальных мужчин полнота редко маркируется как позитивная черта; в гомосексуальной же среде существуют разветвлённые системы оценки, где «крупность» может быть высоко ценима. БСП: полнота как источник влечения (внутри определённого сообщества).

Так, в английском субстандарте полнота мужчины может оцениваться как отрицательно через зооморфные ярлыки, так и положительно внутри контркультурных сообществ.

FAT JACK – a very thin man (DSUE). Буквальный перевод «толстый Джек», тем не менее, обозначает очень худого мужчину. Это устойчивый фольклорный приём в английских прозвищах; антифразис смягчает насмешку, придаёт ей характер «дружеского» подтрунивания, но в основе остаётся указание на физический недостаток. В традиционном идеале мужчина должен быть основательным, сильным, обладать массой. Крайняя худоба воспринимается как отклонение. БСП: крайняя худоба.

MONKEY ON A STICK – a thin man with jerky movements (DSUE). Выражение основывается на двух образах: *monkey* (обезьяна) в западной культуре

ассоциируется с суетливостью, неестественными позами, подражательством, отсутствием достоинства, пояснение *on a stick* (на палке) добавляет образ куклы на палке, у которой движения дёрганные, механические, неестественные. СЛЕ представляет собой сложную метафору, соединяющую зооморфный код с образом кукольного театра. Худоба и неловкость выступают как антитеза маскулинности, как так традиционный идеал мужчины требует определённого телосложения (не худого) и уверенной, властной манеры движений. Резкие, «дёрганные» движения стереотипно связываются с женской или детской неловкостью. БСП: физическая неловкость, воспринимаемая как отклонение от нормативной мужественности.

Низкого роста мужчина (short):

JACK SPRAT – an undersized man or boy (DSUE). Jack Sprat персонаж английской детской песенки. Джек Спрэт худой, маленького роста мужчина не мог есть жирное, а его полная жена не могла есть постное. Имена стали нарицательными для обозначения худого, маленького мужчины и его противоположности. БСП: малый рост, воспринимаемый как особенность, которая в традиционной культуре связывается с худобой и с недостатком маскулинности.

DUMPLING – a short, thick-set man or woman (DSUE). СЛЕ представляет собой гастрономическую метафору, где внешность человека (невысокий, плотный, округлый) уподобляется клёцке – маленькому, мягкому, «съедобному» объекту. СЛЕ может применяться к мужчинам и женщинам, но в анализируемой группе (номинации мужчин) оно фиксирует тип коренастого, приземистого мужчины, который в традиционной маскулинности часто ассоциируется с силой (рабочий, крепыш). БСП: плотное телосложение, коренастость.

3. Лексико-семантическая группа «Характер» – 375 СЛЕ. Характер мужчины представлен обширно. В субстандартном фонде английского языка по характеру мужчина, в первую очередь, репрезентируется как грубый, жёсткий, агрессивный. Рассмотрим примеры.

CAVE-MAN – a rough and virile fellow (DSUE). СЛЕ используется для описания грубого, неотёсанного, с первобытными инстинктами мужчины, делая акцент на его «животной» силе. БСП: гипермаскулинность, воспринимаемая амбивалентно, как одобряемая естественность или как осуждаемая примитивность.

CURLY WOLF – an aggressive, belligerent man (RDMASUE). Лексема номинирует агрессивного, воинственного мужчину. Эпитет противоречит образу «сурового» волка, создавая иронический контраст: агрессивный мужчина получает прозвище, которое снижает его серьёзность. Называя агрессивного мужчину curly wolf, говорящий снижает его статус, подчёркивая, что его воинственность выглядит скорее смешной, чем страшной. БСП: склонность к конфликту, драчливость, демонстративная воинственность.

Смелость, храбрость и отвага мужчины также находят отображение в субстандартной лексике. Например:

WOOL-TOPPED – a plucky fellow (RDMASUE). СЛЕ репрезентирует мужчину через метонимию по характерной детали одежды (шерстяной головной убор), связывая его внешний атрибут с положительным качеством: смелостью, стойкостью. Стойкость традиционно ассоциируется с маскулинностью, хотя может применяться и к женщинам. Однако сама номинация субстандартной лексемы закреплена за мужчиной, указывая на «настоящего парня», не боящегося трудностей. БСП: моральная твёрдость, решимость, умение не сдаваться перед трудностями.

MACHO – excessively masculine, virile, and brave man (RDMASUE). Лексема заимствована из испанского, обозначает мужественность, силу, вирильность и храбрость. Данная СЛЕ подчёркивает маскулинность и используется для описания мужчины, который проявляет мужественность, смелость. БСП: маскулинность.

подлость:

RAT – an unpleasant or despicable male person (ODS). СЛЕ номинирует мужчину, как подлеца, предателя, отражая представление о том, что честь и

верность – ключевые мужские добродетели, нарушение которых наказывается ярлыком «крысы». БСП: презрение, основанное на нарушении кодекса верности и чести.

CRUD – *a worthless, despicable person (usually male) (DCS)*. Лексема номинирует никчемного, презренного человека (обычно мужского пола). СЛЕ применяется к мужчинам, что отражает стереотип: «настоящий мужчина» должен быть ценным, надёжным; подлость – неприемлемое качество. БСП: отсутствие ценности.

хитрость:

COON – *a man, esp. if sly and shrewd (DCS)*. Данная СЛЕ используется для описания мужчины как хитрого, проницательного, ловкого, умеющего обходить препятствия. БСП: умение ловко, иногда нечестно, добиваться своего.

LAD – *a mischievous tricky fellow (DSUE)*. В соответствии со словарной статьей, номинирует озорного, хитрого парня. БСП: склонность к шалостям, проказам, иногда мелким обманам.

трусость:

MEATER – *a cowardly man (DSUE)*. СЛЕ, репрезентируя мужчину через гастрономическую метафору «мясо», подчёркивает его трусость, беззащитность и неспособность к сопротивлению. БСП: отсутствие мужества, неспособность противостоять опасности.

MILKSOP – *a cowardly or effeminate man (RDMA SUE)*. СЛЕ представляет собой гастрономическую метафору, номинирующую мужчину как мягкого, незрелого человека, у которого отсутствует «мужская» твёрдость и смелость. Назвать мужчину *milksop* – значит поставить под сомнение его социальный статус и способность выполнять мужские функции. БСП: отсутствие мужественности.

женоподобность:

PANSY ASS – *a weak, effeminate man (RDMA SUE)*. Данная СЛЕ используется для описания мужчины слабого, женоподобного, не соответствующего

традиционным нормам маскулинности, с фокусом на его «женственные» черты. БСП: отсутствие нормативной маскулинности.

POODLE-FAKER – an effete, over-refined or offensively genteel young man, specifically a young man in attendance on older ladies. Faker here implies insincerity and poodle the attitude or appearance of a lapdog. The word appeared in Britain in the second decade of the 20th century (DSC). Данная СЛЕ используется для описания мужчины изнеженного, чрезмерно утонченного, поверхностного и женоподобного, с акцентом на его неестественной изысканности. БСП: отсутствие «настоящей» мужественности.

ЭГОИСТИЧНОСТЬ:

SCAFF – a selfish man (DSUE). Согласно словарной статье, лексема номинирует эгоистичного мужчину. БСП: эгоизм, воспринимаемый как нравственный порок, осуждаемый в мужской роли.

лень:

HARD BARGAIN – a lazy fellow (DSUE). Данная СЛЕ используется для описания мужчины ленивого, избегающего тяжёлой работы, не желающего прилагать усилия, а также с намёком на нежелание платить. БСП: уклонение от обязанностей.

жадность:

BELLY-GUT – a greedy, lazy person; gen. of a man (DSU). СЛЕ используется для описания мужчины скупого, жадного, прижимистого, ленивого. БСП: моральная несостоятельность.

Таким образом, ЛСГ «Характер» в английском субстандарте представляет собой языковой механизм, который не только описывает, но и нормативно оценивает мужчину, закрепляя традиционные патриархатные ценности. Преобладание негативно окрашенных номинаций, разнообразие дегуманизирующих механизмов и жёсткая бинарность свидетельствуют о том, что субстандарт выступает инструментом социального контроля, высмеивающего и исключаящего всякое отклонение от идеала «настоящего мужчины». Положительные характеристики маркируются реже и не используют

образов, снижающих человеческое достоинство, что подчёркивает асимметрию в языковом конструировании мужской личности.

4. Лексико-семантическая группа «Возраст» – 107 СЛЕ. Отобранный материал позволил выделить 3 этапа возраста у мужчины: *детство, молодость и старость*.

Детство (маленький мальчик):

SONNY BOY – used to a small boy or, disparagingly or threateningly, to a man younger than the speaker; inspired by the song 'Sonny Boy' (1928), sung by Al Jolson (ODS). Назвать мужчину *sonny boy* – значит намекнуть на его незрелость, неопытность или подчинённое положение. БСП: подчёркивание возрастного и статусного неравенства.

SUNNY JIM, SONNY JIM (1911) – used mainly to a small boy; *Sunny Jim* coined in 1903 as the name of an energetic character used as the proprietary name for a US brand of breakfast cereal (RDMASUE). СЛЕ используется для описания маленького мальчика, подчёркивая его светлый и жизнерадостный характер. БСП: детскость, беззаботность, энергичность.

Молодость (молодой мужчина):

BACKSTREET BOY – a young man dressed in the trendiest of clothes with the trendiest of haircuts (RDMASUE). Лексема номинирует молодого мужчину, одетого в самую модную одежду и с самой модной стрижкой. БСП: гипертрофированное следование моде.

HOODIE – a young, usually male, hooligan. The term, in vogue in 2005, is the nickname for the hooded tracksuit top worn as a disguise and uniform (DCS). СЛЕ ассоциируется с молодежной культурой, часто с элементами бунтарства. Коннотация может быть как положительной (бунтарство, молодёжный стиль), так и отрицательной (асоциальность). БСП: уличное хулиганство.

Старость (пожилой мужчина):

OLD BUFFER – an old fellow (DSU). СЛЕ используется для описания пожилого мужчины как немощного, бесполезного или раздражающего. БСП: принадлежность к старшему поколению.

OLD POT – an old man (DAS). СЛЕ используется для описания пожилого мужчины как старого, ненужного, «отработанного», как старый предмет. БСП: принадлежность к старшему поколению.

Таким образом, анализ лексических единиц субстандартного английского языка, относящихся к ЛСГ «Возраст», демонстрирует, как язык используется для конструирования образов мужчин на разных этапах их жизни, закрепляя определённые культурные ожидания и стереотипы для каждого возрастного периода.

4. Лексико-семантическая группа «Интеллект» – 164 СЛЕ. На уровне субстандарта в английском языке мужчина представлен как *умный/ глупый*. СЛЕ, номинирующих мужчину глупого, преобладающее количество, по сравнению с номинациями мужчины умного. Все отобранные СЛЕ, номинирующие глупого мужчину, имеют помету derogatory (уничижительное). Рассмотрим примеры.

BOOB – a fool US, 1907. Almost certainly from C16 “booby” meaning a “stupid fellow.” (RDMASUE). СЛЕ используется для описания мужчины глупого, недалёкого, наивного. БСП: отсутствие ума, наивность, несообразительность.

BULL(-)FINCH – a fool; a stupid fellow (DSU). СЛЕ используется для описания мужчины глупого и неспособного к мыслительным процессам, с намёком на «птичий» интеллект. БСП: недалёкость.

CHUCKLEHEAD – a stupid fellow (RDMASUE). СЛЕ номинирует мужчину глупого, наивного. БСП: недалёкость, бестолковость.

Из анализируемых субстандартных словарей английского языка были отобраны только 13 СЛЕ, номинирующие *умного* мужчину. Например:

CHEESE – an adept; a smart or a clever fellow (RDMASUE). Назвать человека *cheese* значит признать его «первоклассным», ценным в своём деле, поскольку сыр (особенно дорогие сорта) ассоциируется с чем-то ценным, отборным. СЛЕ используется для описания умного мужчины. БСП: высокая компетентность, смекалка.

CUNNING SHAVER – a clever, shrewd, tricky man, a person who is not to be trusted (DCS). СЛЕ используется для описания мужчины хитрого, ловкого,

проницательного, обладающего острым умом, изворотливого и склонного к обману. БСП: умный и хитрый мужчина, склонный к изворотливости и обману.

JIG – *Abbr. jigger, a clever fellow (DSU)*. Метафорическое расширение лексической единицы привело к появлению СЛЕ (от танца – быстрота, ловкость движений к ловкости ума и поведения), которая стала использоваться для описания мужчины умного, сообразительного. БСП: сообразительность.

Таким образом, преобладание субстандартной лексики, номинирующей лиц мужского пола через призму глупости, указывает на то, что умственные способности является более значимым аспектом для обсуждения и осуждения. Такие лексические единицы имеют уничижительные коннотации, что показывает крайне негативное отношение к мужчинам, у которых отсутствуют интеллектуальные способности. В свою очередь СЛЕ, описывающие умных мужчин, имеют положительные коннотации, однако используются в шутовском или ироничном ключе, что говорит об амбивалентном отношении к мужскому уму. Количественный дисбаланс СЛЕ данной ЛСГ указывает на то, что ум не является первостепенной ценностью, где, возможно, больше ценится хитрость и ловкость, чем академические знания.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение». В данную тематическую группу были отобраны 350 СЛЕ, репрезентирующих образ мужчины.

1. Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои» – 121 СЛЕ. Отобранный субстандартный лексический материал менее разнообразен, отражает негативные характеристики, связанные с нарушением моральных норм, мужчина репрезентируется как **предатель, изменщик, гуляка**. Обратимся к примерам.

ROTTEN SHEEP – *a useless person (esp. male), a mean traitor (DSU)*. СЛЕ репрезентирует мужчину через зооморфную метафору с усиливающим эпитетом, акцентируя его полную бесполезность и моральную низость – предательство. БСП: никчёмность, подлость.

CHAMBERER – *sexual indulgence, a loose fellow (DSUE)*. СЛЕ репрезентирует мужчину через метонимию места действия, акцентируя его связь с частными покоями как символом праздности, любовных утех и изнеженности. БСП: распущенность и отсутствие «настоящей» мужественности.

CLAPSTER – *a very loose man (DSUE)*. СЛЕ используется для номинации мужчины, ведущего беспорядочную половую жизнь. Ключевой особенностью слова является его тесная связь с венерическими заболеваниями. СЛЕ репрезентирует мужчину через медицинскую метонимию, подчёркивая, что его распутство достигло физически ощутимых последствий. БСП: развратный мужчина.

Таким образом, субстандартные номинации мужчины в ЛСГ «Морально-нравственные устои» представляют собой систему стигматизирующих ярлыков, направленных на два основных нарушения – предательство и распущенность. Отсутствие позитивных номинаций нравственного мужчины свидетельствует о том, что в субстандарте нормативная маскулинность не нуждается в специальном языковом поощрении.

2. Лексико-семантическая группа «Финансовое положение» представлена 125 СЛЕ, мужчина репрезентируется через бедность и богатство. Рассмотрим примеры:

SHAG-BAG – *a poor, shabby fellow; a worthless fellow (DSUE)*. Согласно словарной статье, СЛЕ номинирует бедного, потрепанного, никчемного мужчину. Мужчина-бедняк воспринимается как несостоятельный в своей главной роли, что автоматически ведёт к его тотальной дегуманизации (трус, ничтожество). БСП: жалкий, ничтожный мужчина.

ABRAM COVE – *a naked or poor man, also a lusty strong rogue (DSUE)*. В воровском аргоне *abram* означало «голый, бедный» [<https://words.fromoldbooks.org/Grose-VulgarTongue/a/abram-cove.html>]. СЛЕ репрезентирует мужчину через терминологию воровского аргона, акцентируя его принадлежность к миру нищих и преступников. БСП: крайняя бедность,

понимаемая как состояние, неразрывно связанное с маргинальностью и потенциальной угрозой обществу.

BUTTER-AND-EGG MAN – applied to a wealthy unsophisticated man who spends money freely (ODS). Лексема номинирует мужчину, который тратит деньги на развлечения, и отражает стереотип: именно мужчина является «кошельком» и распоряжается деньгами. БСП: наличие крупных денежных средств в сочетании с отсутствием утонченности, «деревенской» наивностью.

BRIEFCASE – a faceless, anonymous businessman (RDMASUE). Человек называется по характерному предмету, который его идентифицирует в профессиональной среде. Данная СЛЕ используется для описания мужчины как успешного бизнесмена, у которого всегда при себе портфель с деньгами, подчёркивая его деловитость. БСП: богатство.

Таким образом, СЛЕ, номинирующие финансовое положение мужчины, формируют бинарную систему, в которой бедность стигматизируется через образы криминала и деградации, а богатство – через образы ценности и социальной заметности. Язык поддерживает патриархатные нормы, где «настоящий мужчина» обязан быть состоятельным, бедность является основанием для социального исключения.

3. Лексико-семантическая группа «Профессиональная деятельность» –104 СЛЕ. Анализируя номинации **профессий мужчин**, важно отметить, что в рассматриваемых субстандартных словарях значительный пласт субстандартной лексики относится к профессиям полицейского, детектива, военного, что может говорить о важности и значимости данных профессий. Рассмотрим примеры.

FIVE-BARRED GATE – a policeman (DSUE). Номинация построена на механизме рифмованного сленга, где исходное словосочетание рифмуется с целевым словом, а затем часто эллиптически сокращается. СЛЕ рифмуется со словом *mate* (товарищ, приятель). Как и большинство профессиональных номинаций в субстандарте, слово применяется к мужчинам, что отражает историческое доминирование мужчин в полицейской профессии. БСП: профессиональная принадлежность.

JOCK – applied to a male athlete, especially at university; from the wearing of jock-straps by athletes (ODS). Лексема *jock* возникла как сокращение от jockstrap (суспензорий, атлетическая защита паха). Предмет спортивной экипировки становится обозначением спортсмена. БСП: принадлежность к спортивной среде.

AMMO HUMPER – a soldier manning an artillery piece (RDMASUE). СЛЕ номинирует солдата, ответственного за поднос боеприпасов к артиллерийскому орудью. Лексема является гендерно маркированной мужской номинацией, так как в дефиниции речь идёт о профессии, которая исторически предписывается исключительно мужчинам. У СЛЕ отсутствует моральная оценка, но есть оценка профессиональной ценности. БСП: отношение к военной службе.

Таким образом, семантический анализ СЛЕ английского языка показал, что язык не просто отражает, но и активно участвует в конструировании представлений о маскулинности и профессиональных ролях мужчин. Так, субстандартная лексика, описывающая полицейских, отличается разнообразием и неоднозначностью, демонстрируя противоречивое отношение к представителям правопорядка. С одной стороны, они – защитники и представители закона, а с другой, они – навязчивые и упрямые.

Исследование наименований лиц женского и мужского пола было проведено и на базе русского языка. Данному этапу исследования посвящён следующий параграф.

2.2. Репрезентация наименований лиц женского и мужского пола в субстандартной лексике русского языка

Материалом настоящего исследования послужила направленная выборка субстандартных лексических единиц со значением «мужчина» и «женщина» из словарей субстандартной лексики русского языка. Основными источниками выборки стали значимые и известные словари субстандартной лексики русского языка: «Большой словарь русского жаргона» М.В. Мокиенко (далее БСРЖ), Т.Г. Никитина, «Толковый словарь молодёжного сленга. Слова, непонятные

взрослым» Т.Г. Никитина (далее ТСМС), «Словарь тысячелетнего аргю» М.А. Грачева (далее СТА), «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика (далее БСРРЭР), «Словарь русского аргю» В.С. Елистратова (далее СРА).

Из словарей были отобраны и проанализированы 3059 СЛЕ, из которых 1608 СЛЕ, репрезентирующих образ мужчины, и 1451 СЛЕ – образ женщины.

С целью последующей реконструкции образов женщины и мужчины в субстандартном слое русского языка, мы провели семантический анализ отобранных СЛЕ, в соответствии с предложенной классификацией. Семантический анализ СЛЕ позволил выделить базовые семантические признаки (далее БСП).

СЛЕ, номинирующие женщину (1451 СЛЕ), в соответствии с нашей классификацией в количественном отношении распределены следующим образом:

I. Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения»: 441 СЛЕ.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности»: 594 СЛЕ.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение»: 416 СЛЕ.

СЛЕ, номинирующие мужчину (1608 СЛЕ), в соответствии с нашей классификацией в количественном отношении распределены следующим образом:

I. Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения»: 557 СЛЕ.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности»: 658 СЛЕ.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение»: 393 СЛЕ.

Приведем подробнее результаты проведенного исследования.

2.2.1. Наименования лиц женского пола в субстандартной лексике русского языка

I. Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения». В данную тематическую группу были отобраны 441 СЛЕ, репрезентирующая образ женщины. СЛЕ были разделены на 3 ЛСГ: «Сексуальные отношения», «Супружеские отношения», «Дружеские отношения». Рассмотрим каждую ЛСГ и выделим базовые семантические характеристики у лиц женского пола в субстандартной лексике русского языка по данным лексикографических источников.

1. Лексико-семантическая группа «Супружеские отношения» – 182 СЛЕ. Данная группа отражает взгляды на брак и роль женщины в супружеских отношениях. Рассмотрим примеры.

БОЛЯЧКА, -и, ж. Жена (БСРЖ). Болячка – «небольшая ранка на коже, нарыв, чирей» [<https://vseslov.net//ru/dictionary.php?word=болячка&submit=submit>]. СЛЕ используется для описания жены, сравнивая её с источником проблем, неприятностей и раздражения. Лексема фиксирует устойчивый патриархальный стереотип о жене как обузы, «головной боли» мужчины и подчёркивает негативное отношение к браку. БСП: неприятность, раздражение, источник страданий.

ЗАНОЗА, -ы, ж. Жена (БСРРЭР). СЛЕ репрезентирует жену через медицинско-бытовую метафору, уподобляющую её мелкому, но болезненному и раздражающему инородному телу под кожей. БСП: надоедливость, придиричивость, постоянный источник дискомфорта, от которого трудно избавиться.

ОБЕЗЬЯНА, -ы, ж. Ирон. Жена, подруга (СРА). Обезьяна в европейской культуре традиционно ассоциируется с некрасивой внешностью, кривляньем, подражательством, глупым поведением. СЛЕ используется для описания жены

как глупой, непривлекательной женщины. БСП: внешняя непривлекательность и отсутствие ума.

КАСТРЮЛЯ, и, ж. Жена, подруга, любовница (СРА). СЛЕ репрезентирует жену через предметную (кухонную) метафору, уподобляющую женщину посуде для варки пищи – предмету домашнего обихода, функциональному объекту. Лексема имеет негативную, пренебрежительную, фамильярную коннотацию. Мужчина, употребляя данную СЛЕ по отношению к женщине (жене, подруге), лишает женщину индивидуальности, её личность воспринимается, как вещь для удовлетворения потребностей (как бытовых, так и сексуальных). Лексема закрепляет патриархальный взгляд, при котором женщина предстает естественной частью домашней сферы, объектом обладания и предметом для оскорбительных номинаций. ССП: женщина – партнёр мужчин.

Таким образом, в рамках ЛСГ «Супружеские отношения» СЛЕ, относящиеся к номинациям жены, имеют ярко негативную коннотацию, отражая недовольство браком и обесценивание женщины. Жена посредством субстандартных номинаций представлена как источник проблем, неприятностей, она лишена индивидуальности, интеллекта, привлекательности. Роль жены сводится к домашнему хозяйству. Женщина лишается человеческого достоинства, сводится к негативной функции или низкому статусу, что закрепляет патриархальный стереотип о браке как обузе и о женщине как о «приложении» к мужчине.

2. Лексико-семантическая группа «Сексуальные отношения» – 155 СЛЕ. Данная группа отражает отношения, поведение и характеристики участников взаимодействия. Номинации женщины в данной ЛСГ часто уничижительны и описывают её поведение через стереотипы. Обратимся к примерам.

КРАЛЯ, - и, ж., пренебр.-ирон. Девушка (СРА). Слово *краля* происходит от польск. *krala* – «королева» [<https://bibliolex.iling.spb.ru/node/10687>]. СЛЕ используется для описания женщины как привлекательной и яркой, подчёркивая её доступность. Коннотация: ироничное, может быть как с положительной

оценкой (привлекательность, яркость), так и с отрицательной (доступность).
БСП: привлекательность, статность, неформальный статус.

САМКА, - и, ж. *Женщина как воплощение женских сексуальных качеств (ТСМС)*. СЛЕ репрезентирует женщину через зоологическую метафору, сводящую её к биологическим функциям – сексуальности, деторождению. БСП: редукция человеческого в женщине к животному началу.

ХАХАЛИЦА, - ы, ж. *Любовница (БСРЖ)*. СЛЕ репрезентирует женщину через звукоподражательную метафору, восходящую к междометию смеха *ха-ха*. Лексема имеет негативную, уничижительную и резко сниженную коннотацию. БСП: женщина, состоящая в неформальных (внебрачных) любовных отношениях.

Таким образом, номинации женщины в рамках ЛСГ «*Сексуальные отношения*» в субстандартной лексике русского языка часто носят уничижительный характер и отражают глубоко укоренённые гендерные стереотипы. Женщина в таких описаниях предстаёт как объект, где её ценность определяется внешностью, доступностью, зависимостью от мужчины. Внимание к женской сексуальности выражается преимущественно через негативные коннотации. Так, коннотации отобранных СЛЕ варьируются от ироничных до пренебрежительных и в большинстве случаев несут отрицательную оценку, что свидетельствует о том, что субстандартная лексика отражает патриархальные установки, в которых женщина воспринимается как нечто подчинённое, зависимое и обслуживающее мужчину.

3. Лексико-семантическая группа «Дружеские отношения» представлена на уровне русского субстандартного языка 104 СЛЕ. Данные СЛЕ в анализируемых словарях встречаются с пометами *шутл.*, *ласк.* Рассмотрим примеры.

ФРЕНДА – подруга, приятельница (БСРЖ). Лексема является прямым заимствованием из английского языка. БСП: дружеские, приятельские или близкие отношения между людьми.

КАДРА – симпатичная девушка; подруга, любовница (СРА). СЛЕ образована от слова *кадры*. С помощью метафорического переноса из сферы профессионального отбора (кадровый состав, отбор кадров) лексическая единица перешла в сферу межличностных отношений, где женщина предстаёт как «объект», который «подбирают», «нанимают» или «выбирают». БСП: объект ухаживания.

ТРЯПОЧКА, -и, ж. ласк. Девушка, подруга (ТСМС). Тряпочка – кусочек ткани, символ мягкости, гибкости, отсутствия твёрдой структуры. В применении к девушке это может означать мягкий характер, покладистость. Ласкательный суффикс -очк- и сама интимно-бытовая метафора указывают на тёплое, нежное, снисходительно-ласковое отношение. СЛЕ номинирует молодую женщину или девушку, к которой говорящий испытывает симпатию и находится в близких отношениях. БСП: молодая женщина, подруга, вызывающая нежные, ласковые чувства.

Таким образом, ЛСГ «Дружеские отношения», где женщина репрезентируется через образ подруги, в русском субстандарте представляет собой сложное, многомерное образование, в котором ядерный признак «близкие дружеские отношения» обрастает разнообразными дополнительными семами (радость, мягкость, объект выбора, ласка). Анализ подтверждает, что даже в сфере ласкательных номинаций женщина в русском языке часто предстаёт не как равноправный субъект, а как объект нежных чувств, игрового взаимодействия или прагматического выбора, что отражает глубинные культурные стереотипы и гендерные асимметрии.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности». В данную тематическую группу были отобраны 594 СЛЕ.

1. Лексико-семантическая группа «Внешность» на уровне русского субстандартного языка представлена 270 СЛЕ. Внешность женщины характеризуется с позиции привлекательности и сексуальности.

Привлекательная женщина:

КРАСЮЧКА, -и, ж., одобр. Красивая, эффектная девушка (СТА). Слово образовано от основы крас-, подобно лексемам краса, красивый, красotka. Уменьшительно-ласкательный суффикс добавляет оттенок нежности и симпатии. Данная СЛЕ используется для описания девушки как не просто красивой, а очень милой, приятной и эффектной, с акцентом на её очарование. БСП: молодая женщина, обладающая яркой, привлекательной внешностью.

СТАНОК, шутл. Сексапильная девушка (ТСМС). СЛЕ номинирует сексуальную, сексапильную женщину, которая оценивается исключительно как объект для секса. Перенос на женщину означает, что её тело воспринимается как инструмент для удовлетворения сексуальных потребностей мужчины. БСП: сексуально привлекательная женщина, объект сексуального использования.

БУТОН – симпатичная девушка (ТСМС). СЛЕ несёт в себе семантику нежности, юности и расцветающей красоты. БСП: молодая, симпатичная девушка.

Таким образом, привлекательная женщина в русском субстандарте представляет собой многослойное образование, где даже положительные номинации в субстандарте редко обходятся без элемента объективации, тем самым отражая глубинные патриархальные установки, закреплённые в языке. При этом разнообразие метафорических моделей свидетельствует о высокой степени образности и экспрессивности русской субстандартной лексики, способной фиксировать тончайшие нюансы восприятия женской красоты от нежного восхищения до циничной инструментализации.

Непривлекательная женщина:

КРЫСА, -ы, ж., пренебреж. Девушка с неприятным характером и непривлекательной внешностью, часто – агрессивная, хулиганистая (БСРЖ): Крыса в русской (и мировой) культуре несёт устойчивый комплекс отрицательных коннотаций: нечистоплотность, грязь, антисанитария (крыса – обитательница помоек, подвалов), трусость (крыса действует исподтишка, бежит с тонущего корабля), болезнь, опасность (крысы – переносчики заразы). Женщина, которую называют крысой, предстаёт как существо, лишённое всех

положительных качеств: она некрасива (непривлекательная внешность), агрессивна и хулиганиста (социально опасна), неприятна в общении, а также, благодаря зооморфной метафоре, наделяется качествами трусости и нечистоплотности. БСП: внешняя непривлекательность в сочетании с агрессивным и неприятным характером.

КОЗИБУЛИНА, -ы, ж., неодобр. Девушка с неприятной внешностью и скверным характером (ТСМС). «Коза» + «буйная» → козибулина. Коза в русской культуре несёт устойчивый комплекс отрицательных коннотаций: сварливость, глупость (коза – глупое животное) и непривлекательная внешность (козлиное лицо, козлиная бородка). СЛЕ используется для описания девушки с неприятной внешностью и скверным характером. БСП: неприятная внешность и буйный, вздорный, неуправляемый характер.

МАРМЫГА – глупая, некрасивая девушка (БСРРЭР). СЛЕ номинирует женщину как глупую, неказистую, неуклюжую и неопрятную, вызывающую у окружающих не страх и отвращение, а снисходительную усмешку и лёгкую жалость. БСП: комплексная несостоятельность (умственная и внешняя).

Также женская внешность оценивается с помощью СЛЕ, описывающих рост и объёмы женщины.

Небольшая грудь/худощавость:

БАЛАЛАЙКА – девушка, у которой грудь не развивается (БСРРЭР). Данная СЛЕ используется для описания женщины с худощавой фигурой и плоской грудью. Образ строится на визуальном сходстве: треугольный корпус инструмента, широкий внизу и узкий вверху, напоминает фигуру очень худой женщины с узкими плечами, плоской грудью и относительно широкими бёдрами. БСП: худая, плоскогрудая девушка.

ВЕШАЛКА, -и, ж. Девушка, топ-, фотомодель (высокого роста, худая (БСРЖ)). СЛЕ используется для описания очень худой девушки, сравнивая её с формой вешалки. СЛЕ фиксирует стереотипное восприятие худой, угловатой фигуры как «неженственной» и часто служит объектом насмешки. БСП: очень худая девушка с отсутствием женственных округлостей.

ДОСКА, -й, ж. 1. (или ~ *ДВА СОСКА*). Женщина, обладающая плоской, мужеподобной фигурой (*СРА*). Лексическая единица подчёркивает отсутствие изгибов, угловатость, «прямоту» силуэта, полное отсутствие выпуклостей. Образ строится на предельно простой визуальной ассоциации: женское тело сводится к плоскому, прямому, безжизненному куску дерева. БСП: худая женщина с маленькой грудью и невыразительной фигурой.

Большая грудь:

ШАЙБА – женщина с большой грудью (*БСРЖ*). Данная СЛЕ используется для описания женщины с большой грудью. Большая грудь сравнивается с формой шайбы, подчёркивая пышность форм и сексуальность. БСП: внешняя привлекательность.

ВИТРИНА – женщина с большой грудью (*ТСМС*). Лексема имеет резко негативную, уничижительную коннотацию. СЛЕ используется для описания женщины с большой грудью. Женщина лишается личности, её образ редуцируется до набора физических характеристик, выставленных для мужского взгляда. БСП: внешняя непривлекательность.

Высокий рост:

БАШНЯ – очень высокая женщина (*БСРЖ*). Образ строится на визуальном сходстве: башня – высокое, вертикальное, часто массивное сооружение, которое доминирует над окружающим пространством. В применении к женщине эта метафора подчёркивает её рост, выделяющий её из толпы, и часто несёт оттенок добродушной насмешки. БСП: очень высокая девушка или женщина.

АРМАТУРА, -ы, ж. Худой высокий человек (чаще женщина). Вот ~ с говном! (о злой худощавой женщине) (*СРА*). СЛЕ образована по метафорическому переносу из технической сферы. Перенос визуальных характеристик на женщину создает образ женщины – высокой, худой, «прямой» (лишённый округлостей). БСП: худая женщина.

Крупное телосложение:

КАРАВЕЛЛА, -ы, ж. Крупная, полная женщина. ~ с двумя киями (СРА).

СЛЕ репрезентирует женщину через морскую метафору, акцентируя её крупные размеры, полноту, массивность. БСП: крупные размеры, массивность.

ФРИКАДЕЛЬКА, -и, ж. Женщина, девушка (обычно полная) (БСРЖ). СЛЕ репрезентирует женщину через кулинарную метафору, акцентируя её полноту и округлость. Лексема имеет выраженную негативную, пренебрежительную коннотацию. Высмеивание внешности женщины через приравнивание её к еде наносит удар по самооценке женщины, делая акцент на том, что она не соответствует идеальному стандарту стройности. БСП: полная женщина.

Таким образом, СЛЕ, описывающие внешность женщины, отражают стереотипное восприятие женской красоты и сексуальности, часто сводя её к физическим характеристикам. СЛЕ, описывающие привлекательную женщину, носят шуточный, ироничный или одобрительный характер и часто ассоциируются с нежностью, эффектностью или роковым образом, что отражает стереотипное представление о женской привлекательности как о чём-то, что должно вызывать восхищение и желание. СЛЕ, описывающие непривлекательную женщину, имеют резко отрицательную коннотацию, указывают на отталкивающую внешность и неприятный характер, что свидетельствует о жёстких стандартах красоты и критическом отношении к тем, кто им не соответствует. На основании изложенного можно сделать вывод, что субстандартный пласт русского языка отражает глубоко укоренённые стереотипы относительно внешности женщины, которая воспринимается как объект, ценность которого определяется внешностью.

2. Лексико-семантическая группа «Возраст» на уровне русского субстандартного языка представлена 160 СЛЕ. Возрастная характеристика женщины в словарях русской субстандартной лексики охватывает несколько этапов жизни (от юношества до старости). В анализируемых субстандартных словарях возраст женщины отмечен пометами *шут.*, *шутл-ирон.*, *пренебр.*, *уничиж.*

Девушка, молодая женщина:

ЧУВИХА, -и, ж. *Девушка; молодая женщина. Вот это да! Классная чувиха!* *Ровесник*, 1990, № 11,12 (ТСМС). СЛЕ образована от жаргонного слова «чувак», заимствованного из цыганского языка, что означает «парень, мальчик». Данная СЛЕ используется для описания молодой женщины. БСП: возрастная характеристика.

КЛЮШКА, -и, м. и ж. шутл. 1. ж. *Девочка, девушка. У вас в классе все клюшки такие навороченные?* (ТСМС) СЛЕ репрезентирует девушку, молодую женщину через спортивную метафору (хоккейная клюшка). БСП: молодая девушка.

Пожилая женщина:

КОРЗИНА, -ы, ж. *Старая женщина. Корзина еле кегли передвигает, а просит на выпивку. [От корз, корзуха, вост. - «старуха» - Даль-1 возможна контаминация с лит. корзин] (СТА).* СЛЕ репрезентирует старую женщину через диалектное слово *корза* (старуха), которое наложилось на литературное название плетёного изделия. БСП: женщина преклонного возраста, воспринимаемая с пренебрежением и уничижением.

ПЛЕСЕНЬ, -и, ж. *Пожилая женщина (СПА).* СЛЕ репрезентирует пожилую женщину через биологическую метафору, уподобляющую её грибковому налёту на гниющих предметах. БСП: старая, увядающая женщина.

Таким образом, ЛСГ «Возраст» женщины в русском субстандарте представляет собой бинарную систему, в которой молодость женщины оценивается фамильярно-положительно, а старость – резко негативно, через дегуманизирующие образы порчи и увядания. Это закрепляет патриархальную норму, согласно которой ценность женщины определяется её молодостью и привлекательностью, а старение воспринимается как процесс утраты достоинства и человеческого статуса.

3. Лексико-семантическая группа «Характер». На уровне русского субстандартного языка были отобраны 92 СЛЕ. Характер женщины часто связывают с внешностью. Скверным характером обладает только некрасивая женщина.

КРОКОДИЛИЦА, -ы, ж. Некрасивая злая женщина. Такая крокодилица страшная вдруг каркать принялась: всё ей не так и всё ей не эдак (СТА). СЛЕ репрезентирует женщину через зооморфную метафору, уподобляющую её крокодилу – опасному, агрессивному, некрасивому пресмыкающемуся. БСП: сочетание внешней непривлекательности со злым, сварливым характером.

ШМОНДЯ, -и, ж. Некрасивая злая женщина (СТА). СЛЕ имеет сложное происхождение, восходящее к западнорусским диалектам (нечистоплотный человек, безнравственная женщина). СЛЕ репрезентирует женщину через диалектное заимствование, аккумулирующее семантику нечистоплотности, безнравственности и внешней непривлекательности. БСП: сочетание непривлекательности со злым, скверным характером.

Таким образом, ЛСГ «Характер» в русском субстандарте конструирует образ женщины через связь «некрасивая-злая». Язык выступает инструментом патриархального контроля, стигматизируя женщину за отсутствие привлекательности и приписывая ей негативные черты характера, которые в реальности могут не иметь к внешности никакого отношения. В анализируемом материале нет ни одной лексической единицы, где внешняя непривлекательность компенсировалась бы положительными чертами (ум, доброта и т.п.). Некрасивая женщина в субстандарте обречена быть злой, сварливой, опасной или угрюмой, любые её достоинства языком не фиксируются. Отклонение от идеала красоты автоматически маркируется как порок.

4. Лексико-семантическая группа «Интеллект» - 72 СЛЕ. Умственные способности женщины в субстандартных словарях русского языка оцениваются негативно, номинируя тот факт, что женщина не может быть умной. Зачастую низкие умственные способности объединяются с непривлекательной внешностью. Рассмотрим примеры.

БЫЧКА, -и, ж. пренебр. Глупая полная девушка (ТСМС). Бык в народном сознании символизирует тупую, грубую силу. СЛЕ используется для описания глупой, полной женщины. Женщина ассоциируется с животным, которое может

быть сильным, но не особо умным. БСП: интеллектуальная неполноценность + физическая непривлекательность

ЧИПКА, -и, ж., пренебр. Глупая, непривлекательная девушка (ТСМС). СЛЕ используется для описания женщины с низким уровнем умственных способностей, подчёркивая, что женщина лишена привлекательности и умственного потенциала. БСП: сочетание интеллектуальной неполноценности (глупости) с внешней непривлекательностью.

ДУРЦИНЕЯ, -и, ж. Глупая девушка (БСРРЭР). СЛЕ образована с помощью слияния двух слов *дура* и *Дульсинея* (имя героини романа Сервантеса «Дон Кихот»). СЛЕ используется для описания глупой женщины, чья глупость контрастирует с её идеализированным образом. БСП: глупость + наивность.

Так, в словарях субстандартной лексики русского языка умственные способности женщины часто оцениваются негативно, что отражается через уничижительные коннотации. Использование субстандартных лексем, характеризующих интеллект женщины, не только подчёркивает его отсутствие, но и связывает его с непривлекательной внешностью, что усиливает стереотипное восприятие женщины как неполноценной и ограниченной, способствуя появлению гендерного неравенства в языке и обществе. Отобранные СЛЕ из словарей субстандартной лексики русского языка доказывают, что номинации женщин дискредитируют женский интеллект и причиной этого являются патриархальные установки и гендерные стереотипы.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение». В представленную ТГ было отобрано 353 СЛЕ. Рассмотрим каждую ЛСГ.

1. Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои» - 290 СЛЕ. В русской картине мира существует негативное отношение к женщине с низкими нравственными и моральными устоями. СЛЕ, описывающие нравственные и моральные устои женщины, в субстандартных словарях имеют помету *пренебр. и презр.* Обратимся к примерам.

КРУЖЕВНИЦА, -ы, ж. Болтунья, сплетница, лгунья (СРА). СЛЕ обозначает женщину, склонную к пустой болтовне, распространению слухов и лжи. Лексема образована по метафоре «плетение кружев» со значением «говорить витиевато, красиво, но часто пусто» или «распускать слухи, создавать замысловатые истории». БСП: пустословие, сплетни, лживость.

ДАВАЛКА, -и, ж. То же, что ДАВАЛА. Женщина лёгкого поведения. Проститутка (СТА). СЛЕ образована от глагола «давать», используется для описания женщины, которая отдаёт себя за деньги и ведёт беспорядочную половую жизнь. БСП: сексуальная доступность.

СТРИТЕН-ГЁРЛ, неизм., ж. Проститутка, девушка легкого поведения (ТСМС). СЛЕ представляет собой транслитерацию английского словосочетания *street girl*, которое в современном английском языке является эвфемизмом для обозначения женщины, занимающейся уличной проституцией. СЛЕ используется для описания женщины-проститутки. БСП: сексуальная доступность, реализуемая в публичном пространстве.

Анализ субстандартной лексики, описывающей нравственные и моральные устои женщины, показал, что СЛЕ данной ЛСГ имеют ярко выраженную негативную окраску, зафиксированную словарными пометами «пренебр.» и «презр.». Положительные номинации в рамках данной ЛСГ отсутствуют, что свидетельствует о том, что в субстандартном лексическом пласте женщина оценивается преимущественно через осуждение её моральных качеств. Язык выступает инструментом социального контроля, стигматизируя женщину за отклонения от патриархальной нормы (скромность, добродетельность, контролируемая сексуальность).

2. Лексико-семантическая группа «Профессиональная деятельность» – 63 СЛЕ. Исторически в русской культуре заложено, что женщина – домохозяйка, в обязанности которой входит заботиться о семье, которая никак не может думать о карьере. Рассмотрим примеры.

РЕПКА, -и, ж., шутол. Шк. Женщина-репетитор. Твоя репка тебе много задаёт? (БСРЖ). СЛЕ образована с помощью сокращения слова *репетитор*, с

добавлением суффикса *к-*, что создаёт впечатление неважности. Данная СЛЕ используется для описания женщины-репетитора. БСП: профессиональная деятельность.

ПРОФА, - *й, ж.*, шутл. *Женщина-профессор. Ничего профа, бодренько читает. (ТСМС)*. СЛЕ образована с помощью сокращения слова профессор, используется для описания женщины-профессора, которая работает в образовательной сфере. БСП: профессиональная деятельность.

АМЕБА, - *ы, ж.*, шутл. *Шк. Учительница зоологии и биологии (ТСМС)*. СЛЕ используется для описания женщины – учителя биологии (метафорическое сопоставление с объектом преподавания). БСП: профессиональная деятельность.

3. Лексико-семантическая группа «Финансовое положение» СЛЕ, номинирующие финансовое положение женщины, отсутствуют. Выявленное отсутствие СЛЕ для обозначения финансового положения женщины свидетельствует о глубокой гендерной асимметрии. В русском языковом сознании женщина не рассматривается как самостоятельный финансовый субъект, что и фиксируется лакуной в субстандартной картине мира.

Таким образом, приведённые примеры СЛЕ ограничивают профессиональную деятельность женщин сферой образования (репетитор, профессор, учительница). Для описания профессиональной деятельности женщины используются метафоры, основанные на названиях растений, научных терминах, что придаёт словам шутливый или ироничный оттенок. Кроме того, оценка профессиональной деятельности женщин неоднозначна. С одной стороны, использование СЛЕ говорит об уважительном отношении к профессии женщины, но с другой стороны, в субстандарте есть лексические единицы, которые используются с целью высмеивания профессии учителя. Также отметим, что в анализируемых субстандартных словарях русского языка нами не были зафиксированы обозначения других профессий женщины.

2.2.2. Наименования лиц мужского пола в субстандартной лексике русского языка

I. Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения». В данную тематическую группу были отобраны 557 СЛЕ, репрезентирующих образ мужчины. Отобранные СЛЕ были разделены на 3 ЛСГ: «Сексуальные отношения», «Супружеские отношения», «Дружеские отношения». Рассмотрим каждую ЛСГ и выделим основные семантические характеристики у лиц мужского пола в субстандартной лексике русского языка.

1. Лексико-семантическая группа «Супружеские отношения» представлена 132 СЛЕ. Данная группа отражает взгляды на брак и роли супругов. Рассмотрим примеры.

ЖЕНАТИК, -а, м. *Женатый мужчина. Всё, теперь я ~, у меня отбой в девять, как в пионерском лагере. (БСРРЭР).* СЛЕ репрезентирует женатого мужчину. В кругу друзей или в шутовском контексте мужчина может сам себя назвать *женатиком*, подразумевая свою обременённость семейными обязанностями. Пренебрежительную, уничижительную коннотацию СЛЕ приобретает в устах женщины, когда речь идёт о посторонних мужчинах, особенно в контексте знакомств, *женатик* – недостойный внимания объект, он либо уже «занят», либо пытается совмещать семью с внебрачными связями, что вызывает презрение. БСП: женатый мужчина.

СЭКОНД-ХЭНД, -а, м., *пренебр. Женатый мужчина (БСРЖ).* Через призму потребительской метафоры СЛЕ обозначает женатого мужчину, воспринимаемого как «бывший в употреблении», «не новый», «доставшийся от другой». БСП: вторичность, принадлежность другой женщине.

ХОЗЯИН – *женатый мужчина (БСРЖ).* СЛЕ репрезентирует женатого мужчину через социально-ролевую метонимию, акцентирующую его статус «главы семьи». Роль мужа ассоциируется с властью, контролем, заботой, ответственностью, домом. БСП: главенство, глава семьи.

СЛЕ, номинирующие лиц мужского пола в ЛСГ «Супружеские отношения» отражают важные аспекты восприятия роли мужчины в браке. Анализ субстандартных мужских номинаций показал, что роль мужчины в семье сводится к главенствующей. ЛСГ «Супружеские отношения» отражает традиционные взгляды на брак и роли супругов в русской лингвокультуре, где женщина воспринимается как эмоциональный и бытовой центр семьи, однако её роль часто обесценивается и сводится к выполнению обязанностей, мужчина же воспринимается как глава семьи, но его зависимость от жены и роль в быту часто становятся объектом насмешек.

2. Лексико-семантическая группа «Сексуальные отношения» на уровне русского субстандартного языка представлена 243 СЛЕ. Мужское поведение в этой сфере получает большое внимание. Так, мужчина в субстандарте представлен как активный индивид, описывается через характеристики, связанные с успехом, активностью или поведением (положительным/отрицательным). Рассмотрим примеры.

КЛЕЙ, *клея*, *м.*, *шутл. Любитель женщин, ловелас. (ТСМС)*. СЛЕ репрезентирует мужчину через метафору «приклеивания» и настойчивого ухаживания. БСП: активная, часто навязчивая позиция в знакомствах.

КОТ, *-á*, *м (или МАРТОВСКИЙ ~)*. *Мужчина, живущий за счет женщины; развратник, бабник. (БСРЖ)*. Данная СЛЕ используется для описания мужчины как любовника, с намёком на его ловкость, хитрость и независимость, а также на «гуляющий» образ жизни мужчины. БСП: сексуальная активность, неразборчивость.

ЛАВЕР, *-а*, *м. Любимый, любовник (ТСМС)*. В английском языке *lover* имеет более широкую семантику (любовник, любитель, поклонник), в русском субстандарте лексема сузилась до обозначения любовника. БСП: мужчина, состоящий в интимных (часто внебрачных) отношениях с женщиной.

Таким образом, в субстандартном фонде русского языка мужчина в сексуальной сфере представлен как активный деятель, чьи характеристики связаны с его успехом, поведением и отношением к женщинам. В

субстандартной лексике мужчина описывается через образы, которые подчёркивают его успех в любовных делах.

3. Лексико-семантическая группа «Дружеские отношения» представлена на уровне русского субстандартного языка 182 СЛЕ. Данные СЛЕ в анализируемых словарях встречаются с пометами *шутл.*, *ласк.* Так, в русской словарях субстандартной лексики дружба занимает важное место, в связи с чем лица мужского пола номинируются СЛЕ с положительной коннотацией. Однако, количественное соотношение субстандартной лексики, репрезентирующей мужчину, в 1,5 раза больше, чем женщину, что может говорить о том, что дружба между мужчинами встречается чаще, чем между женщинами. Рассмотрим примеры.

СТРАУС, -а, м., *шутл.* Друг, приятель (БСРРЭР). СЛЕ является шутливым, фамильярным обозначением, характерным для молодёжного сленга. БСП: приятельские, дружеские отношения

КОРЕШЬ -а, *КОРЕШОК*, -шка, *КОРЕФАН*, -а, м. Друг, приятель, *собутельник* (СРА). Данные СЛЕ используются для описания друга как надёжного, верного и глубоко укоренившегося в жизни человека. Наличие нескольких экспрессивных вариантов свидетельствует об особой значимости мужской дружбы в русской языковой картине мира, где близкий человек получает особое, интимное именование. БСП: близкие, доверительные, часто длительные дружеские отношения.

ДРУГАН, - а, *ДРУЖБАН*, - а, *ДРУЖБАНДЕЛЬ*, я, м. Друг, товарищ, приятель, знакомый (ТСМС). Данные субстандартные единицы представляют собой вариантное словообразовательное гнездо с единым значением «друг, товарищ, приятель, знакомый». БСП: близкие, доверительные, неформальные дружеские отношения между мужчинами.

Таким образом, субстандартная лексика, описывающая мужчину как друга, отражает важность таких качеств, как верность, надёжность и эмоциональная близость, что свидетельствует о высокой ценности мужской дружбы в культуре и языке. Отобранные СЛЕ указывают на то, что дружба между мужчинами

воспринимается как что-то прочное, долговременное и основанное на взаимном доверии.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности». В данную тематическую группу были отобраны 658 СЛЕ, которые разделены на 4 ЛСГ: «Внешность», «Характер», «Интеллект», «Возраст». Рассмотрим каждую ЛСГ и выделим основные семантические характеристики.

1. Лексико-семантическая группа «Внешность» на уровне русского субстандартного языка представлена 154 СЛЕ. Обратимся к примерам.

Привлекательный мужчина:

КРАСЮК, -а, м. Красивый мужчина (БСРЖ). СЛЕ образована от общеславянского корня крас- («красивый») с помощью суффикса -юк, характерного для фамилий и прозвищ. СЛЕ используется для описания красивого, эффектного мужчины. БСП: внешняя привлекательность.

АЛЕН ДЕЛОН, м. Ирон. Красивый, видный мужчина (СРА). Лексема является эпонимической номинацией, возникшей в русском языке под влиянием массовой культуры. Слово несёт дополнительную культурную память об эпохе 1960–1990-х годов и является ярким примером того, как имена знаменитостей проникают в субстандарт и становятся нарицательными для обозначения типизированных качеств. БСП: эталонная внешняя привлекательность.

МАЧО – сильный, мужественный, привлекательный мужчина (БСРРЭР). СЛЕ возникла для описания мужчины ярко выраженного мужского типа средиземноморской или латиноамериканской внешности (шатен или брюнет), проявляющего стереотипические мужские качества: физическую силу и выносливость, сексуальную активность и привлекательность, самоуверенность, независимость, лидерские качества. БСП: сочетание физической силы, сексуальной привлекательности и самоуверенности.

Непривлекательный мужчина:

ФРИК, -а, м. Некрасивый, несимпатичный мужчина (СРА). Слово фрик является заимствованием из английского языка: freak – 1. урод, уродец; 2. чудака,

человек со странностями. БСП: внешняя непривлекательность, воспринимаемая с уничижительной, пренебрежительной окраской.

УПЫРЬ, -я, м., пренебр. Некрасивый, неряшливо, старомодно одетый мужчина. (ТСМС). Слово *упырь* восходит к праславянскому *ǫrǫgь* и является общеславянским мифологическим термином: *упырь* (мифол.) – «заложный покойник», «вампир», «кровосос». Перенос осуществляется по принципу культурной ассоциации: всё, что связано с «нечистью», «страшным», «отталкивающим», переносится на внешность человека и его манеру одеваться. БСП: внешняя непривлекательность, неряшливость.

Таким образом, в рамках ЛСГ «Внешность» в мужских номинациях связь внешности с характером выражена слабо. Положительные номинации мужчины включают такие черты характера, как сила, мужественность, а отрицательные – внешность, неряшливость.

2. Лексико-семантическая группа «Возраст» на уровне русского субстандартного языка представлена 166 СЛЕ. СЛЕ, номинирующие мужчину с дополнительной характеристикой «возраст», в словарях часто встречаются с пометами *шутл.*, *шутл.-ирон.*, *ласк.* Возраст мужчины, в основном, представлен СЛЕ, описывающими юность и молодость. СЛЕ, которые описывают мужчину в период старости, немногочисленны. Рассмотрим примеры.

Юноша, молодой человек, мужчина:

КЕКС, -а, м. Привлекательный, интересный молодой человек, юноша (БСРЖ). Метафорический перенос на мужчину происходит через ассоциацию со «сладким», «приятным», «аппетитным» объектом. БСП: молодость, привлекательность.

СОСОК, -а, м. Молодой человек, юноша. (БСРЖ). Слово образовано по метафоре из детской лексики. Данная СЛЕ используется для описания молодого человека, подчёркивая его неопытность, незрелость и, возможно, зависимость. БСП: молодость.

АНЧОУС, -а, м., шутл. Мужчина, молодой человек (БСРЖ). СЛЕ демонстрирует характерную для русского субстандарта закономерность:

названия пищи могут становиться основой для фамильярных, шутливых номинаций молодых людей. Кулинарная метафора здесь работает по принципу иронического снижения, уподобляя человека «маленькой рыбке» БСП: молодость.

Пожилой мужчина:

БЕССМЕРТНИК, -а, м. *Пожилой мужчина (СТА)*. СЛЕ образована по ботанической метафоре, используется для описания очень старого мужчины, долгожителя. БСП: преклонный возраст, долголетие.

БАТЯ – старик (БСПРЭР). Данная СЛЕ используется для описания пожилого уважаемого мужчины с акцентом на его отцовской роли, заботе и мудрости. БСП: преклонный возраст, уважение.

ДИНОЗАВР – пожилой мужчина (ТСМС). Данная СЛЕ используется для описания пожилого мужчины, который отстал от жизни и не понимает современность. БСП: преклонный возраст, отсталость от жизни.

Таким образом, в субстандартной лексике русского языка возрастные характеристики мужчины представлены через СЛЕ, которые часто сопровождаются пометами, указывающими на шутливый, ироничный или ласковый характер. При этом акцент делается на описании юности и молодости, тогда как субстандартная лексика, относящаяся к пожилым мужчинам, немногочисленна. Для описания молодых мужчин используются субстандартные лексемы, которые подчёркивают различные характеристики молодости: привлекательность, мужественность, неопытность или незрелость. Для описания пожилых мужчин используются слова, акцентирующие внимание на таких качествах, как мудрость, опыт, авторитет, а также на отцовской роли и заботе. В целом, коннотации этих слов чаще носят положительный или нейтральный характер, что отражает более благоприятное восприятие мужского возраста по сравнению с женским.

3. Лексико-семантическая группа «Характер». На уровне русского субстандартного языка были выявлены 192 СЛЕ. Рассмотрим примеры.

ЛОСЬ, лось, м. неодобр. Грубый, агрессивный, примитивный молодой мужчина (БСРЖ). СЛЕ образована по зооморфной метафоре, переносящей качества крупного лесного животного (лося) на человека. Мужчина-лось – физически крупный, но неуклюжий, прямолинейный, негибкий в поведении и мышлении. БСП: сочетание физической силы и крупных размеров с недостатком интеллекта, гибкости и утонченности.

ТОШНОБОТ – занудный, навязчивый мужчина (СТА). СЛЕ образована слиянием двух слов «тошнота» и «ботаник» (человека, который, глубоко погружен в учёбу и не имеет развитых социальных навыков). Данная СЛЕ используется для описания мужчины как слабого, тщедушного, вызывающего отвращение или жалость. Коннотация: ироничное или пренебрежительное с отрицательной оценкой. БСП: вызывающий отвращение, скучный, надоедливый.

ВЫСТУПАЛА, -ы, м., неодобр. Агрессивный молодой мужчина, хулиган. (БСРЖ). СЛЕ образована от глагола «выступать» – активно выражать себя, протестовать. БСП: публичная демонстративность, агрессивность, склонность к хулиганству.

Семантический анализ СЛЕ в русском языке в рамках ЛСГ «Характер» представляет собой разветвлённую систему номинаций, где образ мужчины конструируется через зооморфные метафоры, литературные эпонимы, словослияния и глагольные дериваты. Спектр оценок варьируется от резко негативных (грубость, примитивность, лживость, агрессивность) до иронично-положительных (храбрость, удаль). Язык выступает инструментом социальной оценки, закрепляя стереотипы о «настоящей» мужественности (сила, прямота) и стигматизируя как интеллектуальную несостоятельность, так и гипертрофированную интеллектуальность с социальной неловкостью. Все вышесказанное подтверждает тот факт, что субстандартная лексика, описывающая характер мужчины, отражает как положительные, так и отрицательные стереотипы, связанные с маскулинностью.

4. Лексико-семантическая группа «Интеллект» на уровне русского субстандартного языка представлена 146 СЛЕ. Отобранные СЛЕ,

характеризующие умственные способности мужчины, имеют пометы *презр.*, *пренебр.*, *неодобр.*, *ирон.*, что говорит об отрицательной оценке факта отсутствия ума у мужчины. Обратимся к примерам.

ТОРМОЗ, -а, м., мн. *ТОРМОЗА*, -ов. 1. *ирон. или пренебр. Глуповатый, несообразительный мужчина (БСРЖ)*. СЛЕ образована по технической метафоре, переносящей качества механического устройства на человека. Данная СЛЕ используется для описания мужчины, который не реагирует быстро на изменения, и медленно соображает. БСП: замедленность мыслительных процессов, неспособность быстро понимать и реагировать.

ДОЛОТО, -а, ср. *Глупый мужчина, недотепа, бездарь, простофиля (СРА)*. СЛЕ образована по инструментальной метафоре. Перенос характеристик инструмента на мужчину создает образ глупого, несообразительного, никчёмного мужчину, неспособного к сложной мыслительной деятельности. БСП: интеллектуальная несостоятельность, неспособность к выполнению сложных задач.

БАШМАК, -а, м. *Глупый человек. Юра, да ты башмак! Нежели до сих пор не понимаешь, что тебя, как пацана, накрядили! (СРА)*. СЛЕ номинирует глупого, недалёкого, несообразительного человека, которого легко обмануть. Лексема не маркирована гендерно, может быть применена чаще к мужчине, реже к женщине, но в реальном употреблении тяготеет к мужскому роду. Для женщин существуют другие уничижительные обозначения глупости: *кураца*, *дура*, *тупица*. БСП: глупый, несообразительный мужчина.

Таким образом, можно заключить, что СЛЕ, характеризующие умственные способности мужчины, несут исключительно отрицательную оценку (презрение, пренебрежение, иронию). Такие метафорические модели, как техническая («тормоз»), инструментальная («долото») и предметно-бытовая («башмак»), создают образ интеллектуально несостоятельного, медлительного или легко обманываемого мужчины.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение». В представленную тематическую группу было отобрано 384 СЛЕ.

1. Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои» на уровне русского субстандартного языка представлена 179 СЛЕ. Отобранные СЛЕ имеют пометы *пренебреж.*, *уничиж.*, *ирон.*, что подчёркивает негативное отношение к мужчинам, не соответствующим ожиданиям общества в отношении маскулинности. Рассмотрим примеры.

ФУФЛО, -а, ср. пренебр. Лгун, обманщик; непорядочный мужчина (СТА). Данная лексема пришла из английского языка от глагола «waffle» – болтать попусту, лить воду. Данная СЛЕ используется для описания мужчины как лгуна и обманщика. БСП: мужчина, который характеризуется как лжец, обманщик, непорядочный и не заслуживающий уважения человек.

БЗДЁШНИК, -а, БЗДУН,- а, БЗДУШНИК,- а, м. 1. Трус, малодушный человек; тот, на кого нельзя положиться. Эх вы, бздунщики - мокрые штанишки!
2. Лгун, обманщик. 3. Агрессивный мужчина. 4. Доносчик, кляузник. (СРА). В рамках ЛСГ «Морально-нравственные устои» данная группа слов обозначает мужчину с комплексом негативных моральных качеств, объединяющих трусость, лживость, агрессивность и склонность к доносительству. СЛЕ образована от глагола *бздеть* (испускать газы). В русской народной культуре страх традиционно ассоциируется с потерей контроля над телом, в том числе с произвольными физиологическими реакциями. СЛЕ применяется преимущественно к мужчинам. Это отражает традиционное представление о том, что именно мужчина должен быть надёжным, смелым и верным, нарушение этих норм карается ярлыком. Уникальность данной СЛЕ заключается в ее полисемии. Одна лексема объединяет четыре различные негативные качества, что воспринимается как взаимосвязанные проявления низкой морали. БСП: моральная несостоятельность, охватывающая трусость, лживость, немотивированную агрессию и предательство.

ЗВОНОК, -нка, м. 1. Пустой человек, пустозвон; трепач, лгун (СРА). СЛЕ обозначает пустого, никчёмного мужчину, который много и бессодержательно говорит, распространяет пустые слухи, лжёт. Слово образовано от глагола *звонить* в его переносном значении «болтать, распускать слухи». В русской

языковой традиции «звон» (особенно «трезвон») издавна ассоциируется не только с колокольным звоном, но и с шумной, пустой, назойливой болтовнёй. БСП: пустословие, болтливость, лживость.

ВАСИЛЕК, -и, м. *Гомосексуалист (БСРЖ)*. СЛЕ образована по флористической (цветочной) метафоре: василёк – полевой цветок синего цвета, традиционно ассоциирующийся с нежностью, красотой, не маскулинностью. Характеристики нежного цветка переносятся на мужчину, чья сексуальная ориентация подвергается осуждению. БСП: нетрадиционная сексуальная ориентация.

Таким образом, ЛСГ «Морально-нравственные устои» в русском субстандарте конструирует образ мужчины через бинарную оппозицию: верный, надёжный, «правильный» / трус, лжец, предатель, пустозвон. Язык выступает инструментом социального контроля, фиксируя строгие требования к мужскому поведению: верность, смелость, надёжность, умение держать слово и хранить тайну. Любое отклонение (трусость, ложь, предательство, нетрадиционная сексуальность) наказывается уничижительным ярлыком.

2. Лексико-семантическая группа «Профессиональная деятельность» на уровне русского субстандартного языка представлена 107 СЛЕ. Исторически в русской культуре заложено, что мужчина – добытчик, он думает о карьере. Рассмотрим примеры.

ВОДИЛА, -ы, м. *Шофер, хозяин машины, водитель, таксист. (СРА)*: СЛЕ образована от глагола «водить», что означает «управлять движением транспортного средства», номинирует мужчину, профессионально или непрофессионально управляющего автомобилем, такси или другим транспортным средством. БСП: управление транспортным средством.

СЛЕДАК, -а, м. *Следователь (БСРЖ)*. СЛЕ образована от существительного *следователь* путём усечения основы и добавления суффикса -а, характерного для разговорной лексики. Важной особенностью употребления СЛЕ является ее употребление внутри профессии (в качестве фамильярного самоназвания), так и вне её (в качестве стилистически маркированного

номинирования). Таким образом, жаргонизмы не всегда несут уничижительную окраску и могут становиться элементом профессиональной идентичности. БСП: профессиональная принадлежность к следственным органам.

БУГОР, бугра, м. Начальник, руководитель (ТСМС). Номинирует человека, который «стоит выше других», «возвышается» над коллективом – начальник, руководитель, применяется к мужчинам, так как начальник – традиционно мужская роль. БСП: руководящий статус.

ЛОЖКАРЬ, -я, м. Повар. (БСРЖ). В русском языке ложкарь изначально означал «мастер, изготавливающий деревянные ложки» (ложечник) [https://russian_argo.academic.ru/searchall.php?SWord=ложкарь&from=ru&to=xx&did=russian_argo&stypе=]. Позднее благодаря метонимическому сдвигу у слова появилась дополнительная коннотация: от «изготовитель ложек» до «тот, кто пользуется ложками» (повар, раздатчик пищи), которая закрепилась за уголовном жаргоном. СЛЕ стала номинировать мужчину-повара в местах лишения свободы. БСП: профессиональная деятельность.

Таким образом, ЛСГ «Профессиональная деятельность» в русском субстандарте представляет собой сложную систему, где обозначения профессий и статусов несут не только информативную, но и оценочную нагрузку. Диапазон оценок варьируется от резко уничижительного до нейтрально-фамильярного.

3. Лексико-семантическая группа «Финансовый статус» на уровне русского субстандартного языка представлена 98 СЛЕ. Мужчина в субстандартных словарях русского языка изображён как успешный, влиятельный, богатый или, напротив, бедный. Рассмотрим примеры:

ГРАЧ, -а, м. Богатый мужик (СРА). СЛЕ обозначает богатого, состоятельного мужчину, слово несёт специфическую криминальную окраску: богатство в данном контексте воспринимается как признак уязвимости, мужчину, которого можно обмануть или ограбить. БСП: высокий материальный достаток.

БОБЁР, -а, м. Влиятельный, богатый человек (ТСМС). В русской культуре бобёр животное не только ценное, но и «деловитое». Бобры строят плотины, ведут хозяйственную жизнь, что ассоциируется с деловой хваткой и

накоплением богатства. Кроме этого, бобровый мех традиционно ассоциировался с достатком и высоким социальным статусом. Бобровая шапка была символом зажиточности, принадлежности к «высшему свету». Данные культурные ассоциации легли в основу переноса. СЛЕ *бобёр* обозначает влиятельного, богатого, солидного мужчину, имеющего вес и авторитет в своей сфере. БСП: высокий социальный и финансовый статус.

СПОНСОР, -а, м. Ирон. Богатый любовник (БСРРЭР). Слово *спонсор* вошло в активный обиход в России вместе с развитием рыночной экономики и массовой культуры. Одновременно с этим сложилось ироническое употребление СЛЕ для обозначения богатых мужчин, спонсирующих молодых женщин. БСП: финансовое обеспечение женщины в обмен на интимные отношения.

Отобранные СЛЕ, номинирующие бедного мужчину, отличаются негативной коннотацией и связаны с социальными стереотипами, акцентируя внимание на унижении статуса необеспеченного мужчины.

ОБЛЕЗЛЫЙ КОТ, -ы, м. Бедный мужчина (БСРЖ). В русской языковой картине мира бездомный или больной кот – символ крайней степени запущенности и нужды. Перенос на человека следует той же логике: «облезлый кот» – это мужчина, достигший низшей точки социального и физического падения.: больное и неухоженное животное, потерявшее свою привлекательность. БСП: крайняя степень бедности, физического и морального упадка.

НИЩЕБРОД, -ы, м. Нищий, бедный, опустившийся человек (БСРЖ). СЛЕ *нищеврод* является сложным словом, образованным соединением корней *нищ-* (нищий) и *-брод-* (бродяга). СЛЕ используется для описания бедного мужчины. БСП: крайняя степень бедности.

ЛСГ «Финансовый статус» в русском субстандарте представляет собой бинарную систему, в которой бедность мужчины стигматизируется через образы физического упадка, бродяжничества и социального дна, а богатство – через образы ценности, деловой хватки или через образы уязвимости и коммерциализации отношений. Язык выступает инструментом поддержания

патриархальной нормы: «настоящий мужчина» должен быть финансово состоятельным, а его бедность является основанием для уничижительной стигматизации. В то же время богатство, даже если оно оценивается иронически, не лишает мужчину социального статуса, что подчёркивает асимметрию в языковом конструировании финансового положения.

2.3. Сравнительно-сопоставительное исследование национальной специфики репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков: структурно-семантический аспект

Проведённое количественное и качественное исследование СЛЕ, номинирующих лиц женского и мужского пола в английском и русском языках позволяет не только установить наличие гендерных асимметрий, но и выявить семантические характеристики. В настоящем параграфе количественные показатели (объём ЛСГ, процентные соотношения) сопоставляются с качественными характеристиками (метафорическими моделями, коннотациями, семантическими сдвигами) для выявления глубинных механизмов конструирования гендерных отношений в субстандартном лексическом пласте сопоставляемых разноструктурных языков. Далее представим сравнительно-сопоставительный анализ тематических групп: количественные и качественные характеристики.

Тематическая группа «Гендерные и межличностные отношения».

Количественное распределение СЛЕ в данной группе (Таблица 1) демонстрирует как сходства, так и различия.

Таблица 1. СЛЕ в ТГ «Гендерные и межличностные отношения» (абс./%)

ЛСГ	Английский язык	Русский язык	Английский язык	Русский язык
	(жен.)	(жен.)	(муж.)	(муж.)
Сексуальные отношения	230 (48,4%)	155 (35,1%)	205 (51,0%)	243 (43,6%)
Супружеские отношения	192 (40,3%)	182 (41,3%)	104 (25,9%)	132 (23,7%)
Дружеские отношения	54 (11,3%)	104 (23,6%)	93 (23,1%)	182 (32,7%)

Как видно из таблицы, в английском языке женские номинации в данной тематической группе (476 СЛЕ) незначительно превышают мужские (402 СЛЕ), тогда как в русском языке, напротив, мужские номинации (557 СЛЕ) значительно преобладают над женскими (441 СЛЕ). Это расхождение указывает на различную степень вербализации межличностных отношений в зависимости от гендера в двух лингвокультурах.

ЛСГ «Сексуальные отношения» среди женских номинаций в обоих языках является самой многочисленной, что свидетельствует о пристальном внимании общества к женской сексуальности. Однако, качественный анализ выявляет существенные различия. В английском языке преобладают номинации, объективирующие женщину через гастрономические (*pie, cheesecake*) и предметные (*saddle, sex bomb*) метафоры, подчёркивающие её пассивную роль, при которой женщина – объект потребления. В русском языке доминируют номинации, подчеркивающие моральную оценку (распутство, доступность) женщины (*хахалица, давалка*) и сводящие ее к биологической функции (*самка*). Примечательно, что в английском языке ЛСГ насчитывает 230 СЛЕ, в русском – 155 СЛЕ, что может указывать на более высокую степень вербализации женской сексуальной объективации в англоязычной культуре. Общей характеристикой

для обоих языков является отсутствие положительно окрашенных номинаций женщины, сексуально активная женщина всегда стигматизируется.

Мужские номинации в ЛСГ «**Сексуальные отношения**» представлены иначе. В русском языке отобрано 243 СЛЕ, в английском – 205 СЛЕ, В русском языке отобранные СЛЕ имеют положительную или иронично-одобрительную окраску (*кот, клей, лавер*), в английском языке коннотация варьируется от положительной (*sweet man, hoser*) до негативной (*masher*). Универсальной чертой является характеристика мужской сексуальной активности, которая либо поощряется, либо высмеивается, но не стигматизируется так, как женская.

Количественная наполняемость ЛСГ «**Супружеские отношения**» СЛЕ, номинирующие лиц женского пола в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах практически одинакова (192 СЛЕ и 182 СЛЕ соответственно). Однако, качественные характеристики различны. В английском языке присутствуют нейтральные и положительные номинации жены (*better half*), тогда как в русском субстандарте все номинации жены резко негативны (*болячка, заноза, кастрюля, обезьяна*). Жена предстаёт как источник проблем, раздражения или бытовой предмет, что отражает более высокий уровень патриархальной фрустрации браком в русской культуре. Мужские номинации в обоих языках не такие категоричные: в английском – *ace lane* (козырная карта), *gaffer* (хозяин); в русском – *хозяин* (глава семьи), *женатик*.

В ЛСГ «**Дружеские отношения**» наиболее ярко проявляется национальная специфика. В русском языке мужская дружба номинируется в 1,75 раза богаче женской (182 СЛЕ (муж.) / 104 СЛЕ (жен.)), тогда как в английском языке количественный разрыв меньше (93 СЛЕ (муж.) / 54 СЛЕ (жен.)). Качественные характеристики номинаций мужской дружбы в русском языке (*кореш, друган, дружбандель*) подчёркивают эмоциональную близость, интимность, почти родственную связь, тогда как номинации в английском языке (*homeboy, main man, goombah*) акцентируют общность происхождения, лояльность и патронаж. Женская дружба в русском субстандарте представлена ласкательными

номинациями (*тряпочка, кадра, френда*), часто с оттенком объективации, в английском – более нейтральными (*gal pal, homegirl*).

Тематическая группа «Атрибуты личности» является самой многочисленной в обоих языках как для номинаций женщины, так и для мужчины, что свидетельствует о высокой степени вербализации личностных характеристик в субстандартном лексиконе. В английском языке на данную группу приходится 53% женских номинаций (942 СЛЕ из 1766 СЛЕ) и 57% мужских (924 СЛЕ из 1625 СЛЕ). В русском языке – 41% женских номинаций (594 СЛЕ из 1451 СЛЕ) и 41% мужских номинаций (658 СЛЕ из 1608 СЛЕ). Количественное распределение по ЛСГ представлено в Таблице 2.

Таблица 2. СЛЕ в ТГ «Атрибуты личности» (абс./%)

ЛСГ	Английский язык (жен.)	Русский язык (жен.)	Английский язык (муж.)	Русский язык (муж.)
Внешность	436 (46,3%)	270 (45,5%)	278 (30,1%)	154 (23,4%)
Характер	162 (17,2%)	92 (15,5%)	375 (40,6%)	192 (29,2%)
Интеллект	127 (13,5%)	72 (12,1%)	164 (17,7%)	146 (22,2%)
Возраст	217 (23,0%)	160 (26,9%)	107 (11,6%)	166 (25,2%)

В английском языке ЛСГ «**Внешность**» насчитывает 436 СЛЕ, в русском – 270 СЛЕ, репрезентирующих образ женщины. Анализ показывает, что в обоих языках женская внешность оценивается бинарно через привлекательность / непривлекательность. Для номинаций **привлекательной женщины** в английском языке доминируют гастрономические метафоры (*honey-bun, cheesecake, peach*), зооморфные метафоры (*fox, chicklet*), а также номинации, сводящие женщину к неодушевлённому объекту (*doll, picture*). Все они имеют шутивно-одобрительную коннотацию, но при этом объективируют женщину. В русском языке спектр метафор разнообразнее: цветочные (*бутон*), оценочные (*красючка*) и инструментальные (*станок*). Для номинаций **непривлекательной женщины** в английском языке используются зооморфные метафоры с негативной коннотацией (*bat, buffarilla, swamp-donkey*), а также предметные номинации, подчёркивающие бесформенность и никчёмность (*bag, haybag*). В

русском языке доминируют зооморфизмы (*крыса, крокодилица*) и бытовые метафоры (*козибулина, мармыга*). Общей чертой является связь непривлекательности с отрицательными чертами характера (злость, агрессивность, сварливость).

Мужская внешность описывается в обоих языках менее детально. В английском языке количественная наполненность ЛСГ «**Внешность**» составляет 278 СЛЕ, в русском – 154 СЛЕ, что может указывать на более высокую значимость мужской внешности в англоязычной культуре. В английском языке внешность мужчины акцентирована на мужественности (*husky, beefcake, lungs*) и женоподобности как отклонении от маскулинности (*puff, molly*), в русском языке – на общей привлекательности (*красюк, ален делон, мачо*) и непривлекательности (*фрик, упырь*). При этом в русском языке связь внешности с характером выражена слабее, чем в английском языке.

ЛСГ «**Характер**» является самой многочисленной для характеристики мужчины в английском языке (375 СЛЕ) и второй по величине в русском языке (192 СЛЕ). Качественный анализ показывает, что английские номинации мужского характера охватывают широкий спектр: агрессивность (*cave-man, curly wolf*), смелость (*wool-topped, macho*), подлость (*rat, crud*), хитрость (*coon, lad*), трусость (*meater, milksop*), женоподобность (*pansy ass, poodle-faker*), эгоизм (*scaff*), лень (*hard bargain*). Мужские номинации в русском языке более сфокусированы: грубость и агрессивность с акцентом на интеллектуальную несостоятельность (*лось, выступала*), занудство (*тошнотбот*). В обоих языках мужчина оценивается по его поступкам и моральным качествам.

Женские номинации ЛСГ «**Характер**» и в английском, и в русском языках негативны и стереотипны: злоба (*hell-cat, cat*), властность (*ice queen, ballbreaker*), сварливость (*butter-queen, scissor-bill*), склонность к сплетням (*cat and mouse, poll parrot*) в английском языке, в русском языке негативные черты характера часто приписываются исключительно непривлекательной женщине (*крокодилица, шмондя*). Положительные номинации женского характера отобранных лексем в субстандарте обоих языков отсутствуют.

В ЛСГ «Интеллект» в сопоставляемых языках преобладают номинации, репрезентирующие глупого человека. Для женщины это практически единственный вид номинаций: *bimbo, dumb blonde, dumb Dora* в английском языке; *бычка, чипка, дурцинея* в русском языке. Примечательно, что в русском языке глупость женщины часто связывается с её внешней непривлекательностью, тогда как в английском – с привлекательностью (*dumb blonde*). Универсальной характеристикой является отсутствие положительных номинаций умной женщины в обоих языках. В английском языке СЛЕ, номинирующие интеллект мужчины, имеют как отрицательные, так и положительные (*cheese, cunning shaver, jig*) коннотации. В русском языке таких номинаций нет, однако есть номинации хитрости и изворотливости.

В ЛСГ «Возраст» прослеживается яркая гендерная асимметрия. Женщина в английском субстандарте оценивается по четырём возрастным периодам (подростковый период, молодость, зрелость, старость), где старость описывается резко негативно (*old trout, blue hair, battleaxe*). В русском языке наблюдается аналогичная ситуация: молодость женщины оценивается фамиллярно-нейтрально (*чувиха, клюшка*), старость дегуманизируется (*корзина, плесень*). Мужской возраст в английском субстандарте описан беднее (107 СЛЕ), чем женский (217 СЛЕ), и менее негативно: старость оценивается амбивалентно (*old buffer, old pot*). В русском языке мужской возраст описан богаче (166 СЛЕ), чем женский (160 СЛЕ), и включает как уважительные (*батя, бессмертник*), так и уничижительные (*динозавр*) номинации. В отличие от женщины, старение мужчины не является сильной стигматизирующей характеристикой.

Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение» включает три ЛСГ: «Морально-нравственные устои», «Профессиональная деятельность» и «Финансовое положение». Количественное распределение представлено в Таблице 3.

Таблица 3. СЛЕ в ТГ «Социальная стратификация и этическое поведение»
(абс./%)

ЛСГ	Английский язык (жен.)	Русский язык (жен.)	Английский язык (муж.)	Русский язык (муж.)
Морально-нравственные устои	283 (81,3%)	290(82.15%)	121 (34,6%)	179 (46,6%)
Профессиональная деятельность	65 (18,7%)	63 (17.85%)	104 (29,7%)	107 (27,9%)
Финансовое положение	0	0	125 (35,7%)	98 (25,5%)

Как видно из таблицы, для женщины в обоих языках доминирует ЛСГ «Морально-нравственные устои» (81,3% в английском языке, 82,15% в русском языке), что отражает интенсивный моральный контроль над женским поведением. Для мужчины распределение более равномерно, причём в английском языке значительную долю занимает ЛСГ «Финансовое положение» (35,7%).

ЛСГ «Морально-нравственные устои» в обоих языках является самой многочисленной по номинациям женщины (283 СЛЕ в английском языке, 290 СЛЕ в русском языке), что говорит о пристальном контроле над женским поведением. Качественный анализ показывает, что женщина оценивается через бинарную оппозицию «добродетельная / порочная», причём порочная женщина (блудница, распутница, проститутка) получает множество уничижительных номинаций (*bit of mutton, cockatrice, alley cat, floozy, butterfly girl, кружевница, давалка, стритен-гёрл*). Все эти номинации имеют пометы «пренебр.», «презр.». Положительные номинации нравственной женщины в субстандарте отсутствуют, что подтверждает тезис о том, что субстандарт фиксирует прежде всего отклонения от нормы, а норма остаётся лексически не маркированной.

Для мужчины моральный контроль выражен слабее. В английском субстандарте (121 СЛЕ) мужчина стигматизируется за предательство (*rotten sheep*) и распущенность (*chamberer, clapster*). В русском субстандарте (179 СЛЕ) мужские номинации разнообразнее: *фуфло* (лгун), *бздёшник* (трус, лжец, агрессор, доносчик), *звонок* (пустозвон), *василёк* (гомосексуалист). СЛЕ *бздёшник* объединяет четыре разных негативных качества в одном слове: трусость, лживость, агрессию и доносительство, что свидетельствует о том, что в русском языковом сознании моральная несостоятельность мужчины воспринимается как комплексное явление.

Женские профессии в субстандарте английского и русского языков, отраженные в ЛСГ «**Профессиональная деятельность**», ограничены узким кругом «женских» сфер: в английском языке это офисный труд (*steno, hackette*), в русском – сфера образования (*репка, профа, амёба*). Мужские профессии представлены значительно шире и разнообразнее: в английском субстандарте – полицейские (*five-barred gate*), спортсмены (*jock*), военные (*ammo humper*); в русском языке – водители (*водила*), следователи (*следак*), начальники (*бугор*), повара (*ложкарь*). В отличие от женских номинаций, мужские профессиональные номинации редко несут уничижительную окраску, скорее, они фиксируют профессиональную идентичность.

В ЛСГ «**Финансовое положение**» обнаруживается самая яркая лакуна: в английском и русском субстандарте полностью отсутствуют номинации, описывающие финансовое положение женщины. В русском языке были обнаружены косвенные характеристики финансового положения женщины, которое описывается через связь с мужчиной (например, *спонсор* – о богатом мужчине, содержащем женщину). Для мужчины в обоих языках финансовое положение является важной категорией, богатство номинируется положительно или амбивалентно (*butter-and-egg man, briefcase, грач, бобёр, спонсор*), бедность – резко негативно (*shag-bag, abram cove, облезлый кот, нищоброд*). Это подтверждает стереотип о том, что настоящий мужчина обязан быть финансово

состоятельным, тогда как женщина не мыслится как самостоятельный финансовый агент.

Анализ метафорических переносов СЛЕ, отобранных из субстандартных лексикографических источников английского и русского языков, позволяет выделить метафорические модели, задействованные в образовании гендерно маркированных СЛЕ, а также выявить типологические различия между английским и русским языками. Результаты представлены в Таблице 4 (условные обозначения: +++ очень высокая, ++ высокая, + средняя, – низкая, 0 отсутствует).

Таблица 4. Продуктивность метафорических моделей

Метафорическая модель	Английский язык (жен.)	Русский язык (жен.)	Английский язык (муж.)	Русский язык (муж.)
Гастрономическая	+++	+	+	++
Зооморфная	++	++	++	++
Предметно-бытовая	+	+++	+	++
Техническая/инструментальная	–	++	++	++
Флористическая	–	+	–	+
Рифмованный сленг	+	0	+	0
Аффиксальная деривация	+	+++	+	+++
Эпонимическая	++	+	++	++

Как видно из таблицы, наиболее универсальной метафорической моделью является зооморфная метафора, которая демонстрирует высокую продуктивность (++) во всех четырёх категориях: животные используются как для положительных, так и для резко отрицательных номинаций, выступая инструментом дегуманизации. Гастрономическая метафора, напротив, обнаруживает ярко выраженную национально-гендерную специфику, в английском языке она имеет очень высокую продуктивность (+++) для номинаций женщины, что отражает системную объективацию женского образа через уподобление «аппетитной» пище (cheesecake, honey-bun); в русском языке

для женщины эта модель малоактивна (+), однако для мужчины она более продуктивна (++), мужчину часто называют кексом, анчоусом, пряником в шутивно-ласкательном ключе, что является специфически русской фамильярной традицией.

Предметно-бытовая метафора, напротив, наиболее характерна для русского языка, она имеет очень высокую продуктивность (++++) для номинаций женщины (кастрюля, тряпочка, витрина, вешалка) и высокую (++) для номинаций мужчины (башмак, батя, бугор), тогда как в английском языке её продуктивность лишь средняя (+). Это подчёркивает особую роль конкретно-бытовой сферы в русской субстандартной объективации. Техническая / инструментальная метафора в английском языке практически не используется для женщин (-), но активна для мужчин (++), где она подчёркивает профессионализм, мастерство или власть (cocksmith, ammo humper). В русском языке эта модель активна для обоих гендеров (++): для женщин она часто имеет уничижительный оттенок (станок, арматура), для мужчин – профессионально-оценочный (водила, следак) или уничижительный (тормоз, долото) оттенок.

Флористическая метафора в обоих языках малопродуктивна, однако в русском языке она встречается чаще (+) и обладает противоположной оценкой в зависимости от гендера, для женщины она ласкательная (бутон), для мужчины – уничижительная (василёк в значении «гомосексуалист»).

Рифмованный сленг является уникальной английской моделью (+), полностью отсутствующей в русском языке (0).

Аффиксальная деривация является ключевым типологическим отличием. В русском языке аффиксальная деривация имеет очень высокую продуктивность (++++) для обоих гендеров, позволяя с помощью суффиксов субъективной оценки (-к-, -ик-, -ючк-, -л-, -яг- и др.) передавать эмоциональные оттенки от ласкательности до уничижения (красючка, женатик, тряпочка, водила, бздёшник). В английском языке аффиксальная деривация в субстандарте представлена слабо (+), ограничиваясь единичными суффиксами -er, -ette, -let.

Эпонимическая метафора активнее прослеживается в английском языке (++), где она опирается на литературных, мифологических и масс-культурных персонажей (Don Juan, Sheba, Barbie); в русском языке её продуктивность средняя (+), причём эпонимы чаще заимствуются из массовой культуры (Ален Делон, динозавр), а не из классической литературы. Таким образом, русский субстандарт предпочитает предметно-бытовые образы и богатую аффиксальную оценочность, тогда как английский субстандарт – гастрономические, зооморфные и эпонимические метафоры, а также уникальный рифмованный сленг.

Таким образом, на основе исследуемого субстандартного лексического материала были выявлены универсальные гендерные асимметрии в субстандарте английского и русского языков (объективация женщины, стигматизация её сексуальности, поощрение мужской активности), а также национально-специфические различия: английский субстандарт детализирует женскую внешность и мужской характер, активно использует гастрономические метафоры и рифмованный сленг; русский субстандарт богаче номинациями мужской дружбы и возраста, опирается на предметно-бытовые метафоры и аффиксальную деривацию. Ключевыми лакунами являются отсутствие номинаций финансового положения женщины в обоих языках, что подтверждают, что женщина не мыслится как самостоятельный экономический субъект, а также отсутствие положительных номинаций жены в русском языке.

С целью выявления лингвокультурного компонента в СЛЕ с компонентами «мужчина» и «женщина» в третьей главе исследования представляется целесообразным проведение анализа их употребления в медийном дискурсе.

Выводы по Главе 2

Проведённое на базе субстандартных лексикографических источников исследование репрезентации гендерных отношений в субстандартной лексике английского и русского языков, позволило выявить как универсальные механизмы гендерной асимметрии, так и национально-специфические особенности, обусловленные различиями в культурных моделях, социальной истории и языковом устройстве.

На основе разработанной нами классификации, включающей три тематические группы (Гендерные и межличностные отношения, Атрибуты личности, Социальная стратификация и этическое поведение), было проанализировано 3422 СЛЕ в английском языке (1766 номинаций женщины и 1625 номинаций мужчины) и 3059 СЛЕ в русском языке (1451 номинация женщины и 1608 номинаций мужчины). Количественный анализ показал, что в английском субстандарте женские номинации преобладают над мужскими (51,6% против 47,5%), тогда как в русском языке, напротив, доминируют мужские номинации (52,6% против 47,4%). Это расхождение указывает на различную степень вербализации гендерных образов в обеих лингвокультурах.

Установлено, что тематическая группа «Атрибуты личности» является самой многочисленной в обоих языках как для женщины, так и для мужчины, что свидетельствует о высокой степени вербализации личностных характеристик в субстандартном лексиконе. При этом для женщины в обоих языках доминирует ЛСГ «Внешность» (46,3% в английском, 45,5% в русском), что подтверждает универсальный характер визуальной объективации женского образа. Для мужчины в английском языке доминирует ЛСГ «Характер» (40,6%), тогда как в русском языке распределение более равномерное, с заметной ролью ЛСГ «Возраст» (25,2%) и «Интеллект» (22,2%).

Выявлены следующие универсальные гендерные асимметрии, действующие в обоих языках: женщина объективируется через гастрономические, зооморфные и предметные метафоры, её сексуальность

стигматизируется, а старение оценивается резко негативно; мужчина оценивается по финансовой состоятельности, физической силе и моральным качествам, его сексуальная активность поощряется или амбивалентно высмеивается. Положительные номинации умной женщины отсутствуют в обоих языках, что является универсальной лакуной.

Национальная специфика проявляется в следующих различиях. Английский субстандарт более детализирован в описании женской внешности (436 СЛЕ против 270 СЛЕ) и мужского характера (375 СЛЕ против 192 СЛЕ), активно использует гастрономические метафоры и уникальный рифмованный сленг. Русский субстандарт, напротив, демонстрирует крайнюю негативность в номинациях жены (отсутствие положительных единиц), богатство ласкательных номинаций в сфере мужской дружбы, а также уникальные полисемантические лексемы (например, «бздёшник»), объединяющие комплекс моральных пороков.

Наиболее яркой лакуной является отсутствие номинаций финансового положения женщины в обоих языках, что свидетельствует о том, что женщина не мыслится как самостоятельный финансовый агент даже в субстандартном лексиконе. Дополнительной лакуной выступает отсутствие в русском субстандарте положительных номинаций жены.

Анализ метафорических моделей показал, что русский субстандарт предпочитает предметно-бытовые образы и богатую аффиксальную деривацию (суффиксы -к-, -ик-, -ючк-, -л-, -яг-), позволяющую передавать широкий спектр эмоциональных оттенков от ласкательности до уничижения. Английский субстандарт тяготеет к композиции, рифмованному сленгу, гастрономическим, зооморфным и эпонимическим метафорам.

Таким образом, субстандартная лексика английского и русского языков выступает как мощный инструмент конструирования, поддержания и трансляции патриархальных гендерных стереотипов, при этом сохраняя национально-специфические черты, обусловленные различиями в социальной истории, культурных приоритетах и структурно-семантическом устройстве английского и русского языков.

ГЛАВА III. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

В формировании общественных представлений о гендерных ролях ключевую роль играет медийный дискурс (G. Tuchman (1978), О.Б. Максимова (2004), Е.А. Бабенкова (2025), Е.А. Василькина, М.Н. Мишина (2025), А.А. Коваль (2022)). Специфическим, но малоизученным в отечественной лингвистике сегментом этого дискурса выступает стендап-комедия, которая представляет собой особый жанр юмористического медиадискурса, находящийся на пересечении массовой и межличностной коммуникации [Козова, Колесникова 2023: 35-41].

Как автобиографический по своей природе перформативный жанр, стендап неразрывно связан с дискуссиями об идентичности, неравенстве и социальной справедливости, а его тексты служат богатым материалом для исследования социальных репрезентаций [Бирюкова 2022: 502-506].

Е.А. Козлова и О.И. Колесникова (2023) характеризуют дискурсивную личность комика в стендапе как «сильную медиаличность», что предполагает наличие у него особых когнитивных способностей для эффективного управления смыслами и аудиторией. При этом успех коммуникации напрямую зависит от наличия общего пресуппозиционного фона между комиком и зрителями: юмористический эффект возникает лишь при условии, что используемые стереотипы и модели поведения являются разделяемыми и узнаваемыми для аудитории [Козова, Колесникова 2023: 35-41].

Е.Ю. Куницына и Р.И. Пегов отмечают; что социальная природа стендапа как субжанра медиадискурса заключается в том, что он способен выполнять функции социальной критики, формирования общественного мнения и даже эмоциональной терапии [Куницына, Пегов 2019: 150–165].

Значимым для лингвистического анализа является тезис К.Т. Утегеновой и Э.Б. Кажиахметовой о том, что стендап-комедия служит эффективной

платформой для социальной критики и формирования общественного мнения, где гендерные стереотипы выступают в качестве одного из ключевых инструментов создания комического эффекта [Утегенова, Кажиахметова 2025: 151–164].

Дж. Гилберт утверждает, что «не существует равных возможностей для юмора; какая-то группа или индивид всегда является его мишенью, особенно в маргинальном юморе» [Gilbert 1997: 317]. Данный теоретический посыл имеет особое значение при анализе механизмов конструирования и высмеивания гендерных образов.

В стендап-комедии, как одном из популярных жанров современного медийного пространства, субстандартная лексика, используемая для создания ярких и запоминающихся образов, становится инструментом для передачи стереотипов о мужчинах и женщинах.

Субстандартная лексика, используемая в стендапе, служит зеркалом социальных отношений, отражая, а иногда и формируя, стереотипы и предубеждения. Цель настоящей главы – определить, как в англоязычном и русскоязычном медиадискурсах конструируются образы «мужчины» и «женщины» с использованием субстандартной лексики, какие стереотипы транслируются и какие стратегии используются для этого.

3.1. Вербализация гендерных отношений в субстандартной лексике в англоязычном медийном дискурсе

Материалом для анализа послужили записи стендап-выступлений за 2023-2025 годы американских и британских комиков, выступающих в известных стендап-шоу «Saturday Night Live» (NBC), «Real Time with Bill Maher» (HBO), «Comedy Central Live» и «Live at the Apollo» (BBC Two/Dave). Всего проанализировано 87 выпусков общей продолжительностью 3680 минут.

В рамках настоящего исследования были отобраны СЛЕ, репрезентирующие образ мужчины и женщины в англоязычной лингвокультуре.

Однако, не все СЛЕ, отобранные на уровне субстандартных лексикографических источников, нашли своё отражение в медийном дискурсе английского языка. Приведём анализ наиболее актуальных лексем, зафиксированных в медийном дискурсе английского языка, которые были нами классифицированы в соответствии с представленной во второй главе настоящего исследования классификации на тематические и лексико-семантические группы.

3.1.1. Лингвокультурологические особенности репрезентации образа женщины в субстандартной лексике в англоязычном медийном дискурсе

I. Тематическая группа «Гендерные и сексуальные отношения».

1. Лексико-семантическая группа «Сексуальные отношения» – 91 СЛЕ.

Анализ выборки показал, что сексуальные отношения номинируются в стендап-монологах посредством обширного пласта субстандартной лексики, ранее зафиксированной нами в субстандартных лексикографических источниках. К таким СЛЕ относятся, например: *bop, school Bop, thottie, grippy, baddie / baddy, fuck bunny, side chick, fine shyt, sex bomb, slapper, floozy / floosie, nympho, tart, skank, slore, sex kitten* и другие. Также в выборке присутствуют СЛЕ, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта английского языка (например, *sack of sex potatoes, this tits and ass, milf, hawk tuah, gyatt, roasties*), что свидетельствует о высокой динамичности субстандартной лексики в сфере сексуальной номинации и его способности к языковой игре. Рассмотрим примеры:

«*A good woman should be a pie: sweet, filling, and easy to handle*». В данном выражении употребляется СЛЕ *a pie* в значении «пирог», зафиксированном на уровне лексикографических источников. СЛЕ является гастрономической метафорой, демонстрирует объективацию женщины и представляет её как объект потребления и желания. В контексте ЛСГ «Сексуальные отношения» предикативные прилагательные *sweet, filling, and easy to handle* приобретают определенные коннотации. Так, прилагательное *sweet* (*сладкая*) указывает на то, что женщина приятная, нежная, ласковая, не вызывающая конфликтов;

прилагательное *filling* (*насыщающая*) отсылает к сексуальному удовлетворению мужчины; прилагательное *easy to handle* (*легкая в обращении*) также добавляет дополнительную коннотацию СЛЕ: покладистая, готовая подчинится. В англоязычной лингвокультуре прослеживается гендерный стереотип, сводящий ценность женщины к её функциональности по отношению к мужчине, способности удовлетворять его потребности. Метафоризация подчёркивает пассивную роль женщины в отношениях с мужчиной. Использование СЛЕ *a pie* отражает патриархальные ценности, где мужчина рассматривается как активный субъект, а женщина – как пассивный.

«*Saw this woman in the pub last night, she was a proper **sex bomb**. All the blokes were lining up to buy her a drink. Turns out, she was the landlady, and they were queuing for last orders*». В рассматриваемом примере СЛЕ *sex bomb* употребляется в значении «секс-бомба», зафиксированном на уровне лексикографических источников, и используется для описания женщины, подчёркивая её сексуальную привлекательность. Периферийные лексические единицы *lining up to buy her a drink* указывают на привычный ритуал ухаживания в пабной культуре, где покупка напитка является стандартной прелюдией к флирту или сексуальному предложению. Глагол *lining up* (*выстраиваться в очередь*) гиперболизирует мужской интерес, превращая женщину в дефицитный объект. Однако, шутка строится на разрушении этого стереотипа: женщина оказывается не пассивным объектом вожделения, а хозяйкой паба (*landlady*), а мужчины стояли в очереди не за ней, а за последним заказом (*last orders*). Таким образом, СЛЕ *sex bomb* в первую очередь активизирует патриархальный фрейм, а затем его отменяет, высмеивая мужскую проекцию. В отличие от предыдущего примера, здесь представлена ироническая деконструкция объективации.

«*I take the stage, you show up, you get to look, and fair enough. But it is a nightmare for an intellectual like myself. ... as a woman of ideas, everything from the chin down feels beneath me. I don't know what else to say. Limbs and torso, there she goes. All a bit common. You know? The female form, this female form of mine, this sort of **sack of sex potatoes**, you know, **this tits and ass** that can't leave home without, oh,*

an explanation for». В приведенном примере употребляются 2 СЛЕ *sack of sex potatoes* и *this tits and ass*, которые не были зафиксированы на уровне лексикографических источников. В отличие от предыдущих примеров, где номинации подтверждали патриархатную модель гендерных отношений, данные СЛЕ представляют собой женскую рефлексивность от первого лица. Женщина-комик сознательно употребляет в речи оскорбительные штампы, номинирующие женщину, как бесформенный мешок с картошкой и набор эрогенных зон. Самоирония становится инструментом разоблачения гендерных стереотипов, когда женщина должна стыдиться своей телесности, так как в патриархальной культуре женская телесность сближается с низким социальным статусом (*as a woman of ideas, everything from the chin down feels beneath me*). Произнося данные СЛЕ о себе, комик не принимает их, а высмеивает, демонстрируя абсурдность такого мышления. Использование в речи феминистской языковой стратегии помогает переосмыслить женское тело и саму женщину.

Таким образом, проведенный анализ англоязычных СЛЕ, номинирующих лиц женского пола, употребленных в рамках медийного дискурса, демонстрирует неоднородность гендерных стереотипов, закреплённых в английском языке. Так, СЛЕ *a pie*, являясь гастрономической метафорой, воспроизводит патриархальную модель, в которой женщина – это пассивный, функциональный объект потребления. СЛЕ *sex bomb*, на первый взгляд, объективирует женщину через сексуальность. Однако, нарративный твист (женщина оказывается хозяйкой паба, а мужчины стоят в очереди за пивом) разрушает данный гендерный стереотип, высмеивая мужскую проекцию желания. Тем самым, субстандарт не закрепляет, а разоблачает патриархальные ожидания. СЛЕ *sack of sex potatoes, tits and ass* – уничижительные СЛЕ о женском теле, звучащие из уст самой женщины. Через самоиронию женщина пытается сломать устоявшийся стереотип, при котором женская телесность маркируется как что-то постыдное. Следовательно, язык одновременно является и инструментом воспроизводства гендерных стереотипов, и площадкой их переосмысления.

2. Лексико-семантическая группа «Супружеские отношения» – 64 СЛЕ.

Посредством СЛЕ данной ЛСГ женщина в супружеских отношениях номинируется через семантику ограничения, контроля или обузы. Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что супружеские отношения номинируются в стендап-монологам посредством лексем, зафиксированных в словарях: *old lady, the Mrs., the old woman, the anchor, the shackles, the boss, the warden, the head of the house, the commander, the sergeant, the dragon, the battle-axe* и др. Также в выборке присутствуют СЛЕ, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (например, *the Guv'nor, little woman, The Missus, henpecker, commander-in-chief, the old ball and chain*). Рассмотрим примеры.

«***My old lady*** and I celebrated our 10th anniversary. We went back to the same restaurant where we had our first date. She ordered the same thing she ordered 10 years ago. I told her: Honey, you haven't changed a bit». В анализируемом примере актуализируется СЛЕ *my old lady*, значение которой фиксируется в субстандартных лексикографических источниках как «жена» или «постоянная партнёрша». В контексте шутки данная номинация выступает как маркер фамильярно-пренебрежительной привязанности. Шутка строится на указании на неизменность поведенческих привычек женщины, что транслирует архаичный гендерный стереотип о женской ригидности. Языковая репрезентация не выходит за рамки патриархальной модели, но смягчена иронией.

«You know, I love my wife. I really do. But last week, I wanted to go fishing with the boys. Just one weekend. I pack my gear, I'm almost out the door, and she goes: 'Oh, honey, we need to paint the guest bedroom. And my mother's coming over on Sunday.' So, I didn't go fishing. I spent the whole weekend painting, listening to her mother complain about her bunions. Later, my buddy calls me: 'Hey, where were you?' I say: 'Sorry, man, ***the old ball and chain*** wouldn't let me out.' My wife overheard me. She didn't say a word. She just took my fishing rod and locked it in the trunk of her car. See? That's why they call it ball and chain. Because even when you're not moving, you can still feel it dragging behind you». В анализируемом примере актуализируется

СЛЕ *the old ball and chain*, ранее не закреплённая в субстандартных лексикографических источниках. Женщина (жена) представлена через ограничивающую функцию: она запрещает мужчине уехать на рыбалку, навязывает ему бытовую работу (покраска комнаты), приглашает свою мать, создавая дополнительный дискомфорт, а в конце символически «запирает» удочку мужа в багажнике, что метафорически равно лишению свободы. В шутке нет ни одной положительной характеристики женщины. Такая репрезентация закрепляет архаичную модель гендерных отношений, в которых мужчина предстает как несчастная жертва, вынужденная терпеть семейную жизнь, а женщина в этом контексте – оковы, ограничивающие свободу мужчины.

«*I am henpecked, I admit it. The Guv'nor tells me to jump, I ask how high? To her defence I can say she only henpecks because she loves me. It is a twisted form of love*». В рассматриваемом примере актуализируются субстандартные лексемы *henpecked* (муж-подкаблучник) и *the Guv'nor* (жена). СЛЕ *henpecked* фиксируется в субстандартных лексикографических источниках как номинация мужчины, который запугивается или подавляется женщиной, особенно женой или подругой. В медийном дискурсе зафиксировано употребление СЛЕ *the Guv'nor* в значении «жена»; в субстандартных словарях данная лексема в этом значении не зафиксирована. Использование *the Guv'nor* в анализируемом примере представляет собой метафорический перенос из сферы деловой иерархии («начальник», «босс») в сферу супружеских отношений. В отличие от предыдущего примера, где жена концептуализируется как бремя, здесь она выступает как активная доминирующая фигура, наделённая властью командира. Шутка воспроизводит стереотип о жене-командирше и муже-подкаблучнике, который традиционно высмеивает мужскую слабость. Однако комик не просто жалуется, а скорее признаёт свою роль, он не борется, а иронически подчиняется (*I ask how high?*), что придаёт образу мужа черты пассивного участника супружеских отношений.

Таким образом, проанализированные примеры показывают, что СЛЕ ЛСГ «Супружеские отношения» выполняет двойную функцию. С одной стороны, они

воспроизводят патриархальные стереотипы: жена – это либо обуза, либо надзиратель, либо командирша; брак – это потеря свободы; мужчина – жертва. С другой стороны, субстандарт становится инструментом комической самокритики: мужчина сознательно преувеличивает свою беспомощность, иронизирует над собственным подчинением и тем самым разоблачает абсурдность традиционной гендерной роли «главы семьи». Эта двойственность отражает переходное состояние современных гендерных отношений в англоязычной культуре: архаичные стереотипы продолжают существовать, но одновременно они становятся объектом иронии и рефлексии, что говорит о пересмотре традиционных гендерных ролей в современном обществе.

3. Лексико-семантическая группа «Дружеские отношения» – 38 СЛЕ. С помощью СЛЕ данной ЛСГ женщина в дружеских отношениях номинируется через семантику эмоциональной близости, поддержки, солидарности, ироническое подшучивание. Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что женские дружеские отношения номинируются в стендап-монологам посредством лексем, зафиксированных в словарях: *bestie, BFF (best friend forever), gal pal, homegirl, soul sister, ride or die, sister from another mister, friend, buddy, pal, mate, sidekick, confidante, partner in crime, main squeeze, girl, chick, sisterhood, squad, crew*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (*sister, wifey, therapist friend, mom friend, her tribe, frenemy*). Субстандартные лексемы подчёркивают следующие характеристики женщины в дружбе: эмоциональная близость, доверительность, готовность к поддержке, а также ироническая самокритика и высмеивание в кругу подруг. Рассмотрим примеры.

«Girls, we have to stop saying “patriarchy.” It’s dated, it’s annoying. And I’m gonna tell you why we have to stop saying “patriarchy.” You’ve literally never heard a woman say the word “patriarchy” and thought to yourself, “Oh, I can’t wait to hear what else she has to say.” So... we need better language. Some men are good men. It’s not the patriarchy. It’s bigger than that, sister». Анализируемый фрагмент содержит не зафиксированную в субстандартных лексикографических источниках СЛЕ

sister в значении «подруга». В данном контексте СЛЕ *sister* не является биологическим термином родства, а представляет собой субстандартный маркер феминистской солидарности.

«My bestie and I decided to start a podcast where we help people solve relationship issues. She said “Well I’m not sure if you are the right person for the job!” and laughed at me. We just started and she’s already roasted me. This is going to be a long journey». СЛЕ *bestie* (зафиксирована в субстандартных словарях) актуализируется в значении «лучшая подруга». Использование СЛЕ подчёркивает близкие, доверительные отношения. Однако, фраза «*she’s already roasted me*» («она меня уже достала») указывает на наличие иерархии в отношениях между подругами, где одна подруга подшучивает над другой. Юмор строится на самоиронии и готовности высмеивать себя в дружеской обстановке. Это создаёт эффект непосредственности и реалистичности. Дружеские высмеивания являются распространённой формой выражения привязанности и принятия в близких отношениях. Фраза «*This is going to be a long journey*» («это будет долгое путешествие») намекает на неизбежные трудности и конфликты, которые могут возникнуть при совместной работе, даже с лучшей подругой.

Таким образом, женская дружба акцентируется на эмоциональной близости и поддержке. Это отражает стереотипные представления о гендерных ролях, где мужчины воспринимаются как более рациональные и менее эмоциональные, а женщины – как более чувствительные и заботливые.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности».

1. **Лексико-семантическая группа «Внешность»** – 143 СЛЕ. Посредством субстандартных лексем данной ЛСГ женщина номинируется через оценочные характеристики внешности как позитивные (привлекательная, красивая), так и резко негативные (некрасивая, полная). Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что внешность номинируется в стендап-монологам посредством лексем, зафиксированных в словарях: *dolly-bird, cow, barge, dog, horse, pig, whale, butterface, beast, monster, crone, hag, witch, fox, bombshell, stunner, knockout, looker, eye candy, arm candy*.

Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (*big boobs, vibe, thicc, heffer, bebot, aura, clean girl*). Субстандартные лексемы подчёркивают следующие характеристики женщины: подверженность давлению стандартов красоты, переживания по поводу внешности, а также способность к самоиронии и критике навязываемых идеалов. Рассмотрим примеры.

«*She walked in, and everyone just stopped. I'm talking dolly-bird. You know, the kind of woman who looks like she walked straight out of a black-and-white movie and then ordered a double cheeseburger with extra fries*». В анализируемом стендап-фрагменте встречается СЛЕ *dolly-bird*, значение которой в субстандартных лексикографических источниках определяется как «очень красивая, привлекательная девушка». Шутка строится на контрасте между идеализированным образом *dolly-bird* и её вполне обычным поступком – заказом фастфуда. СЛЕ подчёркивает, что даже очень красивые женщины могут иметь вполне земные желания и потребности.

«*I was speed-dating last night, and sat next to the ugliest cow. After that, it can all only get better*». Согласно словарям субстандартной лексики, СЛЕ *cow* означает очень некрасивая женщина. Данное значение полностью реализуется в анализируемом контексте, где оскорбление усиливается превосходной степенью *ugliest*. Сравнение женщины с животным объективирует и обезчеловечивает женщину. В современном стендапе такие выражения часто используются с ироничной коннотацией.

«*My bro used to say, 'She's a right... barge, that one!' And I'd be like, 'Dude, it's 2024! We don't talk like that anymore. She's a person, with feelings and dreams, who happens to occupy more space than you're comfortable with!'* В анализируемом контексте СЛЕ *barge* употребляется в значении – полная женщина зафиксированном на уровне лексикографических источников. Пример демонстрирует осуждение бодишейминга и устаревших взглядов на внешность. Комик демонстрирует эмпатию, акцентирует внимание на том, что за внешностью женщины скрывается личность с чувствами и мечтами.

«*What I don't get is the societal idea that all women need big **boobs**, I have friends who struggle everyday just to be confident*». В данном примере зафиксирована СЛЕ *big boobs* в значении *большая грудь*. СЛЕ не была зафиксирована на уровне субстандартных лексикографических источников. Комик критикует навязываемые обществом стандарты красоты, в частности, акцент на большой груди, подчёркивая психологическое воздействие стандартов красоты на самооценку женщины. Рассматриваемый пример отражает проблему гендерного неравенства, где женщины больше, чем мужчины, подвергаются давлению в отношении внешности.

Таким образом, примеры высказываний, содержащие субстандартные лексические единицы, относящиеся к данной ЛСГ, демонстрируют, что в английском языке субстандартная лексика, описывающая внешность женщины, часто несёт в себе оценочный характер, причём как позитивный, так и негативный. В женских номинациях (например: *dolly-bird, cow, barg*», «*big boobs*») акцент делается на физической привлекательности, часто с критикой навязываемых обществом стандартов красоты и осуждением бодишейминга. Анализ показал, что современный язык и юмор часто используются как инструменты для критики гендерных стереотипов. Комики стремятся подчеркнуть, что за внешностью женщины скрывается личность с чувствами, мечтами и индивидуальностью. Это свидетельствует о постепенном изменении общественного сознания в сторону большей толерантности и эмпатии.

2. Лексико-семантическая группа «Характер» – 125 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют женщину преимущественно через отрицательные черты характера – эмоциональную нестабильность, болтливость, коварство, сварливость, а также через стереотипное восприятие женской иррациональности. Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что черты характера номинируются в стендап-монологам посредством лексем, зафиксированных в словарях: *bitch, nag, witch, dragon, battle-axe, harpy, shrew, termagant, virago, fishwife, gossip, blabbermouth, drama queen, headcase, loony, psycho, flake, airhead,*

bimbo, ditz, gold digger, maneater, cock-tease, frigid, prude, goody-goody, doormat, pushover, control freak, bossy, hysterical, irrational, catty, two-faced, snake in the grass. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (например, *pick-me girl, girlboss, tradwife, Karen, Jessica, hot mess express, chaos demon*). Для женщины характерна стереотипная привязка к эмоционально-оценочным ярлыкам, позитивные номинации (ум, сила, независимость) встречаются редко и часто ироничны. Положительные номинации женщин (*sweetheart, angel, gem*) указывают на внешность и удобство для окружающих. Это подтверждает тезис о том, что субстандарт закрепляет гендерные стереотипы, согласно которым «хорошая женщина» – та, которая не доставляет хлопот. Рассмотрим примеры.

«*She was a **hell-cat**, always causing trouble. Turns out, she was just standing up for herself in a world that kept trying to silence her. Maybe we should call her a hero instead*». В процитированном отрывке отмечена СЛЕ *hell-cat* в значении *бунтарка, вздорная женщина*. Лексема зафиксирована в субстандартных словарях, но её употребление в медийном дискурсе имеет иную коннотацию. В высказывании прослеживается явное переосмысление негативного стереотипа о вздорной, вспыльчивой женщине, комик критикует патриархальное общество, в котором женщина, отстаивающая свои права, может быть заклеена как «проблемная». Автор монолога заменяет негативное *hell-cat* на позитивное *hero*, что подчёркивает важность смелости и борьбы женщины за свои права.

«*I went on a date with this **woke warrior**, and after 15 minutes she gave me 20 things I was doing wrong with the world. Then I paid and went home*». В рассматриваемом примере зафиксирована СЛЕ *woke warrior* в значении *активистка, борющаяся за социальную справедливость*. Данная СЛЕ не была выявлена на уровне субстандартных лексикографических источников. В рамках высказывания женщина представлена навязчивой и критикующей других. Шутка строится на разочаровании говорящего, который ожидал приятного свидания, а получил лекцию о том, что он делает неправильно. Можно предположить, что комик не обязательно критикует саму идею борьбы женщины

за социальную справедливость, а скорее высмеивает её чрезмерное и навязчивое проявление.

«*Women who are sarcastic bitches are fun, its another way of being a sassy and a good friend*». В анализируемом примере зафиксирована СЛЕ *sarcastic bitch* в значении *стерва*, имеющем негативную коннотацию. Тем не менее, выступающим предпринимается попытка придать позитивное значение данной СЛЕ, связав ее с сарказмом, дерзостью и дружбой. Приведённый фрагмент бросает вызов традиционным представлениям о женственности, где женщине предписывается быть мягкой и уступчивой.

Примеры, рассмотренные в ЛСГ «Характер», демонстрируют, что субстандартная лексика, описывающая характер женщины, часто несёт в себе оценочные характеристики, причём как отрицательные, так и положительные. В женских номинациях (*hell-cat, woke warrior, sarcastic bitch*) акцент делается на переосмыслении традиционных стереотипов о женском характере. Например, СЛЕ *hell-cat* из негативного ярлыка превращается в характеристику сильной женщины, борющейся за свои права, а СЛЕ *sarcastic bitch* переосмысливается как проявление дерзости и дружелюбия. Это указывает на тенденцию к переоценке гендерных стереотипов и критике патриархальных взглядов.

3. Лексико-семантическая группа «Возраст» – 112 СЛЕ. В рамках данной ЛСГ субстандартные лексемы номинируют женщину в зависимости от возрастной группы от нейтрально-фамильярных обозначений молодых девушек до резко уничижительных и дегуманизирующих номинаций пожилых женщин. Анализ выборки субстандартных лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что возраст номинируется в стендап-монологам посредством лексем, зафиксированных в словарях: *gal, bird, chick, girlie, biddy, old biddy, old bag, hag, crone, witch, old hen, battle-axe, old bat, old boiler, granny, grandma, old woman, old lady, old dear, matron*. Вместе с тем, в выборке были обнаружены лексемы, отсутствующие в субстандартных лексикографических источниках (например, *yummy mummy, lass, Trixie, gammer*). СЛЕ подчёркивают характеристики женщины, в которых отражается прямая корреляция возраста и

степени негативной оценочности. В качестве иллюстрации приведём несколько примеров.

«*He was trying to impress all the lasses at the pub, with no avail. She just wants to be loved*». В этом отрывке встречается СЛЕ *lass* в значении «девушка, молодая женщина». В субстандартных лексикографических источниках данная единица не отмечена. Рассматриваемый пример затрагивает гендерные стереотипы о поведении молодых мужчин и женщин в контексте знакомства. Мужчина пытается произвести впечатление, а женщина ищет любви. СЛЕ *lass* указывает на лёгкую объективацию женщин, как на объект для привлечения внимания.

«*I try to be a yummy mummy, but I always look like I've been dragged through a hedge backward. Then I realized you don't need to look good to be a good mum*». Анализируемый фрагмент содержит СЛЕ *yummy mummy* в значении «привлекательная женщина средних лет». В словарях субстандарта лексема не отмечена. В данном высказывании критикуется идеализированный образ женщины, которому она должна соответствовать после рождения детей. Автор шуток иронично относится к своей собственной попытке соответствовать этому образу и приходит к выводу, что главное – быть хорошей мамой, а не хорошо выглядеть. СЛЕ, используемая для описания матери как привлекательной, ставит под сомнение традиционные представления о материнстве, где на первый план выходят забота и самоотверженность, а не внешность.

«*I was at the bus stop the other day, and this woman starts complaining about the weather. Then about the bus being late. Then about the youth of today. She went on for ten minutes non-stop. I turned to the guy next to me and said: Bloody hell, she's a bit of an old bag, isn't she? He looked at me and said: That's my wife. I said: Oh, I'm sorry. What's her return policy*»? В этом высказывании используется СЛЕ *old bag*, которая в субстандартных словарях определяется как «пожилая женщина». В данном примере СЛЕ *old bag* используется комиком для публичной, негативной оценки женщины, которая жалуется на погоду, на опоздание автобуса, на молодёжь. Её речевое поведение (беспрерывное ворчание) рассматривается как что-то неприятное. Выступающий ищет солидарности у другого мужчины (*isn't*

she?), типичный для мужского общения акт вербального поведения через совместное высмеивание женщины. Но женщина оказывается женой собеседника, такой поворот ситуации создаёт комический эффект неловкости. Финальная реплика «*What's her return policy?*» закрепляет объективирующую семантику: женщина уподобляется бракованному товару, от которого стремятся избавиться.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Возраст», репрезентирующие лиц женского пола, в англоязычном медийном дискурсе демонстрируют прямую корреляцию между возрастом женщины и степенью негативной оценочности: чем старше возраст, тем более уничижительными и дегуманизирующими становятся субстандартные номинации (от нейтрально-фамильярного до агрессивно-объективирующего). Такая возрастная градация отражает глубинные культурные стереотипы, согласно которым ценность женщины убывает по мере утраты ею репродуктивных и сексуальных функций. Языковой стигматизации подвергается категория «пожилая женщина», что говорит о конвергенции эйджизма и гендерной асимметрии в субстандартных номинациях.

4. Лексико-семантическая группа «Интеллект» – 128 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют женщину преимущественно через семантику когнитивной недостаточности – глупость, рассеянность, легкомыслие, неспособность к логическому мышлению. Рассмотрение лексического материала англоязычного медийного дискурса свидетельствует о том, что интеллектуальные способности номинируются в стендап-монологам посредством лексем, зафиксированных в словарях: *silly moo, dumb blonde, Dumb Dora, valley girl, bimbo, wilma, scatterbrain, numpty, muppet, plank, ditzy, fluffy, dumwich, framedate, daphne*. Наряду со словарно зафиксированными СЛЕ, в выборке встречаются лексемы, не отмеченные в субстандартных словарях (например, *fucking dumb, pregnancy brain, delulu, pick-me girl, tradwife, NPC brain*). Субстандартные лексемы подчёркивают следующие характеристики женщины: стереотипная привязка к ярлыкам «глупая», «рассеянная», «легкомысленная», эти номинации могут как закреплять

дискриминацию, так и использоваться женщинами для самоиронии и разрушения стереотипов. Положительные номинации женского интеллекта не были зафиксированы в медийном дискурсе, что указывает на общее обесценивание женских когнитивных способностей. Рассмотрим примеры.

«*She forgot her phone, keys, and wallet when we were going out for diner, what a silly mo*». В приведённом высказывании отмечена СЛЕ *silly mo* в значении *глупая женщина*. В субстандартных словарях данная СЛЕ имеет пренебрежительную отрицательную оценку. Однако в примере присутствует лёгкий, добродушный упрёк в сторону женщины за рассеянность, подчёркивается несерьёзность ситуации и отсутствие негативных последствий, что позволяет воспринимать рассеянность как милую особенность характера.

«*When you have a baby, as a woman, you become... How do I put this scientifically? Um, fuckin dumb. Now, you were reserved in your laughter. You were reticent to laugh because we're not supposed to make fun of mothers. Who here's a mother? Raise your hand. Yeah*». Рассматриваемый фрагмент демонстрирует использование СЛЕ *fuckin dumb* в значении, зафиксированном на уровне субстандартных лексикографических источников – *глупая женщина*. Женщина-комик («as a woman») сознательно воспроизводит уничижительный стереотип о «глупости матерей», но не оскорбляет женщин, а наоборот использует самоиронию, чтобы нарушить табу на высмеивание женщин. Комик замечает, что аудитория сдерживает смех («you were reserved in your laughter»), и объясняет это социальным запретом («we're not supposed to make fun of mothers»). Затем она провокационно просит поднять руки тех, кто является матерью («Who here's a mother? Raise your hand. Yeah»). Этот жест превращает шутку из простого оскорбления в акт солидарности с матерями в зале: комик говорит от их лица и о себе, а не о «других». Называя себя и других матерей СЛЕ *fuckin dumb*, комик доводит стереотип до абсурда, заставляя аудиторию осознать его нелепость. Это классический приём феминистского стендапа: присвоение уничижительного ярлыка с целью его обезвреживания.

«*People always assume I'm a ditzy blonde because of my hair, but I have never been anything else. It is so annoying*». В рассматриваемом примере выявлена СЛЕ *ditzy blonde* в значении, зафиксированном в субстандартных лексикографических источниках, – *глупая женщина*. Однако, в приведённом примере разрушается стереотип о блондинках как о глупых и легкомысленных, показывая, что внешность может быть обманчива. Комик иронизирует над тем, что ее постоянно считают *ditzy blonde*, даже при том, что она такой не является. Женщина может быть любой с любым цветом волос, разрушая гендерные стереотипы.

Таким образом, примеры, рассмотренные в данной группе, демонстрируют, что субстандартная лексика, связанная с интеллектом женщины, часто носит оценочный характер и может быть как негативной, так и позитивной. В женских номинациях (*silly moo, fucking dumb, ditzy blonde*) подчёркиваются стереотипы, связанные с глупостью и рассеянностью женщин. Однако, в современных контекстах эти стереотипы подвергаются критике и переосмыслению. Например, *silly moo* используется в добродушном ключе, подчёркивая, что рассеянность может быть милой чертой, а *ditzy blonde* разрушает стереотип о глупости блондинок, показывая, что внешность не определяет интеллект. Пример с *fucking dumb* затрагивает табуированную тему влияния материнства на когнитивные способности женщины, что свидетельствует о готовности обсуждать сложные и социально значимые вопросы.

3. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение».

1. Лексико-семантическая группа «Профессиональная деятельность» – 10 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют женщину в профессиональной сфере, однако незначительное количество выявленных субстандартных лексем может свидетельствовать о том, что упоминание о профессиональной деятельности чаще ассоциируется с мужчинами, что отражает гендерные стереотипы, связанные с разделением ролей в обществе. Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что профессиональная деятельность номинируется в стендап-монологам

посредством лексем, зафиксированных в словарях: *career woman, office lady, boss lady, girlboss, working mum, breadwinner, tradwife, sugar baby*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (например, *Boss Babe, handywoman*). Для женщины характерно гипертрофированное стремление к карьере, которое высмеивается как «неженственное», а также присвоение и переопределение традиционно мужских профессиональных ролей с ироническим подтекстом. Рассмотрим примеры.

*«I saw this ad the other day: Become **a Boss Babe** – work from your phone, make six figures, fire your boss! And I thought: wow, I can be a boss and a babe? Sign me up! So, I bought the course. Turns out, being a Boss Babe means: waking up at 5 AM, filming myself drinking green smoothies, and posting 'hustle culture' quotes on Instagram while ignoring my kids. My five-year-old asked me: 'Mummy, why are you always on your phone? I said: Because I'm a Boss Babe, honey. She said: So, you're a boss who wears pajamas and hasn't showered in two days? I said: Exactly. Now go away, I'm manifesting abundance».* Приведённый пример содержит СЛЕ *Boss Babe* в значении *женщина-предприниматель*. В субстандартных лексикографических источниках данная СЛЕ не выявлена, однако внутренняя форма лексемы и контекст позволяют определить её как номинацию женщины. Так, СЛЕ образована по модели «социальный статус (*Boss*) + гендерно-маркированное обращение (*Babe*)». Компонент *Boss* указывает на профессиональную деятельность, *Babe* – на принадлежность к женщинам (сленговое обращение к привлекательной женщине). Также из контекста словосочетания (*work from your phone, make six figures, fire your boss!*) связывают *Boss Babe* с профессиональной сферой. Местоимения (*I, my, she*) и обращение *Mummy* указывают на женщину как референта. Комик-женщина, используя в своей речи СЛЕ *Boss Babe*, наполняет её дополнительными коннотациями (ранние подъёмы, смузи, невымытые волосы). А игнорирование детей и бытовая неопрятность (*hasn't showered in two days*) показывают, что «успешная женщина-предприниматель» платит за свой статус личными и семейными жертвами. Далее, через диалог с дочерью, автор шутки доводит женский образ до абсурда («босс в пижаме»).

Женщина *Boss Babe* из привлекательного объекта превращается в объект насмешки.

«I told my husband I want to be a handywoman. He laughed and said: But you can't even change a light bulb. I said: That's the point. I'll show up, look at the problem, say "hmm, that's serious", then call a real handyman and charge the client triple. So now I'm a handywoman. My first job? A leaking tap. I stood there for ten minutes, took a photo, posted it on my blog with the caption "saving the world, one drip at a time", and then called Dave. Dave fixed it in five minutes. I charged the lady \$300. She asked: What did you actually do? I said: Emotional support and project management, sweetheart. That'll be extra». В указанном фрагменте зафиксирована СЛЕ *handywoman* в значении *женщина-мастер на все руки*. СЛЕ *handywoman* противопоставляется традиционному *handyman* (мастер на все руки). В английской лингвокультуре *handyman* ассоциируется с мужским физическим трудом. Женщина-комик присваивает эту номинацию себе, но переопределяет её: *handywoman* становится не та, кто чинит, а та, кто управляет процессом (*took a photo, posted it, call a real handyman, charge the client triple*), что пародирует современные «женские» профессии (коучинги, инфобизнес).

Таким образом, СЛЕ в рамках ЛСГ «Профессиональная деятельность» воспроизводят женские номинации, а также их присваивают и переопределяют, высмеивая как архаичные (*handywoman*), так и современные (*Boss Babe*) гендерные ожидания. Это свидетельствует о том, что сфера профессиональной деятельности воспринимается самими женщинами как пространство идеологической борьбы, где культурные ярлыки могут быть не только орудием стигматизации, но и инструментом критики и эмансипации.

2. Лексико-семантическая группа «Финансовый статус» – 22 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют женщину через призму её финансового положения – от богатой наследницы до женщины с ограниченными средствами. Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что финансовый статус номинируется в стендап-монологам посредством лексем, зафиксированных в

словарях: *trust fund baby, rich bitch, sugar baby, kept woman, trophy wife, welfare queen, penny pincher, scrounger, mooch, high roller, fat cat, loaded lady, cash cow, moneybags, poor thing, down and out*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта: *bougie bitch, broke girl*. Рассмотрим примеры.

«*She is **a trust fund baby**, when she goes on holiday, she takes her own butler*».

Материал выборки фиксирует СЛЕ *trust fund baby* в значении *женщина из богатой семьи*, живущая на доходы от трастового фонда. Комик высмеивает привилегированное положение девушки, которая живёт на доходы от трастового фонда и не знает нужды. Подчёркивается абсурдность её привычек, таких как наличие личного дворцового даже в отпуске.

«*My friend is a **total sugar baby**. She doesn't work, but she drives a Mercedes and lives in a penthouse. I asked her: 'What do you actually do?' She said: 'I listen. I smile. And I pretend his jokes are funny. That's not a job; that's a masterclass in acting*».

В анализируемом фрагменте актуализируется СЛЕ *sugar baby*, зафиксированная в субстандартных словарях в значении «*женщина, получающая материальное содержание от богатого покровителя*». Комик иронизирует над этой моделью отношений, сводя «работу» женщины к эмоциональному труду (*listen, smile, pretend*). Шутка обнажает гендерную асимметрию, где мужчина платит за иллюзию привлекательности и остроумия, а женщина продаёт свою аутентичность.

«*I tried to be a **gold digger** once. I went to a fancy bar, found the richest-looking guy, and said: 'Buy me a drink?' He said: 'Sure, but you have to listen to me talk about my crypto portfolio for an hour.' I said: 'Never mind. I'd rather be broke.' So now I'm a broke bitch, but at least I don't know what a blockchain is*». В этом высказывании используются две СЛЕ: *gold digger* (зафиксирована в словарях как «*женщина, вступающая в отношения ради денег*») и *broke bitch* (разговорное, часто ироничное самообозначение женщины без денег). Комик сознательно присваивает оба ярлыка, чтобы высмеять стереотип о «меркантильной

женщине». Отказ от роли *gold digger* в обмен на свободу от скучного разговора о криптовалюте превращает *broke bitch* в позицию достоинства, а не стигмы.

3. Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои» – 64 СЛЕ. Рассмотрим примеры.

«*She is such a goody two-shoes. When you ask her to do something for you, she does not do it. And does not listen to you ever*». В приведённом монологе зафиксирована СЛЕ *goody two-shoes* в значении *слишком правильная женщина*, часто с негативной оценкой. В примере выражается неприятие чрезмерной правильности и добропорядочности, которое может восприниматься как лицемерие или высокомерие. Шутка строится на противоречии ожиданий: обычно паиньки должны быть готовы помочь и слушать, но в данном случае героиня проявляет упрямство и непослушание.

«*It is weird when girls become gold diggers, what happened to love*». СЛЕ *gold digger* отмечена в субстандартных словарях со значением «*женщина, вступающая в отношения с мужчинами ради материальной выгоды*». Комик критикует меркантильность и корыстность женщины и выражает сожаление об утрате идеалов любви и искренности, тем самым укрепляя стереотип о женщинах, стремящихся к материальному благополучию за счёт мужчин.

Таким образом, субстандартная лексика, связанная с морально-нравственными устоями женщины, носит негативную оценку. В случае с женскими номинациями (*goody two-shoes, gold digger*) акцент делается на критике поведения, которое воспринимается как лицемерие, чрезмерная правильность или меркантильность. Эти примеры отражают стереотипы о женщинах как о носительницах моральных норм, которые, однако, могут нарушаться в реальной жизни.

Сопоставление выявленных в медийном дискурсе СЛЕ с данными лексикографических источников демонстрирует сложное взаимодействие между узуальной нормой и окказионализмами. С одной стороны, большинство СЛЕ имеют словарную фиксацию, что подтверждает стабильность ядерных гендерных стереотипов: женщина в англоязычном субстандарте традиционно

осмысляется через внешность (*dolly-bird, cow, barge*), возраст (*old bag, hag*), сексуальную доступность (*slut, nympho, sex bomb*) и морально-нравственное поведение. С другой стороны, в каждой ЛСГ присутствуют СЛЕ, отсутствующие в анализируемых субстандартных словарях английского языка, что может указывать на активные семантические и прагматические сдвиги. Анализ незафиксированных СЛЕ позволяет выделить три основные причины их появления: 1) интернет-неологизмы и мемы; 2) контекстуальные окказионализмы; 3) метафорические переносы.

Таким образом, в медийном дискурсе посредством СЛЕ женщина репрезентируется как объект сексуального потребления (*pie, sex bomb, sack of sex potatoes*); обуза, ограничивающая свободу мужчины (*ball and chain, anchor, warden*); глупая, рассеянная, легкомысленная (*bimbo, airhead, silly moo*); пожилая женщина становится объектом насмешки (*old bag, hag, crone*), а успешная женщина – либо «неженственная» карьеристка, либо лицемерная активистка.

3.1.2. Лингвокультурологические особенности репрезентации образа мужчины в субстандартной лексике в англоязычном медийном дискурсе

Исследование репрезентации мужчины в субстандартной лексике в англоязычном медийном дискурсе (на примере стендапа) обнаруживает иную, по сравнению с женскими номинациями, систему оценочных характеристик. Если в субстандартной лексике образ женщины нередко сводится к телесности, возрастным маркерам и зависимости от мужчины, то мужчина оценивается, прежде всего, по его социальному положению, способности зарабатывать, доминировать в отношениях и демонстрировать гетеросексуальную активность. Настоящий раздел параграфа посвящён анализу субстандартных лексических единиц, репрезентирующих мужчину в медийном дискурсе английского языка.

I. Тематическая группа «Гендерные и сексуальные отношения».

1. Лексико-семантическая группа «Сексуальные отношения» – 42 СЛЕ.
Субстандартные лексемы, репрезентирующие мужчину в контексте сексуальных

и романтических отношений, фокусируются на двух полярных оценках: соответствие маскулинной норме (активность, инициативность, «неванильность») и её нарушения (пассивность, чрезмерная уступчивость, финансовая эксплуатация). Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации в данной сфере представлены лексемами, зафиксированными в словарях: *player, fuckboy, womanizer, Casanova, Don Juan, stud, alpha, cuck, nice guy, white knight, orbiter, cuddle buddy, dead fish, pillow princess, dominantf*. Также в выборке присутствуют СЛЕ, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (например, *vanilla, simp*). СЛЕ указывают на то, что мужчина должен быть сексуально инициативным, опытным, эмоционально сдержанным, его ценность измеряется количеством партнёрш и способностью доминировать. Несоответствие этой норме (пассивность, романтическая сентиментальность, чрезмерная щедрость без взаимности) стигматизируются через лексемы *vanilla, simp, cuck, nice guy*. Обратимся к примерам.

«*My ex called me vanilla. I guess that's fair. I like Netflix and cuddle. She said, 'You're more thrilling than watching paint dry*». В данном контексте СЛЕ *vanilla*, не зафиксированная в субстандартных словарях, реализует значение скучный, предсказуемый мужчина. Номинация используется для описания мужчины, который не соответствует представлению о сексуально привлекательном партнёре. Выражение *I like Netflix and cuddle* обыгрывает устойчивое выражение *Netflix and chill*, где *chill* кодирует сексуальное предложение. Замена *chill* на *cuddle* (обниматься) сознательно десексуализирует интимность, представляя её как платоническую, детскую, нежную, что в нормативной маскулинной культуре часто воспринимается как мужской недостаток. Так как традиционная гендерная роль предписывает мужчине быть активным, то СЛЕ *vanilla* в данном контексте является маркером несостоятельности мужчины.

«*My cousin is dating this baddie, always posting on her blog, expensive bags, designer clothes... And he, this absolute simp, is paying for it all. I mean, I get it, she's gorgeous, but he's practically funding her lifestyle. I told him, 'Dude, at least make*

her take out the trash once in a while»! В рассматриваемом примере зафиксирована уничижительная СЛЕ *simp* в значении мужчина, который чрезмерно угождает женщине, тратит на неё ресурсы (деньги, внимание, время) без взаимности или в ущерб себе, часто в надежде на сексуальное или романтическое вознаграждение. Мужчина сведён к функции финансирования (paying for it all), его собственная личность и потребности игнорируются. Автор шутки не предлагает мужчине уйти и выстроить равные отношения с другой женщиной, он предлагает символический жест (take out the trash), который должен восстановить справедливость. Шутка закрепляет стереотип о «мужчине-жертве» женского меркантилизма, но одновременно высмеивает абсурдность такой модели, где мужчина сам выбирает свою роль.

*«He thinks he's such a player, texting ten girls at once. But last week, he got ghosted by three of them, and he cried in my car listening to Adele. That's not a **player**, that's a **fuckboy** with feelings».* В данном фрагменте актуализируются две СЛЕ: *player* как мужчина, имеющий множество сексуальных партнёров и *fuckboy* – уничижительное обозначение мужчины, который использует женщин для секса без эмоциональной вовлечённости. Комик иронически развенчивает образ *player*: успешный ловелас оказывается эмоционально уязвимым (cried listening to Adele). СЛЕ *fuckboy* здесь приобретает дополнительную коннотацию: не просто эксплуататор, а незрелый, неумелый манипулятор. Шутка высмеивает маскулинный культ «победителя» и обнажает его обратную сторону – одиночество и эмоциональную уязвимость.

Анализ СЛЕ, репрезентирующих мужчину в ЛСГ «Сексуальные отношения», показывает, что субстандарт закрепляет традиционную маскулинную норму (активность, доминирование, эмоциональная сдержанность, инструментальное отношение к сексу) и стигматизирует её нарушения. мужские номинации оценивают поведенческие стратегии и их соответствие инструментальной логике (получить максимум сексуального вознаграждения при минимуме эмоциональных и финансовых затрат). Однако современный стендап (особенно женский) использует эти лексемы для иронической

деконструкции маскулинной нормы. Это свидетельствует о постепенном размывании традиционных представлений о «настоящем мужчине» и о растущей рефлексии над токсичными аспектами маскулинности.

2. Лексико-семантическая группа «Супружеские отношения» – 41 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужчину в супружеских отношениях через призму отказа от традиционной роли «кормильца и главы семьи». Как показывает анализ СЛЕ, извлечённых из англоязычного медийного дискурса, мужские номинации включают словарно закреплённые единицы: *stay-at-home dad, trophy husband, kept man, breadwinner, henpecked, whipped, under the thumb* и др. Также в выборке присутствуют СЛЕ, ранее не зафиксированные в субстандартных словарях: *house husband, my king, Mr. Mom*. В отличие от женских номинаций, где женщина часто сводится к функции ограничителя или обузы, мужские номинации сфокусированы на переосмыслении традиционной роли, ироническом принятии «не-маскулинных» обязанностей и критике патриархальных ожиданий. Рассмотрим примеры.

«*I'm a house husband. My boss, bless her heart, works 60 hours a week. She brings home the bacon, and I try not to burn it. I'm pretty sure she thinks I'm secretly watching daytime TV and eating bonbons, but I'm actually learning how to code. Don't tell her, I want to surprise her with an app that tells her where she left her phone*». В рассматриваемом примере зафиксированы 2 СЛЕ: СЛЕ *a house husband* со значением – муж, занимающийся домашним хозяйством и СЛЕ *my boss* – жена, руководящая в семье. Использование СЛЕ *house husband* отражает перемены в традиционных гендерных ролях. Данный пример подчёркивает, что мужчина может быть главным домохозяйном, а женщина – зарабатывать деньги. Юмор строится на иронии. Мужчина выполняет обязанности, традиционно приписываемые женщине. Анализируемый пример иллюстрирует современные семейные отношения, в которых супруги разделяют обязанности и поддерживают друг друга.

«*The internet would have you believe you're not enough, and that you're not worthy, and that a real man wants a woman who's nervous, no opinions of her own.*

Flatfoot, barefoot in a kitchen, referring to her husband as my king». В рассматриваемом примере зафиксирована СЛЕ *my king* – обращение женщины к мужу. Возведение мужа в ранг монарха можно расценивать как акт подчинения, фиксирующего асимметрию власти внутри брака. В отличие от нейтрального *my husband*, СЛЕ *my king* маркирует добровольное самоуничижение жены, её готовность служить. В современном языке данная СЛЕ часто используется иронически (например, в феминистских кругах). Выражение *flatfoot, barefoot in a kitchen* кодирует традиционные гендерные отношения, в которых женщина – домашняя, не работающая, обслуживающая мужчину. Добавление лексической единицы *flatfoot* гиперболизирует физическую непривлекательность и отсутствие ухода женщины за собой. Жена предстаёт не как сексуальный объект, а как инструмент обслуживания.

Таким образом, в анализируемых примерах прослеживается тенденция к переосмыслению традиционных гендерных ролей в супружеских отношениях. Например, использование СЛЕ *house husband* и *my boss* отражает сдвиг в восприятии семейных обязанностей, где мужчина берёт на себя роль домохозяйина, а женщина становится основным кормильцем, что свидетельствует о постепенном разрушении стереотипов, связанных с распределением ролей в семье. В то же время, в примерах сохраняются традиционные гендерные стереотипы. Шутка о *flatfoot, barefoot in a kitchen* и обращение к мужу *my king* высмеивает устаревшие представления о роли женщины как покорной домохозяйки. Вышеперечисленное доказывает как сохранение, так и критику традиционных взглядов на супружеские отношения.

3. Лексико-семантическая группа «Дружеские отношения» – 56 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужскую дружбу через семантику совместных действий, взаимовыручки и иронического преувеличения маскулинной бравады. Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации представлены лексемами, зафиксированными в словарях: *homie, bro, dude, wingman, sidekick, road dog, ride or die, main man, brother from another mother, my man, broski, bromance, bro code,*

hype man. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта: *gorilla friend*, *my man*. Рассмотрим примеры.

«*The one thing no woman has time for is you and six of your gorilla friends sitting around a podcast recorder in your buddy's ADU like you're discovering fire, having these epiphanies like, "I'm gonna be honest, bro. Always thought woman was not person. But then I have my baby girl, and that's when I know, woman is person too*». В приведённом примере отмечены СЛЕ *gorilla friends*, *buddy*, *bro* в значении «друг». СЛЕ *gorilla friends* описывает определённый тип мужской дружбы, снижая мужскую компанию до примитивных, стадных, агрессивных обезьян. Обращение *bro* в данном контексте маркирует фамильярность и солидарность между говорящим и его другом. Оно указывает на то, что разговор происходит внутри мужского сообщества, где такое обращение уместно. СЛЕ *buddy* в сочетании *your buddy's ADU* указывает на принадлежность пространства другу, подчёркивая, что место сбора – это частная, неформальная зона, ассоциируемая с мужской дружбой.

«*You know, every man has that one friend. That one dude you call your homie. Not just a friend. A homie. That means: if I go to jail at 3 AM, he's the one bailing me out. If I need to hide a body, he's already got the shovel. That's the contract, right?*» В анализируемом фрагменте актуализируется СЛЕ *homie*, в значении *близкий друг, надёжный товарищ*. Комик определяет *homie* через экстремальные сценарии поведения: готовность прийти на помощь в любое время (*bailing me out of jail at 3 AM*), соучастие в сокрытии преступления, готовность нарушить закон (*hide a body, already got the shovel*). СЛЕ фиксирует патриархальную модель мужской дружбы, где ценятся действия (помощь, защита, соучастие), а не эмоциональная поддержка или вербальное выражение чувств.

«*My man went to the doctor and the doctor said, «You have high blood pressure» My man said, «No, I have high swag pressure»*». В рассматриваемом примере актуализируется СЛЕ *my man* в значении «близкий друг, свой парень». Комик дважды повторяет СЛЕ *my man* в коротком нарративе (*My man went, My man said*), что указывает на устранение дистанции между рассказчиком и героем,

аудитория понимает, что это не какой-то чужой глупец, это свой, и над ним смеются с любовью. Врач (институциональный авторитет) произносит медицинский диагноз *high blood pressure*. Друг отвергает это и заменяет слово *blood* на сленговое *swag* (крутость, харизма, стиль). Смысл ответа: «Я не больной, я крутой – у меня даже давление крутое», что указывает на гиперболизацию маскулинной бравады, отказ признать уязвимость.

Таким образом, проведённый анализ стендап-фрагментов, репрезентирующих субстандартные номинации мужской дружбы, показывает, что в отличие от женских номинаций, которые акцентируют эмоциональную близость, доверительность и вербальную поддержку, мужские номинации сфокусированы на инструментальности, соучастии и взаимовыручке. Субстандартные номинации мужской дружбы, в отличие от женских номинаций, которые часто объективируют женщину, оценивают поведенческие стратегии и их соответствие маскулинной норме.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности».

1. **Лексико-семантическая группа «Внешность»** – 94 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужскую внешность как «привлекательный / непривлекательный». Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации внешности представлены лексемами, зафиксированными в словарях: *beefcake, hunk, stud, stallion, Adonis, Greek god, dreamboat, heartthrob, muscleman, he-man, macho, wimp, softie, mutt, ogre, troll, butterface, dad bod, weeny, beer belly, double chin, bald eagle*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (например, *dog*). В отличие от женских номинаций, где положительная оценка внешности почти всегда объективирует женщину, мужские положительные номинации констатируют соответствие маскулинному идеалу. Негативные мужские номинации связаны либо с недостатком маскулинности (женоподобность, слабость), либо с общей непривлекательностью. Рассмотрим примеры.

*«I went to the beach this summer and saw a dude who could be mistaken for **beefcake** and was trying to impress a short girl that looked like she had legs for days. He said he was trying to act tough and she brushed him off, like he was another grain of sand».* В процитированном монологе отмечена СЛЕ *beefcake*, которая фиксируется в субстандартных словарях как обозначение очень мускулистого мужчины. СЛЕ отражает традиционные гендерные роли, где мужчина пытается произвести впечатление на женщину своей физической силой.

*«People call me **a weeny**. I have to agree with you; there is no man more fabulous and unique. I want to use that term to empower people to be themselves without being afraid».* В анализируемом примере отмечена СЛЕ *weeny*, которая фиксируется в субстандартных словарях как обозначение женоподобного мужчины, обычно с негативной коннотацией. Данный пример показывает попытку переосмысления негативного стереотипа и превращения его в источник силы и уверенности. Автор шутки призывает к принятию себя и своей индивидуальности, независимо от соответствия общепринятым нормам. Также рассматриваемый пример указывает на переосмысление представлений о мужественности и принятию разнообразия в гендерном выражении.

*«He's a total **hunk**. I mean, muscles for days, jawline sharp enough to cut glass... but he thought the Earth was flat. Beauty and brains, folks, beauty and brains».* В рассматриваемом примере актуализируется СЛЕ *hunk* в значении, зафиксированном на уровне субстандартных лексикографических источников, а именно – *очень привлекательный мужчина*. Автор шутки иронизирует, подмечая, что мужская привлекательность не всегда сочетается с интеллектом.

*«My dating profile photo wasn't doing so well, so after a while I just accepted the fact that I am **the dog** in the picture. Now I have decided to play into it, and make jokes that dogs are superior».* В отрывке отмечена СЛЕ *dog*, которая в субстандартных словарях определяется как непривлекательный мужчина. Автор с юмором принимает свою непривлекательность и использует её для создания комедийного эффекта. Рассматриваемый пример демонстрирует возможность

преодоления комплексов и создания позитивного образа мужчины, несмотря на несоответствие общепринятым стандартам.

Таким образом, ЛСГ «Внешность» в английском стендап-дискурсе фиксирует нормативные представления о мужской телесности, акцентируя мускулистость, маскулинность и привлекательность как желаемые качества. Однако наряду с прямым воспроизведением стереотипов в группе представлены ироническая деконструкция и переосмысление негативных ярлыков через самоиронию. Это подтверждает общую тенденцию, выявленную в других ЛСГ: субстандартная лексика одновременно служит как закреплению гендерных норм, так и их критическому переосмыслению.

2. Лексико-семантическая группа «Характер» – 99 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужской характер через доминирование, навязчивую самоуверенность и пассивное подчинение женщине. Анализ выборки СЛЕ из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации характера представлены лексемами, зафиксированными в словарях: *tough guy, macho, hard bargain, smart arse, wise guy, know-it-all, suck-up, yes-man, pushover, doormat, control freak, narcissist, egomaniac, hothead, loose cannon, grump, grouch, Scrooge, grumpy old man*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (*alpha male, cheeky git, beta male, sigma male*). Рассмотрим примеры.

«*There's always that **alpha male** at the gym, grunting with every lift, flexing in the mirror, and glaring at anyone who dares to breathe in his general direction. I swear, he thinks he's auditioning for a role in 'Gladiator,' but he just looks like he's trying not to poop himself*». В представленном примере зафиксирована СЛЕ *alpha male* в значении *доминирующий, мужественный, сильный мужчина*. Ранее данная СЛЕ не была зафиксирована в субстандартных лексикографических источниках. В шутке высмеивается гипермаскулинность, говорится о несоответствии между образом «*gladiator*» (сильный, уверенный воин) и комичным образом мужчины, который изо всех сил старается не опозориться.

«*My friend is such **a hard bargain**. His girlfriend tells him to jump, he asks 'how high?', and he just lives life*». В высказывании актуализируется СЛЕ *hard bargain* (зафиксирована в субстандартных словарях) в значении *ленивый мужчина, который не хочет прикладывать усилий*, однако в контексте шутки лексема приобретает дополнительный оттенок: мужчина беспрекословно подчиняется девушке (*tells him to jump, he asks 'how high?'*). Высмеивается пассивность и отсутствие собственной воли, что традиционно осуждается в маскулинной культуре.

«*There's always some **cheeky git** down the pub, trying to chat up all the birds, thinking he's God's gift to women. He will get rejected soon*». В рассматриваемом фрагменте зафиксирована СЛЕ *cheeky git* в значении *наглый мужчина*. Комик высмеивает самоуверенность и наглость мужчины, который считает себя неотразимым для женщин. Также здесь зафиксирована СЛЕ *birds* для обозначения женщин, указывая на потребительское отношение к ним.

Таким образом, рассмотренные СЛЕ репрезентируют разные аспекты мужской личности: от демонстративной гипермаскулинности до пассивного подчинения и навязчивой самоуверенности. В отличие от женских номинаций характера, где отрицательные черты часто представляются как «врождённые» и связанные с эмоциональной нестабильностью, мужские номинации оценивают осознанные поведенческие выборы (доминировать, подчиняться, хвастаться). Отобранные лексеммы демонстрируют активную роль стендапа в создании новых номинаций для критики токсичной маскулинности. Во всех случаях ирония и самоирония являются доминирующим регистром, что подтверждает то, что субстандарт в мужских номинациях характера служит не закреплению, а разоблачению стереотипов.

3. Лексико-семантическая группа «Возраст» – 77 СЛЕ. Субстандартные лексеммы данной ЛСГ репрезентируют мужчину в зависимости от возрастной группы: от юношества через зрелость к пожилому возрасту, причём зрелость маркируется положительно или нейтрально, а старость – иронически, но без дегуманизации. Анализ выборки лексем из материалов англоязычного

медийного дискурса показал, что возраст номинируется в стендап-монологам посредством лексем, зафиксированных в словарях: *youngster, teen, mop-top, young buck, whippersnapper, spring chicken, rookie, fledgling, greenhorn, pup, cub, middle-aged man, forty-something, silver fox, distinguished gentleman, salt-and-pepper, dad bod, grown-ass man, mature, seasoned, old timer, old man, geezer, codger, old fart, fossil, silverback, old guard*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (например, *mop-top, silver fox, old timer*). В отличие от женских номинаций, где с возрастом нарастает уничижительность, у мужских номинаций зрелый возраст может быть комплиментарным, что отражает культурный двойной стандарт: мужчинам разрешено стареть с достоинством, женщинам – нет. Рассмотрим примеры.

«*He still rocks the mop-top. Thinks he's Liam Gallagher's younger brother, but he is just a teenager with a haircut*». В рассматриваемом примере зафиксирована СЛЕ *mop-top* в значении, отраженном в субстандартных лексикографических источниках, а именно – *молодой мужчина*. В шутке показывается несоответствие между образом рок-звезды и реальностью – обычным подростком.

«*I'm not saying I'm a silver fox, but I get carded for Metamucil*». В данном контексте употреблена СЛЕ *silver fox* в значении *привлекательный мужчина с сединой*. Автор шутки иронично относится к возрасту, подчеркивая, что признаки старения неизбежны, даже если пытаться сохранить привлекательность.

«*My grandpa is a real old timer. He still thinks the internet is a series of tubes*». В рассматриваемом примере актуализируется СЛЕ *old timer* в значении, зафиксированном в субстандартных лексикографических источниках, а именно – *пожилой мужчина, старик*. В анализируемом контексте *old timer* приобретает дополнительную коннотацию: не просто старый, а непонимающий современные технологии.

Таким образом, СЛЕ в ЛСГ «Возраст» репрезентируют три возрастных этапа мужчины: молодость, зрелость и пожилой возраст. Анализируемые мужские номинации актуализируют несоответствие между самоощущением

мужчины и его реальным возрастным статусом. Молодость (*mop-top, kid, youngster, young buck, whippersnapper, rookie, fledgling, greenhorn, pup, cub*) предстаёт как период незрелости, наивного подражания кумирам и отсутствия подлинной индивидуальности. Зрелость (*silver fox, distinguished gentleman, salt-and-pepper, grown-ass man, mature, seasoned, middle-aged man, dad bod*) является единственной возрастной группой, которая получает положительные или нейтрально-иронические номинации. Пожилой возраст (*old timer, geezer, codger, old fart, fossil, relic, grandpa, silverback, old guard, veteran*) описывается через ироническое подчёркивание когнитивной отсталости (непонимание интернета, современных технологий) и физического угасания, но без агрессивной дегуманизации. Таким образом, эйджизм в субстандарте гендерно окрашен, в соответствии с субстандартными номинациями старение мужчины – добродушная ирония, старение женщины – основание для исключения из сферы «нормального».

4. Лексико-семантическая группа «Интеллект» – 123 СЛЕ.

Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужской интеллект через семантику когнитивной недостаточности (глупость, нелепость, чудачество). Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации интеллекта представлены лексемами, зафиксированными в словарях: *moron, imbecile, simpleton, halfwit, dimwit, blockhead, numbskull, dunce, dunderhead, thicko, plank, div, muppet, numpty, berk, prat, wally, chump, goof, goober, knucklehead, meathead, bonehead, airhead, birdbrain, scatterbrain, dumbass, jackass, dumb cluck, silly billy, loon, crackpot, dingbat, space cadet*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (например, *bullfinch, boob, nutter*). Рассмотрим примеры.

«*Oh, look at my mate, he is such a boob. I feel bad for him sometimes, but he doesn't even care at all!*» В рассматриваемом примере актуализируется СЛЕ *boob* в значении, зафиксированном в субстандартных лексикографических источниках, а именно – *болван, дурак*. В приведённом примере используется

мягкий упрёк в сторону друга, который, несмотря на свою глупость, не переживает из-за этого и способен принимать свои недостатки.

*«I had a test the other day at college, I got a U... I am a **bullfinch**. I will just change my name so it will be funny».* Согласно субстандартным лексикографическим источникам, СЛЕ *bullfinch* означает «глупый мужчина», которое реализуется в приведённом примере. Автор монолога иронизирует над своей низкой успеваемостью и предлагает сменить имя, чтобы подчеркнуть свою «глупость». Приведённый пример демонстрирует принятие неудачи с юмором и попытку превратить её в источник позитива.

*«He's such a **nutter**. He makes her laugh, she loves that. Everyone needs a bit of silliness in their life».* В анализируемом примере зафиксирована СЛЕ *nutter* в значении – чудака. Пример показывает, что глупость и чудачество могут быть привлекательными чертами характера, особенно если они приносят радость окружающим.

Таким образом, ЛСГ «Интеллект» в английском стендап-дискурсе фиксирует когнитивные характеристики мужчины, но при этом демонстрирует принципиально иную прагматику по сравнению с другими ЛСГ. Вместо высмеивания несоответствия стандарту или иронической деконструкции гендерного стереотипа, в данной ЛСГ доминирует стратегия позитивного переосмысления: глупость, чудачество и интеллектуальная неуспешность перестают быть стигмой и становятся источником юмора, самопринятием и даже привлекательности. Сленговые единицы служат не столько для закрепления когнитивных иерархий, сколько для их размывания и создания альтернативной системы ценностей, где «быть умным» не является обязательным условием для самоуважения или социального одобрения.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение».

1. Лексико-семантическая группа «Профессиональная деятельность».
– 118 СЛЕ, что свидетельствует о высокой степени номинативной плотности, а также о том, что профессиональная деятельность является значимой сферой для

формирования гендерных стереотипов. Анализ выборки СЛЕ из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что мужские профессиональные номинации представлены лексемами, зафиксированными в словарях: *cop, suit, white-collar, desk jockey, paper shuffler, bean counter, number cruncher, middle manager, yes-man, company man, office slave, cube dweller, nine-to-fiver, clock puncher, wage slave, blue-collar, brickie, sparky, garbageman, sanitation engineer, plumber, tradie, corporate shark, ladder climber, go-getter, company stooge, hack, journo, ambulance chaser, shyster, quack, sawbones, bean counter*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандартной лексики (например, *tech bro, corporate drone, workaholic, pencil pusher*). Мужские номинации профессий фиксируют нормативность мужской работы, но при этом активно высмеивают её стереотипные проявления (тупость, бюрократизм, единообразие, нарциссизм), мужчину оценивают через род его деятельности. Рассмотрим примеры.

«*Some **cops** are good.*” *No, I’m just kidding. Can you imagine? Do you ever get policed so hard your identity gets affirmed? Pretty interesting*». В рассматриваемом примере актуализируется СЛЕ *cop*, зафиксированная на уровне субстандартных лексикографических источников – полицейский. В примере открыто демонстрируется негативное отношение к полиции, несмотря на попытку начать с положительного утверждения. Комик высмеивает ситуацию, когда действия полиции доходят до абсурда (*policed so hard your identity gets affirmed*). Лексема *cop* здесь нейтральна по форме, но в контексте приобретает резко критическую коннотацию.

«*Every **tech bro** I know thinks he’s going to be the next Steve Jobs. They all wear the same black turtleneck; they are now a carbon copy of each other*». В данном высказывании зафиксирована СЛЕ *tech bro* (не зафиксирована в словарях субстандарта) в значении «молодой человек, работающий в IT-сфере». Лексема имеет явно уничижительную окраску. В шутке высмеивается шаблонное мышление и стремление подражать известным личностям в IT-индустрии

(carbon copy of each other), подразумевается критика нарциссизма, самоуверенности и стадного поведения.

«*I told my buddy not to worry about his surgery. I said, "Relax, the old sawbones has been doing this since before we were born!" Then I saw the doctor walk in. He was younger than my nephew*». В данном высказывании актуализируется СЛЕ *sawbones*. Согласно субстандартным лексикографическим источникам, данная лексема представляет собой пренебрежительное обозначение врача-хирурга. Говорящий использует СЛЕ *sawbones* для создания доверительной, шутливой атмосферы. Однако комический эффект построен на резком контрасте между образом «старого хирурга», который ассоциируется у слушателя с многолетним опытом и мудростью, и реальностью – молодым, неопытным доктором. СЛЕ *sawbones* в этом случае служит не просто номинацией профессии, а инструментом иронии.

Таким образом, анализ СЛЕ, репрезентирующих мужские профессии, показывает, что в англоязычном стендап-дискурсе профессиональная деятельность мужчины является значимой частью для иронии. Высокая номинативная плотность (118 СЛЕ) подтверждает, что работа является одной из ключевых сфер конструирования маскулинной идентичности в субстандартном дискурсе. При этом, в отличие от женских номинаций, мужские профессиональные ярлыки редко содержат гендерно-объективирующие коннотации (женщина-босс – *girlboss* – критикуется за мужеподобность, мужчина-босс – *boss* – критикуется за конкретные управленческие недостатки). Это подтверждает гендерный стереотип: мужчина оценивается через социальное действие, а женщина – через телесность и соответствие фемининным стандартам.

2. Лексико-семантическая группа «Финансовый статус» представлена 73 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужчину через призму его финансового положения – от богатого спонсора до бедняка, причём оба полюса становятся объектами насмешки. Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации представлены лексемами, зафиксированными в словарях: *fat cat, high*

briefcase, roller, big spender, moneybags, deep pockets, fat wallet, cash cow, dead broke, pauper, beggar, bum, hobo, tramp, nickel-and-dimer, penny pincher, cheapskate, miser, scrooge, money-grubber, kept man, mooch, freeloader. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта: *sugar daddy, broke guy, hypoglycemic wallet.* СЛЕ, обозначающие финансовый статус мужчин, указывает на то, что финансовое положение мужчин является частым объектом обсуждения, что может быть связано с традиционной ролью мужчины как добытчика. Рассмотрим примеры.

*«I had one woman, she was honest, she told me she was looking for a **sugar daddy**. I told her my wallet is hypoglycemic. No sugar in this recipe, sweetheart. I keep my bank balance sweet and low».* Материал выборки фиксирует СЛЕ «*sugar daddy*» в значении «*спонсор, богатый мужчина, содержащий женщину*». Комик высмеивает стремление женщины к материальному обеспечению за счёт мужчины. Пример затрагивает тему гендерных стереотипов о мужчинах как о «кошельках» и женщинах как о «потребителях».

*«I heard someone call a rich guy a '**briefcase**'. I thought, 'Does he just carry around a lot of money? Or is it because he's boring and corporate?'"* В рассматриваемом примере актуализируется СЛЕ *briefcase* в значении – *богатый мужчина*. В примере подчёркивается, что мужчина, который занимает должность, и часто использующий портфель, считается очень богатым и скучным.

*«I am a **broke guy**, if I lost a penny, it will be the end of the world. My mate says I need to get it together, but i don't even have 10 dollars to my name».* Анализируемый фрагмент содержит СЛЕ *broke guy*, которая употребляется в значении «*мужчина без денег*». Комик использует гиперболу для преувеличения бедности и создания комического эффекта, описывая безысходность и отчаяние, связанные с отсутствием денег.

*«Politicians always promise to tax the **fat cats**. But those fat cats, run around a lot quicker than you think».* В рассматриваемом примере зафиксирована СЛЕ *fat cat* в значении «*богатый мужчина*», часто с негативной коннотацией. Автор

шутки саркастически подмечает, что политики всегда обещают бороться с «толстосумами», но на деле эти «толстосумы» оказываются очень проворными и умеют избегать уплаты налогов.

Таким образом, ЛСГ «Финансовый статус» в английском медийном дискурсе посредством субстандартной лексики репрезентирует устойчивый гендерный стереотип о мужчине как о добытчике и «кошельке», богатство и бедность становятся объектами насмешки. Мужские номинации фиксируют активную роль мужчины в финансовых отношениях: он либо «спонсор», либо «корпоративный богач», либо «бедняк». При этом богатство и бедность высмеиваются, но по-разному: богатство – за скучность, единообразие, моральную сомнительность; бедность – за беспомощность и отчаяние, но с самоиронией.

3. Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои» – 32 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужчину через отрицательные морально-нравственные характеристики – подлость, нечестность, манипулятивность, готовность к злонамеренным действиям. Анализ выборки лексем из материалов англоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации представлены лексемами, зафиксированными в словарях: *sleazeball, rotter, scumbag, dirtbag, lowlife, creep, sleaze, slimeball, snake, weasel, rat, jerk, asshole, bastard, son of a bitch, motherfucker, scoundrel, rogue, villain, cad, bounder, reprobate, degenerate, pervert, predator, user, manipulator, liar, cheat, con man, fraud, fake, hypocrite, two-face, backstabber, traitor, turncoat*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта (например, *sleazeball, rotter*). Рассмотрим примеры.

«*I dated a guy, he was a sleazeball. He would lie all the time, to get to a girl! I do not know, why it happened*». В рассматриваемом примере актуализируется СЛЕ *sleazeball*, зафиксированная в субстандартных словарях, в значении подлый, неприятный, аморальный мужчина. Комик осуждает нечестность и манипулятивное поведение в отношениях, затрагивает гендерные стереотипы о мужской привлекательности и женской наивности.

*«He is a **rotter**, do not associate with him! He will do anything to ruin your day».*

В анализируемом фрагменте зафиксирована СЛЕ *rotter* в значении мужчина – мерзавец, негодяй. Автор шутки предостерегает от общения с мужчиной, который может причинить вред или испортить настроение. Подчёркивается, что мужчина готов пойти на все.

Таким образом, СЛЕ в рамках ЛСГ «Морально-нравственные устои» в английском медийном дискурсе репрезентируют негативные модели мужского поведения (например, ложь, манипуляция, злонамеренность). В отличие от других ЛСГ, здесь практически отсутствует ироническая дистанция или самоирония; моральная низость осуждается прямо и однозначно. Субстандартные лексемы данной ЛСГ демонстрируют гендерные стереотипы о мужчине как о потенциально опасном, лживом или злобном субъекте, особенно в контексте гендерных отношений и повседневного общения. Относительно небольшой объём группы (32 СЛЕ) может указывать на то, что моральные характеристики личности менее обсуждаемы в субстандарте, чем внешность, возраст, интеллектуальные и финансовые характеристики.

Далее для проведения сравнительно-сопоставительного анализа полученных данных необходимо рассмотреть, как репрезентируется образ мужчины и образ женщины в рамках медийного дискурса в субстандартном русском языке.

3.2. Вербализация гендерных отношений в субстандартной лексике в русскоязычном медийном дискурсе

В качестве материала исследования в русском языке использовались записи стендап-шоу «Стендап на ТНТ», «Открытый микрофон», «Стендап Андеграунд» за 2023-2025 годы. Всего проанализировано 85 выпусков, продолжительностью 4119 минут.

В ходе исследования видеозаписей стендап выступлений были отобраны примеры субстандартной лексики, репрезентирующие образы мужчины и

женщины в русской лингвокультуре. Однако, в результате проведённого анализа медийного дискурса было выявлено, что не все лексические единицы, отобранные из субстандартных словарей русского языка, нашли своё отражение на уровне медийного дискурса. Приведём анализ наиболее актуальных СЛЕ, зафиксированных в монологах стендап-комиков, которые были также распределены в соответствии с делением на тематические и лексико-семантические группы.

3.2.1. Лингвокультурологические особенности репрезентации образа женщины в субстандартной лексике в русскоязычном медийном дискурсе

I. Тематическая группа «Гендерные и сексуальные отношения».

1. Лексико-семантическая группа «Сексуальные отношения» – 145 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют женщину в сексуальных отношениях через дихотомию «романтическая идеалистка / прагматичная содержанка». Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что сексуальные отношения номинируются в стендап-монологах посредством обширного пласта субстандартной лексики, зафиксированной в лексикографических источниках. К таким лексемам относятся, например: *баба, тёлка, бабёнка, бабища, самка, шалава, шлюха, проститутка, куртизанка, ночнушка, дешёвка, содержанка, любовница, наложница, секс-бомба, секс-машина, киска, писюшка, дырка, кукла, барби, конфетка, вкусняшка*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта: *боп, бимбо, ванильная жена, пикми, традвайф, делулу*. Рассмотрим примеры.

«Бабы, вы вообще понимаете, что мы хотим? Нам что нужно? Чтобы всё было быстро, грязно и без лишних разговоров! А вы что хотите? Чтобы мы вам стихи читали при свечах и потом ещё всю ночь обнимали? Да мы лучше в танчики поиграем! Потом говорят: «Мужики – козлы!» Ну, а кто виноват, что у нас разные представления о прекрасном? Нам хорошо, когда всё по-простому,

а вам – чтобы, как в кино». В данном высказывании комик говорит о том, насколько разные ожидания у мужчин и женщин в сексуальных отношениях. Мужчины прямолинейны и неромантичны, а женщины, наоборот, романтичны и всегда идеализируют отношения. СЛЕ *баба* – пренебрежительное обращение к женщине. Выражение «быстро, грязно и без лишних разговоров» – стереотипное описание мужского желания в сексе. «Стихи при свечах» – стереотипное описание романтического поведения. «Танчики» – простая компьютерная игра, символ мужского хобби. «Козлы» – оскорбительное обозначение мужчин. «Как в кино» подразумевается, что ожидания женщины о сексе сформированы кинематографом.

«Сейчас все девушки хотят быть бизнес-леди или содержанками. Золотой середины нет. Либо ты работаешь 24/7, либо тебе просто дарят Bentley. Я вот думаю, может, тоже в содержанки податься? Хоть высыпаться буду». В данном фрагменте высмеивается стереотипное желание женщины, которая может не работать, но быть материально обеспеченной и жить за счёт мужчины и ни в чем себе не отказывать. СЛЕ *содержанка* описывает женщину, готовую иметь сексуальные отношения с мужчиной ради своей выгоды.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Сексуальные отношения» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют гендерные стереотипы через противопоставление мужской и женской моделей сексуальности: мужчины – прямолинейны, не романтичны, предпочитают быстрый и «грязный» секс; женщины, напротив, романтичны, идеализируют отношения и находятся в выборе между карьерой и материальной зависимостью. СЛЕ несут ярко выраженную оценочную нагрузку и служат маркерами групповой идентичности. Однако, в отличие от английских примеров, русский стендап чаще использует бытовые стереотипы и ироническое само отождествление с негативным ярлыком, чем прямую объективацию.

2. Лексико-семантическая группа «Супружеские отношения» – 58 СЛЕ. Женские роли и поведение чаще становятся объектом шуток, что отражает традиционные представления о гендерных ролях в семье. Субстандартные

лексемы данной ЛСГ репрезентируют женщину в супружеских отношениях через семантику бытового раздражения, эмоциональной требовательности и ощущения несвободы. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что супружеские отношения номинируются в стендап-монологах посредством обширного пласта субстандартной лексики, зафиксированной в лексикографических источниках, например: *благоверная, половина, старуха, старушка, жёнка, жёнушка, мать (в значении «жена»), хозяйка, командирша, генеральша, диктаторша, пила, кобра, анаконда, мегера, фурия, ведьма, карга, заноза, геморрой, головная боль, нагрузка, обуза, каторга, тюрьма, зона*. Также в выборке присутствуют лексеммы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка (например, *сокамерник, женулинг, робин*). Рассмотрим примеры.

«Моя жёнка считает, что романтика – это цветы и ужин при свечах. А я считаю, что романтика – это когда она молчит хотя бы пять минут». В данном примере зафиксировано использование СЛЕ *женка*, обозначающее жену с оттенком пренебрежения. Традиционными символами романтики для жены являются «цветы и ужин при свечах», а для мужа «когда она молчит хотя бы пять минут». Женщина изображена как эмоциональная, требовательная и надоедливая.

«Я люблю свою жену, но иногда мне кажется, что мы – сокамерники с разными сроками». В данном примере выражение «люблю свою жену» указывает на положительные отношения к супруге. Однако жена сравнивается с «сокамерником», а брак – с тюремным заключением, что может говорить о разочаровании в браке, ощущении рутины и несвободы и отражении кризиса института брака в современном обществе.

«Жена как заноза в заднице. Больно, но не вытащишь». В данном примере жена описывается через СЛЕ «заноза», что указывает на тот факт, что жена – раздражение и страдание.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Супружеские отношения» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют женщину-жену исключительно через

негативные или обременительные образы. Комический эффект строится на гиперболизации бытовых конфликтов и отсутствии самоиронии со стороны мужчины-комика, что закрепляет патриархатный стереотип о браке как об обузе.

3. Лексико-семантическая группа «Дружеские отношения» – 113 СЛЕ.

Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют женщину в дружеских отношениях через семантику бытовой близости, совместного досуга и парадоксального совмещения «женского» и «мужского» в поведении. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что женские дружеские номинации представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках. К таким лексемам относятся, например: *подруганя, боевая подруга, сестра* (в значении «подруга»), *сеструха, кума* (в значении «близкая подруга»), *соратница, сообщница, партнёрка, напарница, корефанка, корешка, коза* (в значении «подруга»). Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка (например, *брошка, подруганя*). Рассмотрим примеры.

«Моя брошка помешана на здоровом образе жизни. Каждое утро бегают, правильно питается. А потом приходит ко мне и доедает мои чипсы». В данном примере актуализируется СЛЕ *брошка* в значении близкая подруга, подчёркивает именно тёплую, фамильярную, почти озорную близость. В субстандартных лексикографических источниках СЛЕ *брошка* не зафиксирована. В рассматриваемом примере обе участницы ситуации – женщины (рассказчица и её подруга). Комик акцентирует эмоциональную близость и совместное бытовое поведение. Женская дружба описывается через безопасную, повседневную, эмоциональную ситуацию.

«У меня есть подруганя – такая мужичка в юбке. Мы с ней можем бухать, как два сапожника, ржать над глупостями и орать песни под гитару. Только о бабах не говорим – а то опять подерёмся». В данном примере использована СЛЕ *подруганя*, которая имеет пренебрежительный оттенок, но используется для обозначения близкой подруги, с акцентом на её «мужиковатость» и совместное асоциальное поведение (употребление алкоголя, громкий смех, пение). Подруга

здесь не идеализируется, а показывается в её бытовых, порой неоднозначных проявлениях.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Дружеские отношения» в русскоязычном стендап-дискурсе репрезентируют женскую дружбу как близкие, фамильярные отношения, проверяемые и проявляемые в бытовых, эмоциональных и гедонистических сценариях (совместное нарушение диеты, распитие алкоголя, смех, пение). Номинации подруги не несут негативной оценки, а, напротив, подчёркивают принятие недостатков и солидарность в неидеальном поведении.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности».

1. **Лексико-семантическая группа «Внешность»** – 142 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют женскую внешность через полярные оценки: от гиперболизированного восхищения до уничижительного высмеивания, причём в современном стендапе доминирует стратегия иронической деконструкции стандартов красоты и бодишейминга. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что внешность номинируется в стендап-монологам посредством обширного пласта субстандартной лексики, зафиксированной в лексикографических источниках, например: *бомба, конфетка, куколка, фея, красотка, секс-бомба, милашка, толстуха, толстушка, пышечка, доска, худышка, дистрофичка, уродина, страхолюдина, страшила, чучело, корова, бегемотиха, слониха, хавронья, свинья, кобыла, лошадь, серость, мышь*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандартной лексики русского языка (например, *мисс Вселенная, замухрышка, страхолюдина, фотомодель*). Субстандартные лексемы с негативной коннотацией, звучащие из уст самих женщин, становятся инструментом самозащиты и критики стандартов красоты. Обратимся к примерам.

*«Я тут недавно на свидание ходил. Девушка пришла – просто **бомба!** Я аж дар речи потерял. Правда, потом оказалось, что она ещё и говорит как бомба. В смысле, очень много и очень быстро».* СЛЕ «бомба» используется для описания привлекательной женщины. «Дар речи потерял» представляет собой

устойчивое выражение, подчёркивающее сильное впечатление. «Говорит как бомба» – метафора, переносящая свойство привлекательности на речь. В первой части шутки присутствует распространённый в русской культуре стереотип о важности внешней привлекательности при первой встрече. Вторая часть шутки развенчивает этот стереотип. Комик заставляет задуматься и переосмыслить ценности: от поверхностного восхищения внешностью к пониманию важности других качеств.

«Я всегда завидовала девушкам с пышными формами. А у меня – что? Доска доской. Зато удобно гладить! И места в шкафу много не занимает». В данной шутке использованы СЛЕ *пышные формы* используется для обозначения большой груди и округлых бёдер, СЛЕ *доска*, наоборот, обозначает отсутствие выраженных форм, пышные формы противопоставляются худобе. В русской культуре испокон веков идеалом красоты считалась женщина округлых форм. Здесь же комик иронизирует над данным стереотипом, тем самым подчёркивая преимущества, казалось бы, непривлекательной фигуры.

«Я тут недавно услышала, как меня за спиной назвали толстухой. Ну и что? Зато у меня есть что обнять! А у вас что? Одна кожа да кости?» В данном примере зафиксирована СЛЕ *толстуха*, негативное, оценочное слово, которое используется для описания полной женщины, выражение «есть что обнять» подчёркивает наличие пышных форм, выражение «кожа да кости» обозначает худобу. Аналогично предыдущему примеру, комик затрагивает тему культурных стандартов красоты и бодишейминга. Шутка направлена на защиту нестандартной внешности и высмеивание тех, кто не соответствует распространённым идеалам худобы. Комик критикует стереотипные представления о стандартах красоты и призывает женщину принимать своё тело и быть уверенной в себе.

Таким образом, субстандартные лексемы ЛСГ «Внешность» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют женскую телесность через бинарные оппозиции (привлекательная / непривлекательная, полная / худая, пышные формы / доска). Однако ключевой особенностью является ироническая

деконструкция этих оппозиций. В медийном дискурсе используются субстандартные номинации для того, чтобы высмеять поверхностные стандарты красоты, показать относительность оценок («бомба» оказывается болтливой, «доска» – удобной, «толстуха» – имеющей, что обнять). В отличие от моделей, где внешность служит объектом восхищения или стигматизации, в данных примерах внешность становится поводом для переоценки ценностей и утверждения самооценности женщины независимо от соответствия идеалу.

2. Лексико-семантическая группа «Характер» – 105 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют женский характер через такие черты, как хозяйственность, крепость, независимость, а также через переосмысление традиционно негативных номинаций. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что женские номинации характера представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *баба, трудяга, стерва, зараза, бестия, кобра, пила, мегера, фурия, ведьма, командирша, генеральша, диктаторша, мужичка, железная леди, приспособленка, авантюристка*. В выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в субстандартных словарях русского языка: *тарелочница, чиловая девчонка, имба*. Рассмотрим примеры.

«В деревне у нас все бабы – крепкие, хозяйственные. Они и коров доят, и огород копают, и детей воспитывают. А мужики – только на печи лежат и в телевизор смотрят». В данном примере прослеживаются гендерные стереотипы, связанные с распределением ролей. Женщины описываются как «крепкие» и «хозяйственные», что соответствует традиционному представлению о женщине как о трудолюбивой и заботливой. Мужчины, напротив, изображаются как ленивые и пассивные, что противоречит традиционному образу мужчины-добытчика.

«Сейчас все ругают стерв. А я считаю, что стерва – это просто женщина, которая знает, чего хочет, и умеет этого добиваться. Она не боится быть собой и не слушает чужие советы. По-моему, это круто!» В русской картине мира женщину осуждают за проявление силы и независимости. В этом

примере комик переосмысливает негативное значение СЛЕ *стерва*, придавая ему положительный смысл. Традиционно СЛЕ *стерва* используется для описания женщины, которая ведёт себя эгоистично и агрессивно. Однако автор шуточки видит в этом слове символ уверенности, независимости и целеустремлённости. Использование СЛЕ *стерва* в положительном контексте отражает современные тенденции к переоценке гендерных ролей и борьбе с сексизмом.

*«Я о слове «тарелочница» только в Москве узнал. Когда мой друг сказал: «у меня тарелочница была», я спросил его: братан, ну ты выздоровел?». В данном примере актуализируется СЛЕ *тарелочница* в значении меркантильная женщина. В субстандартных лексикографических источниках СЛЕ *тарелочница* не зафиксирована. Комик намеренно «не понимает» это переносное значение и интерпретирует слово буквально: *тарелочница* в его воображении – это название болезни (по аналогии с ветрянкой, краснухой, ангиной). Именно поэтому он задаёт другу вопрос о выздоровлении: «Братан, ну ты выздоровел?». В данном случае медицинский дискурс накладывается на дискурс гендерных отношений, создавая семантический сдвиг, лежащий в основе комического.*

Таким образом, посредством СЛЕ характер женщины в русскоязычном медийном дискурсе описывается номинациями, связанными с трудолюбием, хозяйственностью, крепостью и номинациями, описывающими властных, сварливых, независимых женщин. В современном медийном дискурсе наблюдается активное переосмысление негативных ярлыков, например, *стерва* превращается в символ уверенности и целеустремлённости.

3. Лексико-семантическая группа «Интеллект» – 59 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют женский интеллект через семантику когнитивной недостаточности (глупость, рассеянность, наивность), но, в отличие от английских аналогов, русские номинации чаще несут смягчённый, иронический или даже ласкательный оттенок. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что женские номинации интеллекта представлены лексемами, зафиксированными в

лексикографических источниках: *дура, дурочка, глупышка, блондинка, растяпа, разиня, ротозейка, куриные мозги, голова садовая, тюха и др.* Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка (*дурында, тпешка*). Обратимся к примерам.

«Как сейчас модно называть девушек? Чикюля, красотка, малышка. А мне вот больше нравится слово дурында. В нем есть что-то такое родное!» В данном примере СЛЕ *дурында* используется с иронией, чтобы подчеркнуть стереотипное представление о женщинах, как о недалёких и глуповатых. Однако комик использует данную СЛЕ с теплотой, что смягчает ее негативную коннотацию.

«Я сегодня такая рассеянная, что забыла, где оставила телефон. Искала его полчаса, а он у меня в руке был. Ну что с меня взять, блондинка». В данном примере обыгрывается стереотип о том, что блондинки – глупые и рассеянные. СЛЕ *блондинка* имеет тоже значение, что и при анализе субстандартных лексикографических источников.

«Недавно я пыталась собрать шкаф. Два часа я мучилась с этими дурацкими шурупами и в итоге случайно прикрутила полку к стене. Пришлось звонить бывшему. Он приехал, посмотрел на мои старания, вздохнул и сказал: «Ну что ж ты, дура такая?» А я ему: «Во-первых, я не дура, я креативная. А во-вторых, если я дура, то зачем ты на мне женился?». В общем, шкаф он собрал, а я сделала вывод: дура — это не та, кто не может собрать шкаф, а та, кто думает, что может сделать это без инструкции. И, кстати, бывший потом извинился. Сказал, что погорячился. А я ему: «Поздно, милый. Креативные дуры обидчивые». Шутка построена вокруг стереотипа о женской неспособности к бытовым задачам, который активизируется через реплику мужского персонажа («Ну что ж ты, дура такая?»). Однако рассказчица не принимает эту стигму, а немедленно её оспаривает: «Я не дура, я креативная», «дура – это не та, кто не может собрать шкаф, а та, кто думает, что может сделать это без инструкции». Таким образом, вместо воспроизведения патриархального ярлыка, стендап-

комик переворачивает его, превращая в повод для рефлексии о социальных ожиданиях и гендерных ролях.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Интеллект» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют женские умственные способности через устойчивые культурные стереотипы (глупость, рассеянность, недалёкость). Комики (особенно женщины) активно используют самоиронию: они сами называют себя дурындами или блондинками, присваивая уничижительный ярлык и лишая его оскорбительной силы.

4. Лексико-семантическая группа «Возраст» – 45 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют возраст женщины через призму стереотипов и их активного разрушения. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что номинации возраста женщины представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *корочка, цыпленок, герла, старуха, старушка, старушенция, старушонка, бабуля, бабка, старая перечница, карга, кляча, старая кошёлка, божий одуванчик и др.* Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка: *милфа, тинка.* Рассмотрим примеры.

«Все думают, что старушенции только и делают, что сидят на лавочке и сплетничают. А я тут недавно видел, как одна старушенция на мотоцикле гоняла! Вот это я понимаю – жизнь на пенсии!» Традиционно СЛЕ *старушенция* используется для описания пожилой женщины и имеет иронично-пренебрежительную с отрицательной оценкой. Однако, в данном контексте СЛЕ приобретает положительный оттенок. Выражение «гоняла на мотоцикле» описывает нестереотипное поведение пожилой женщины. Таким образом, шутка разрушает стереотип о пассивном образе жизни пожилых людей (сидят на лавочке, сплетничают и ничем не интересуются), подчёркивая, что возраст не является препятствием для активной и интересной жизни.

«Мужчин в возрасте называют «солидными», а женщин - «старухами». Где справедливость? Почему возраст считается достоинством для мужчин и

недостатком для женщин?» В данном фрагменте поднимается проблема двойных стандартов в восприятии возраста мужчин и женщин. Мужчины в возрасте описываются как «солидные», что подчёркивает их статус и уважение, в то время как женщины называются «старухами», что имеет негативную коннотацию. Это отражает гендерное неравенство в восприятии возраста. Шутка подчёркивает, что возраст ценится у мужчин, но считается недостатком у женщин. Автор высказывания критикует стереотипы, связанные с возрастом и гендером. Пример отражает культурные нормы, которые до сих пор существуют в обществе.

«Сережа, это же милфа!» А он мне в ответ: «Дядя Саш, милфа – это не возраст, милфа – это состояние души! И потом, у неё своя трёшка в центре и нет истерик». После этого разговора я сижу и думаю: может, мне тоже пора перестать искать молодых и обратить внимание на кого-то, кто уже оплатил ипотеку?» В рассматриваемом примере зафиксирована СЛЕ *милфа* со значением *женщина в возрасте 35-50 лет, которая ухожена, уверена в себе, имеет жизненный опыт и финансовую независимость*. Эта лексема является русифицированной и адаптированной формой английской аббревиатуры MILF (Mother I'd Like to Fuck). В русском языке лексема обрела грамматический род и более широкое, но всё ещё сильно сексуализированное значение и является прямым инструментом объективации. Женщина оценивается через призму мужского желания, как объект сексуального интереса, при этом акцент делается на её возрасте и материнстве, закрепляя стереотип, что ценность женщины с возрастом не теряется.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Возраст» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют женский возраст через разрушение стереотипа о пассивной старости через контраст с активным поведением, через критику гендерной асимметрии в восприятии возраста (мужчина «солидный» / женщина «старуха») и через сексуализированную объективацию с последующим переосмыслением (*милфа* как «состояние души» и независимость). Однако, возраст мужчины ассоциируется с мудростью, статусом и зрелостью, возраст для женщины

становится источником тревоги и обесценивания, будучи тесно связан с ее внешностью и репродуктивной функцией.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение».

1. Лексико-семантическая группа «Финансовый статус» – 22 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют финансовое положение женщины через бинарную оппозицию «богатство / бедность», а также через стереотип о женщине как об иждивенке или объекте зависти. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что женские номинации представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *содержанка, мажорка, нищевродка, попрошайка, дармоедка, тунейдка, приживалка, миллионерша, буржуйка и др.* В выборке присутствуют СЛЕ, ранее не зафиксированные в словарях субстандартной лексики русского языка, например, *богачка, сахарная мамочка, побирушка, беднячка*. Рассмотрим примеры.

«Любовь – это прекрасно. Но когда у тебя нет денег, она быстро заканчивается. Поэтому я всегда говорю: «Лучше быть содержанкой, чем нищевродом». В данном примере зафиксированы такие СЛЕ как *содержанка* и *нищеврод*. СЛЕ *содержанка* используется для описания женщины, которая находится на содержании у мужчины. СЛЕ имеет негативную коннотацию, но в данном контексте оно используется с иронией, чтобы подчеркнуть преимущества материальной обеспеченности. СЛЕ «нищеврод» – уничижительная лексическая единица, которая используется для описания бедного мужчины. В данном контексте она подчёркивает негативное отношение к бедности. В шутке прослеживается стереотип о том, что материальное благополучие является важным условием для сохранения любви. Комик подчёркивает, что отсутствие денег может разрушить отношения, что отражает распространённое представление о том, что финансовая стабильность играет ключевую роль в жизни, материальное благополучие важнее романтических чувств, что противоречит традиционным представлениям о любви как о высшей

ценности. В шутке отражаются современные тенденции к прагматизму и рационализации отношений, где финансовый статус играет важную роль.

«Я не богачка, я такая же, мне тоже дорого». В анализируемом примере актуализируется СЛЕ *богачка*, ранее не зафиксированная в субстандартных лексикографических источниках. В русском языке данная СЛЕ часто имеет стилистически сниженную, иногда пренебрежительную или фамильярную коннотацию. В отличие от нейтрального *богатая женщина*, лексема фиксирует не просто наличие денег, а социальный ярлык, который в массовом сознании связан с рядом стереотипов: богатство получено не своим трудом (от мужа, наследство), что является объектом зависти или осуждения.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Финансовый статус» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют женское финансовое положение через субстандартные единицы, которые фиксируют бинарную оппозицию «богатство / бедность» и связанные с ней гендерные стереотипы (мужчина-добытчик, женщина-иждивенка, осуждение богатства у женщин). Комические стратегии при этом варьируются от иронического принятия стигматизирующего ярлыка до отказа от ярлыка через универсализацию опыта. Отсутствие лексикографической фиксации у СЛЕ *богачка* указывает на динамичность современной субстандартной лексики, а малочисленность группы (22 СЛЕ) может свидетельствовать о том, что финансовый статус женщины в субстандарте представлен менее детально, чем её внешность или интеллект.

2. Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои». – 73 СЛЕ. Субстандартные лексеммы данной ЛСГ репрезентируют женщину через призму её сексуального поведения, социальной приемлемости и соответствия патриархальным нормам. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что женские моральные номинации представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *иллюха, куртизанка, ночная бабочка, путана, развратница, блудница, непотребная, ночная фея, ночная гостья и др.* Также в выборке присутствуют лексеммы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка: *пикми-герл,*

капучиница. В отличие от мужских моральных номинаций, где мужчину осуждают за обман, предательство или подлость, женские номинации связаны исключительно с сексуальным поведением и нарушением норм «приличной» женщины. В медийном дискурсе такие ярлыки не просто воспроизводятся, но и становятся объектом рефлексии, авторы шуток вкладывают их в уста общественного мнения, показывая навязанный характер. Обратимся к примерам.

«Я тут познакомился с одной девушкой. Она сказала, что работает ночной феей. Я сначала подумал, что она танцует в стриптиз-клубе, а потом оказалось, что она – ночной сторож в музее!» В данном примере зафиксирована СЛЕ *ночная фея* в значении «женщина легкого поведения». В высказывании обыгрывается стереотип о том, что работа в ночное время может быть связана с чем-то аморальным. Это отражает культурное восприятие ночной активности как потенциально неприемлемой. Однако, в контексте шутки оказывается, что это вполне обычная профессия – ночной сторож, что создаёт эффект обманутого ожидания. Комик подчёркивает необходимость избегать стереотипного мышления и видеть в женщине не только сексуальный объект, но и личность.

«Делать интимные фотографии для девушки сложно. Для меня это был стресс. Так у меня была паническая атака, у ко́та паническая атака. Он на это всё смотрел с видом: «Повезло моему брату, его утопили». Мужчины, я вам, может, открою тайну, но для женщины сфотографироваться голой это капец какой сложный процесс, потому что надо как-то так изогнуться, чтобы не было видно, что ты шлюха. Реально сложно». В рассматриваемом примере зафиксирована СЛЕ *шлюха* со значением «распутная женщина». Одно из самых сильных оскорблений для женщины в русском языке, закрепляющее двойные стандарты: мужская сексуальность поощряется, женская – осуждается. В данном контексте комик не использует лексему, как оскорбление в адрес женщины. СЛЕ проявляется, как внешний ярлык, навязанный женщине, а не как её собственная характеристика.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Морально-нравственные устои» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют женщину через

субстандартные единицы, связанные с сексуальной стигмой. Ключевой особенностью является то, что комики используют эти СЛЕ не для прямого оскорбления, а для критики двойных стандартов и демонстрации того, как общественное осуждение интернализуется женщиной.

Проведённый анализ позволяет заключить, что женские номинации в русскоязычном субстандарте в рамках медийного дискурса преимущественно связаны с внешностью, возрастом, сексуальным поведением и материальной зависимостью. Наиболее многочисленны ЛСГ «Внешность» (142 СЛЕ) и «Супружеские отношения» (158 СЛЕ), что указывает на приоритетные зоны гендерной стереотипизации: женщина оценивается, прежде всего, через телесность и семейную роль.

3.2.2. Лингвокультурологические особенности репрезентации образа мужчины в субстандартной лексике в русскоязычном медийном дискурсе

I. Тематическая группа «Гендерные и сексуальные отношения».

1. Лексико-семантическая группа «Сексуальные отношения» – 129 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужчину через бинарную оппозицию «активный соблазнитель / пассивный подкаблучник». Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские сексуальные номинации представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *ловелас, казанова, бабник, кобель, альфа, сигма, бета, омега, анк, соевый, альфонс* и др. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в субстандартных словарях (*подкаблучник, альфач, симп*). В отличие от женских номинаций, где сексуальность женщины почти всегда стигматизируется, мужская сексуальная активность осуждается лишь в крайних формах. Обратимся к примерам.

«Мужики, мы все мечтаем быть ловеласами, но в реальности получается, что мы больше похожи на подкаблучников». В рассматриваемом примере актуализируются 2 СЛЕ: *ловелас* – мужчина, искусный в любовных делах,

соблазнитель и *подкаблучник* – мужчина, находящийся под влиянием женщины, выполняющий её прихоти. Традиционно, каждый мужчина идеализирует свой образ, как привлекательный, успешный у женщин, доминирующий, но в реальности часто оказывается в зависимом положении в отношениях с женщиной. Мужчин иронично называют «подкаблучниками», что означает «находящиеся под контролем женщины». СЛЕ *подкаблучник* не была выявлена на уровне субстандартных словарей, но была зафиксирована на уровне медийного дискурса. Лексема имеет негативный оттенок и часто используется в юморе для высмеивания мужской слабости.

«Видели этих парней, которые пытаются быть Казановами? Они все такие напыщенные, с этими глупыми ухмылками... А потом, когда им отказывают, они говорят: «Да ты просто меня не достойна!». Ну, конечно, кто же достоин такого Казанова?!» В примере актуализируется СЛЕ *Казанова*, в значении *соблазнитель, ловелас, бабник, мужчина, ведущий активную половую жизнь и часто меняющий сексуальных партнеров*. В данном высказывании высмеивается стереотипный образ мужчины, который пытается казаться привлекательным и уверенным в себе, но на самом деле является неуклюжим и неискренним.

«Некоторые парни ведут себя, как будто они – цари зверей. А на самом деле они просто обычные кобели». В данном выражении актуализируется СЛЕ *кобель* в значении «сексуально активный мужчина, который бежит за каждой юбкой». Комик иронизирует над излишней самоуверенностью, демонстрацией силы, тем самым создавая контраст между стереотипным мнением и реальным поведением. Эгоизм мужчины и его неискренность в отношениях подвергаются критике.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Сексуальные отношения» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют мужчину через субстандартные номинации, которые фиксируют стереотипное противопоставление идеализированного образа (успешный соблазнитель) и его критикуемые воплощения (зависимый, неискренний, животный). Комические стратегии варьируются от высмеивания

мужской самооценки через контраст мечты и реальности до прямой критики эгоизма и примитивизации сексуального поведения. В отличие от женских стигматизирующих номинаций, мужские СЛЕ чаще служат инструментом мягкой или ироничной самокритики мужского сообщества, а не жесткого осуждения.

2. Лексико-семантическая группа «Супружеские отношения» – 62 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужчину в браке через призму его притязаний на роль «главы семьи» и их несоответствия реальному положению дел. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские супружеские номинации представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *царь, барин, хозяин, повелитель, подкаблучник, тряпка, рохля и др.* Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка: *муженёк, босс, хахаль.* В отличие от женских номинаций, где женщина в браке предстаёт как «заноза» или «пила», мужские номинации акцентируют претензию на власть и её несостоятельность. Рассмотрим примеры.

«Мой муженёк думает, что он главный в доме. Ага, как же! Главный по поиску носков и выносу мусора». В анализируемом примере актуализирована СЛЕ *муженёк* в значении «муж», наделенная уменьшительно-ласкательной, с оттенком иронии, коннотацией. В традиционной патриархальной модели гендерных отношений муж – «главный», жена – «подчинённая». Комик высмеивает стереотип о том, что мужчина автоматически является «главой семьи».

«Прихожу домой, а мой хозяин на диване лежит, телик смотрит. Ну, думаю, сейчас я тебе покажу, кто в доме хозяин! И села рядом, смотреть вместе с ним». В рассматриваемом фрагменте зафиксирована СЛЕ *хозяин* в значении «муж». В патриархальной модели гендерных отношений именно мужчина традиционно претендует на роль «хозяина дома»: активного распорядителя, принимающего ключевые решения. Однако в приведённом

высказывании мужская власть оказывается номинальной (единственное, чем занимается «хозяин» – лежание на диване). Рассказчица сначала намеревается оспорить его притязания («сейчас я тебе покажу, кто в доме хозяин»), но её демонстрация власти заключается в том, чтобы сесть рядом и смотреть телевизор. Тем самым шутка разрушает саму идею борьбы за титул хозяина. В реальной повседневной жизни понятие власти теряет смысл, а мужские амбиции оказываются не более чем риторической фикцией. СЛЕ *хозяин* приобретает ироническую коннотацию, закрепляя разрыв между декларируемым главенством и фактическим распределением бытовых ролей.

*«Муж говорит, что он – **босс** в нашей семье. Но я знаю, что на самом деле у нас матриархат».* В данном примере актуализируется СЛЕ *босс* в значении «муж, глава семьи». В шутке высмеивается лидерство мужчины, подчёркивается скрытое влияние женщины на принятие решений в семье. Шутка обнажает разрыв между формальной мужской властью и реальной женской властью. Муж может называть себя *боссом*, но это не меняет фактического положения дел. Слово «матриархат» гиперболизирует женскую власть.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Супружеские отношения» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют мужчину через номинации, связанные с главенством в семье (*муженёк, хозяин, босс*). Комические стратегии направлены на деконструкцию патриархального стереотипа о мужчине как о «главе семьи». Однако, в отличие от женских стигматизирующих номинаций, мужские СЛЕ в данной ЛСГ не несут резко отрицательной оценочности, а служат инструментом мягкой иронии и социальной рефлексии, отражая современные тенденции к пересмотру семейных иерархий.

2. Лексико-семантическая группа «Дружеские отношения» – 73 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужскую дружбу через семантику совместного времяпрепровождения, ритуальных практик (питьё пива, обсуждение женщин) и маркеры внутригрупповой идентичности. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские дружеские номинации представлены лексемами, зафиксированными в

лексикографических источниках: *братан, брат, браток, кореш, кент, друган, корефан, корешок и др.* Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка: *бро, братишка*. Рассмотрим примеры.

*«Самый скучный мужчина в мире – это мужчина, который женился на однокласснице. **Братан**, извини, но ты как будто пришёл в Ашан и купил жвачку у кассы».* В данном примере зафиксирована СЛЕ *братан* со значением «мужчина-друг». Комик обращается к адресату как к «своему» братану, чтобы смягчить последующую критику, так как называет мужчину «самым скучным в мире». Скука здесь не столько характеристика личности, сколько результат выбора: отсутствие попыток покорить женщину, исследовать мир, выйти из зоны комфорта. Стереотип, фиксируемый субстандартной лингвокультурой, требует от мужчины роли «охотника»: он должен завоёвывать, рисковать, искать «добычу» (женщину). Женидьба на однокласснице трактуется в рамках этого стереотипа как отказ от роли, как лень и отсутствие амбиций. СЛЕ *братан* делает шутку не агрессивной, а дружеской, что характерно для мужского стендапа, где критика часто подаётся через самоиронию и обращение к «своим».

*«Сидим мы тут с братаном в баре, пиво пьём, про баб разговариваем. И тут он мне говорит: «**Бро**, а ты знаешь, что...». И дальше такой бред несёт, что я чуть пивом не подавился!»* В рассматриваемом примере актуализируется СЛЕ *бро* в значении «мужчина-друг», современное заимствование из английского (*bro*). Данная СЛЕ не зафиксирована в субстандартных лексикографических источниках. Ситуация в баре, где друзья пьют пиво и обсуждают женщин, типичный образ мужского времяпрепровождения. Комик, используя обращение *бро*, мгновенно устанавливает интимную связь с мужской частью зала. Он говорит с ними на их языке, становясь «своим парнем». В то же время для женской аудитории это слово служит маркером, который вводит их в закрытый мужской мир и позволяет посмотреть на него со стороны. Шутка воспроизводит и одновременно высмеивает устойчивый культурный стереотип о том, что мужчины могут собираться вместе, пить пиво и говорить о женщинах,

но их «глубокие» разговоры часто оказываются поверхностными и бессмысленными («бред несет»). При этом критика направлена не на мужскую дружбу, а на её внешний ритуал, на разрыв между самооценкой («мы тут важные дела обсуждаем») и реальным содержанием разговора.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Дружеские отношения» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют мужскую дружбу через субстандартные единицы, которые фиксируют интимно-фамильярные, горизонтальные связи между мужчинами. Комические стратегии направлены на ироническую деконструкцию стереотипов о мужском поведении: «охотника-завоевателя» (женитьба на однокласснице как «скучный» выбор) и стереотипа о содержательности мужских разговоров (разговоры «про баб» как «бред»). Обращения к «своему» (братан, бро) смягчают критику и позволяют комику оставаться внутри мужского сообщества, высмеивая его изнутри, а не извне. Отсутствие лексикографической фиксации у СЛЕ *бро* указывает на динамичность современной субстандартной лексики и её активное пополнение за счёт англицизмов.

II. Тематическая группа «Атрибуты личности».

1. Лексико-семантическая группа «Внешность» – 109 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужскую внешность через образы гипермаскулинности, физической силы и их антиподов: непривлекательность, мягкость. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации внешности представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *самец, брутал, качок, терминатор, котик, задрот, ботаник, очкарик, хлюпик, дохляк, слабак, дистрофик, толстяк, пухляш, бочка, боров* и др. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандартной лексики русского языка: *жеребец, мачо, альфач, бодибилдер*. В отличие от женских номинаций, где женщина оценивается через внешность (красивая / некрасивая), мужские номинации оценивают соответствие

поведенческим и статусным стереотипам (качает мышцы, покупает дорогие машины) или их отсутствие. Рассмотрим примеры.

«Мужики, зачем вы так стараетесь быть мачо? Зачем качаете мышцы, покупаете дорогие машины? Просто будьте собой! Будьте добрыми, умными, заботливыми... Ну или хотя бы не храпите». В примере зафиксированы СЛЕ *мачо* в значении «мужественный, сильный, уверенный мужчина, который пользуется успехом у женщин», выражение «качаете мышцы, покупаете дорогие машины» является перечисление стереотипных атрибутов мачо, прилагательные «добрыми, умными, заботливыми» – перечисление положительных личностных качеств. В шутке отображается критика культа маскулинности, ориентированной на внешние признаки успеха и силы, акцент делается на призыве к аутентичности и развитию личностных качеств, к отказу от стереотипных стандартов мужественности, признание важности эмоционального интеллекта и заботы о других.

«Видел тут одного жеребца. В спортзале живет, протеины жрет, селфи каждый день выкладывает. А в голове – пустота. Лучше бы книжку почитал». В процитированном высказывании также прослеживаются гендерные стереотипы. Мужчина описывается через призму физической силы: «жеребец», «в спортзале живёт», «протеины жрёт». СЛЕ отражают традиционные представления о мужественности, которые, однако, подвергаются критике: «лучше бы книжку почитал», что может свидетельствовать тому, что ум у мужчины ценится больше, чем мускулы.

«Все женщины любят жеребцов. А я люблю котиков. Они такие мягкие, пушистые и мурлыкают. Жеребцы, конечно, тоже ничего, но с ними столько мороки». В указанном фрагменте противопоставляются два типа мужчин: «жеребцы» и «котики». СЛЕ *жеребец* использована для описания мужчины, который соответствует традиционным представлениям о мужественности: физически сильный, уверенный в себе. СЛЕ *котик*, напротив, ассоциируется с мягкостью, уютом и спокойствием. В субстандартной русскоязычной картине мира данное противопоставление отражает стереотипное деление мужчин на

«мачо» и «котиков». Комик иронично подчёркивает, что «жеребцы» – это не идеал, с ними «столько мороки», что указывает на переосмысление традиционных представлений о мужской привлекательности. В современном обществе всё больше ценится не только внешняя сила и статус, но и внутренние качества, такие как доброта, забота и эмоциональность.

«Все думают, что задроты – это такие небритые, невытые парни в очках, которые целыми днями сидят за компьютером. А я вот бреюсь каждый день, моюсь каждый день и даже иногда выхожу на улицу! Правда, только до ближайшего компьютерного магазина». В анализируемом примере зафиксирована СЛЕ *задрот* в значении «непривлекательный мужчина». В примере обыгрывается стереотипный образ «задрота» – мужчина, который увлечён компьютерами или видеоиграми и не следит за своей внешностью. Этот стереотип связан с представлениями о том, что увлечение информационными технологиями делает человека «неухоженным» и «асоциальным». Комик, используя иронию, подчёркивает, что стереотипы не всегда соответствуют реальности. СЛЕ «задрот» имеет негативную коннотацию, но в данном контексте оно используется с юмором, что смягчает его значение.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Внешность» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют мужчину через субстандартные единицы, фиксирующие стереотипные представления о привлекательности и непривлекательности мужчины. Комические стратегии направлены на деконструкцию культа внешней силы и успеха: высмеивается пустота за красивой оболочкой, приоритет внешних атрибутов над внутренними качествами, а также стереотипное деление мужчин на «жеребцов» и «котиков» с явной симпатией к последним.

2. Лексико-семантическая группа «Характер» – 110 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужской характер через лень, пассивность, агрессивность и отсутствие волевых качеств. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации характера представлены лексемами, зафиксированными в

лексикографических источниках: *тюфяк, рохля, размазня, тряпка, бык, баран, хряк (о грубом), кабан (о неуправляемом), лис, волк и др.* Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка: *тюлень, лось*. Рассмотрим примеры.

«Я настолько ленивый, что даже мой кот смотрит на меня с презрением. Он, наверное, думает: «Ну что за тюлень? Даже я больше двигаюсь, чем он!»». В данном примере зафиксирована СЛЕ *тюлень* в значении «ленивый, неповоротливый, медлительный мужчина». СЛЕ *тюлень* не выявлена в субстандартных лексикографических источниках. Животное *тюлень* ассоциируется с медлительностью, пассивностью, ленью. Слово несёт не только оценку медлительности, но и упрёк в отсутствии волевых качеств, мужественности, активности. В русской картине мира лень является негативной чертой характера. Однако комик не боится признать эту черту своего характера, делает это с юмором, что смягчает негативную коннотацию.

«Некоторые мужики думают, что если они будут вести себя как лоси – громко разговаривать, толкаться и пить пиво литрами, то они будут казаться крутыми. Но на самом деле они просто выглядят как идиоты». В приведенном фрагменте актуализируется СЛЕ *лось* в значении «мужчина, который ведёт себя шумно, агрессивно, «по-мужски»: громко говорит, толкается, много пьёт, стремится доминировать. СЛЕ *лось* не выявлена в субстандартных лексикографических источниках. Перенос основан на внешнем сходстве с животным: лось – крупное, сильное, иногда агрессивное животное, которое может быть опасным. Автор иронично подчёркивает, что такое поведение не делает мужчин «крутыми», а, наоборот, вызывает негативное впечатление.

Таким образом, СЛЕ ЛТГ «Характер» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют мужские черты через субстандартные единицы, характеризующие мужскую лень, пассивность и агрессивную маскулинность. Комические стратегии варьируются от самоиронии и смягчения негативной коннотации (признание лени) до внешней критики и осмеяния (разоблачение претензий на крутость). Использование зооморфных СЛЕ снижают человеческие

качества мужчины, а также критикуют стереотипные представления о настоящем мужчине.

3. Лексико-семантическая группа «Интеллект» – 121 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужской интеллект через семантику когнитивной недостаточности (глупость, медлительность, несообразительность, наивность), причём такие качества стигматизируются как несоответствие маскулинному идеалу «быстрого, решительного, умного» мужчины. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские номинации интеллекта представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *тормоз, тупица, дурак, дебил, балбес, болван, дуралей, лопух, лошара, простофиля, растяпа, разиня, недотёпа, баран, осёл, пень и др.* Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка: *слипер, лох, олух, пустозвон, пруфлайн.* Рассмотрим примеры.

*«Этот парень не то, чтобы **тормоз**, он просто мыслит стратегически. Очень, очень стратегически».* В этом примере зафиксирована СЛЕ *тормоз* в значении «глупый мужчина», употребленная с резко отрицательной коннотацией. Употребление СЛЕ по отношению к мужчине подчёркивает его интеллектуальную несостоятельность, неспособность быстро реагировать, понимать происходящее. Это отражает стереотип о том, что мужчина должен быть быстрым, сообразительным, решительным, а медлительность – это отклонение от нормы маскулинности. Комик обыгрывает данный стереотип, используя иронию, где недостаток выдаётся за особенность мышления.

*«Моя девушка постоянно меня разыгрывает. То соль в кофе подсыплет, то будильник на 3 часа ночи поставит. Я, конечно, не **лошара**, но иногда мне кажется, что она надо мной издевается».* В данном примере зафиксирована СЛЕ *лошара*, в значении «глуповатый, невезучий, неуклюжий, доверчивый мужчина». Коннотация отрицательная, с оттенком насмешки и жалости. В шутке обыгрывается стереотип о том, что мужчины могут быть наивными и доверчивыми. В русской патриархальной культуре мужчина не должен быть

жертвой розыгрышей, особенно со стороны женщины. Быть «лошарой» означает не только быть глупым, но и терять статус хозяина положения, доминантного партнёра. Признание мужчиной того, что женщина позволяет себе над ним насмехаться, маркируется как демонстрация собственной слабости, что несовместимо с образом маскулинного доминирования. Однако, комик не стесняется признать свое положение («я не считаю себя лошарой»), но делает это с юмором, что позволяет сохранить лицо и посмеяться над собой.

Таким образом, в русскоязычном медийном дискурсе СЛЕ ЛСГ «Интеллект» фиксируют когнитивные недостатки мужчины (медлительность, несообразительность, доверчивость, невезучесть, социальную наивность), которые воспринимаются как несовместимые с маскулиным идеалом. Самоирония становится защитным механизмом, позволяющим мужчине признать свою уязвимость, не теряя маскулинного достоинства. Гендерная асимметрия проявляется в том, что требования к когнитивной оперативности и социальной доминантности предъявляются, прежде всего, к мужчинам. Полученные результаты позволяют говорить о том, что субстандартные номинации мужского интеллекта являются важным инструментом конструирования и критики маскулинности в современной русской культуре.

4. Лексико-семантическая группа «Возраст» – 33 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют возраст мужчины через три основные модели: молодой привлекательный парень; мужчина средних лет; пожилой мужчина. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские возрастные номинации представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *кекс, мамонт, хрыч* и др. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка: *чечик, анк, тюбик, скуф*. Обратимся к примерам.

«Пошла я тут на свидание с одним кексом. Он весь вечер рассказывал о своих мышцах и тачках. Я чуть не заснула! Лучшие бы он мне стихи почитал». В данном примере актуализирована СЛЕ *кекс* в значении «привлекательный, интересный молодой человек, юноша». В шутке обыгрывается стереотип о том,

что молодые мужчины (*кексы*) часто сосредоточены на внешних атрибутах, таких, как физическая форма, материальные ценности. Комик использует СЛЕ, намекая, что парень будет современным, весёлым и, возможно, интересным собеседником. Но вместо увлекательного диалога мужчина занимается самолюбованием («весь вечер рассказывал о своих мышцах и тачках»), что указывает на стереотипное демонстративное мужское поведения, направленное на подтверждение собственной «крутости» и статуса. Однако, рассказчик ломает стереотип: «Я чуть не заснула! Лучше бы он мне стихи почитал». Эмоциональный аспект отношений приобретает для девушки доминирующее значение.

«Некоторые мужчины до сих пор считают, что женщина должна сидеть дома и борщ варить. Это просто мамонт какие-то! Сейчас женщины и в космос летают, и бизнесом управляют!» В данном примере зафиксирована СЛЕ *мамонт*, в значении *мужчина, который не успевает за современными социальными изменениями*. В русской культуре мамонт является символом чего-то древнего, тяжёлого, нежизнеспособного. Называя мужчину *мамонтом*, комик не просто критикует его взгляды, но и указывает на возраст мужчины.

«Мне 35, а я пытаюсь врубиться в тикток. Точно, я же анк! Пора покупать скейт и надевать кеды, пока спина не заболела». В рассматриваемом примере зафиксирована СЛЕ *анк* в значении *мужчина старше 30 лет (часто 30–40), который пытается выглядеть и вести себя как подросток*: следит за молодёжными трендами, использует актуальный сленг, носит соответствующую одежду (кеды, худи, скейтерские бренды), осваивает новые соцсети. СЛЕ не выявлена в субстандартных лексикографических источниках, образована от английского uncle (дядя) и русифицирована через сокращение и адаптацию. Коннотация иронично-снисходительная, с оттенком мягкой насмешки.

Таким образом, мужские возрастные номинации организуются вокруг трёх ключевых образов: молодой привлекательный парень (*кекс*), мужчина с архаичными взглядами (*мамонт*), мужчина средних лет, подражающий подросткам (*анк, скуф, чечик, тюбик*). В отличие от женских возрастных

номинаций, где акцент делается на внешней привлекательности и утрате репродуктивной ценности (*старуха, карга*), мужские номинации оценивают поведенческие и культурные маркеры возраста: соответствие поведения возрасту, отсталость от современных норм, инфантильность.

III. Тематическая группа «Социальная стратификация и этическое поведение».

1. Лексико-семантическая группа «Профессиональная деятельность» – 10 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужскую профессиональную деятельность через единичные маргинальные номинации. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские профессиональные номинации представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *вышибала, бомбила, барыга, мент, мусор, погоняло*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка, например, *фейсер, чопик, гаишник, гоблин*. В отличие от английских мужских профессиональных номинаций, где высмеиваются целые индустрии (полиция, IT, корпоративный менеджмент), эмпирический материал на базе русского языка практически не даёт критических номинаций по профессиям. Малочисленность группы (10 СЛЕ) указывают на то, что профессиональная деятельность мужчины в русском субстандарте уступает место другим темам (характер, внешность, сексуальные отношения). Рассмотрим примеры.

*«Пытались с другом вчера пройти в крутой клуб. **Фейсер** окинул нас взглядом и говорит: «Ребята, вы вообще кто? У вас лица грустные, вы нам клиентов распугаете». Друг обиделся, ушёл, через час вернулся в костюме сантехника, с разводным ключом и заявляет: «Принимайте заявку на ремонт унитаза. Срочно! Кто тут главный? Я с проверкой!» Сказать, что фейсер опешил, – ничего не сказать. А друг потом мне: «Видишь? Не хотели по-хорошему, пришлось по-плохому. У каждого из нас в багажнике должен лежать разводной ключ на случай фейс-контроля!»». В рассматриваемом примере зафиксирована СЛЕ *фейсер* в значении «охранник». СЛЕ не была выявлена в*

субстандартных лексикографических источниках, образована от английского «face». Коннотация – иронично-негативная. СЛЕ *фейсер* предстает как символ социального неравенства, когда клубы использовали фейс-контроль для создания элитной атмосферы заведения. В шутке комик занимает позицию человека, который нашёл способ обойти абсурдную бюрократию с помощью хитрости, а не подчинения.

«Едешь ночью по городу, никого не трогаешь. И тут – проблесковый маячок. Подходит мент и смотрит на тебя так, будто ты только что ограбил банк. А ты просто поворотник забыл включить. И в этот момент ты понимаешь: закон – это не справедливость, это лотерея, в которой мент – крупье, а ты – вечно проигрывающий лох». В данном фрагменте актуализируется СЛЕ *мент*, которая в русском языке относится к резко отрицательным номинациям полицейского. В контексте шутки лексема используется не просто как обозначение профессии, а как социальный маркер асимметрии власти: комик описывает ситуацию, в которой рядовой гражданин («лох») оказывается в заведомо проигрышной позиции перед представителем системы власти.

Таким образом, проведённый анализ субстандартных единиц, репрезентирующих профессиональную деятельность мужчины в русскоязычном стендапе, позволяет сделать вывод о маргинальности и фрагментарности данной темы в медийном дискурсе. Крайне незначительный объём выборки (всего 10 лексем) свидетельствует о том, что работа мужчины, в отличие от других аспектов маскулинности (внешность, характер, сексуальные отношения), не является значимой темой. В зафиксированных номинациях (*фейсер, мент, вышибала, бомбила, барыга, мусор, чопик, гаишник, гоблин, погоняло*) акцент смещён не на профессиональные функции как таковые, а на социальный статус и властные отношения, связанные с той или иной деятельностью. Лексемы *мент* и *фейсер* становятся символами асимметрии власти, бюрократического произвола и социального неравенства. В отличие от английского материала, где высмеиваются целые индустрии (полиция, IT, корпоративный менеджмент),

русский субстандарт практически не даёт развёрнутой критики профессиональной деятельности мужчины.

2. Лексико-семантическая группа «Финансовый статус» – 34 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужской финансовый статус через полярные образы: обеспеченный мужчина и скупой, экономный мужчина. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские финансовые номинации представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *папик, скряга, жмот, скупердяй, крохобор, нищеврод, босяк, бич, голодранец и др.* Также в выборке присутствуют лексемы, ранее не зафиксированные в словарях субстандартной лексики русского языка: *папик, масик, бролигарх, нувориш.* В отличие от женских финансовых номинаций, где женщина предстаёт как иждивенка или объект зависти, мужские номинации оценивают способность зарабатывать и готовность тратить. Рассмотрим примеры.

«Знакомится со мной в баре девушка. Спрашивает: «А ты кто по жизни?» Я говорю: «Работаю, коплю на квартиру». Она смотрит на меня с таким сожалением и выдаёт: «Жаль. А я думала, ты – папик»». В приведённом фрагменте встречается СЛЕ *папик* (обозначение обеспеченного мужчины, часто среднего или старшего возраста). Лексикографические источники субстандарта данную единицу не фиксируют. Комик высмеивает меркантильные отношения, когда мужчину оценивают не по личным качествам, а по финансовому статусу.

«Девушка посмотрела на меня и говорит: «Ты, конечно, хороший, но ты – не масик». Я, если честно, даже не сразу понял, обижаться мне или радоваться. Спрашиваю: «А масик – это кто?» Она мне объясняет: «Это который цветы дарит, комплименты говорит, плечо подставляет». Я говорю: «Так я же тебе помог, когда ты кошелёк потеряла!» А она: «Ну, ты помог, а масик бы сразу потерял свой и сказал: «Вот, держи, я же масик»». В процитированном высказывании отмечена СЛЕ *масик* в значении «обеспеченный мужчина (часто среднего или старшего возраста)». В субстандартных лексикографических источниках данная единица не выявлена. В шутке девушка выступает в роли

эксперта, который определяет, кто достоин звания «масик», кто нет. Шутка обнажает разрыв в гендерных ожиданиях: мужчины часто мыслят прагматично, женщины – эмоционально-символически.

«Когда я только появился в «Stand Up», в своих первых монологах я рассказывал о том, что я работаю в Метро, у меня нет денег, я скряга. Но сейчас мне Руслан Белый говорит: «Лёх, не хватит уже, ты четыре года в телике, никто не поверит, что ты скупой, не надо рассказывать, что ты скупой». Так я и не скупой! Я никогда в жизни не говорил, что я скупой. Скупой – он что? Платит дважды. А я вообще не плачу. О чём ты говоришь, Руслан? Ты слушаешь вообще?» В анализируемом примере актуализируется СЛЕ *скряга* в значении «мужчина, который чрезмерно экономит, не желает тратить деньги даже в ситуациях, когда это социально ожидаемо». В рамках субстандарта в русской культуре быть «скрягой» для мужчины особенно стыдно, так как это нарушает стереотип о щедром добытчике. Комик снимает этот стыд, превращая недостаток в гипертрофированное достоинство: «я вообще не плачу» звучит уже не как жадность, а как принципиальная позиция.

Таким образом, СЛЕ ЛСГ «Финансовый статус» в русскоязычном медийном дискурсе репрезентируют мужчину через субстандартные единицы, которые фиксируют стереотип о мужчине-«кошельке» и о щедрости, как обязательном маскулинном качестве.

3. Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои» – 12 СЛЕ. Субстандартные лексемы данной ЛСГ репрезентируют мужчину через призму его моральных качеств, причём, в отличие от женских номинаций, мужские номинации осуждают нарушения социальных норм – трусость, предательство, грубость, обман, жадность, а также неверность. Анализ выборки лексем из материалов русскоязычного медийного дискурса показал, что мужские моральные номинации представлены лексемами, зафиксированными в лексикографических источниках: *аферист, жулик, крыса, мерзавец, ссыкун, кобель, бабник, святоша, хамло*. Также в выборке присутствуют лексемы, ранее

не зафиксированные в словарях субстандарта русского языка: *снитч*, *крохобор*, *тартюф*. Обратимся к примерам.

«Мне 38 лет, но я сильно не совпадаю с ровесницами по интересам, потому что у меня нет детей, я разведена, всё логично. Но они жёсткие, хотя у них и жизнь жёсткая. Они обе замужем, они мне таких историй понарасказывали. Одна говорит, что поймала мужа на измене. И знаете, что он ей сказал? Сказал: «Я изменял для того, чтобы понять, что ты у меня самая лучшая». Типа это не измена, это контрольная закупка. Человек следит за качеством. Как-будто он у неё не кобель, а Роспотребнадзор». В рассматриваемом примере зафиксирована СЛЕ *кобель* в значении *мужчина склонный к частым необременительным сексуальным контактам, «гуляющий» мужчина*. Мужчинокобель – классический патриархальный типаж, чья сексуальная активность воспринимается как данность, как проявление его «мужской природы». Шутка высмеивает не только само поведение, но и попытку придать этому поведению видимость осмысленности и полезности. Объектом насмешки становится мужской нарциссизм, стремящийся превратить предательство в инструмент самоутверждения.

«Мы с ним как братья были, друг за друга горой. А потом он пошёл и всё начальнику рассказал. Ну, прямо как крыса. А я ему говорю: «Ты теперь для меня не брат, ты просто снитч, который продался за копейки». И ведь улыбался ещё при этом, гад». В данном отрывке сравнение «прямо как крыса» актуализирует зооморфную метафору: крыса ассоциируется с тайным, подлым поведением, предательством «своих» ради личной выгоды. Говорящий использует это сравнение до прямого названия предателем, подготавливая эмоциональный фон. СЛЕ *крыса* служит маркером одного из ключевых табу в мужском сообществе. СЛЕ *снитч* образована от англ. *snitch* – доносчик, предатель. В финале фрагмента СЛЕ *гад* выполняет эмоционально-оценочную функцию, подкрепляя предыдущие СЛЕ. Лексема не добавляет новой семантики, но усиливает экспрессию и выражает личное отношение говорящего.

Проведённый анализ СЛЕ в рамках обозначенных тематических групп позволяет обозначить следующие гендерные стереотипы: 1) мужчина-«охотник» и добытчик – идеал, требующий активности, риска, сексуальной успешности и финансовой щедрости. Его антиподами являются мужчины *подкаблучники* (зависимые), *скряги* (жадные), *тюлени* (ленивые), *тормозы* (медлительные); 2) мужчина-«глава семьи». СЛЕ *муженёк*, *хозяин*, *босс* демонстрируют разрыв между декларируемой властью и реальным бытовым положением; 3) мужчина-«гипермаскулинный» (культ внешней силы (мачо, жеребец)), высмеивается пустота за красивой оболочкой (отсутствие интеллекта, неискренность, примитивизация поведения); 4) мужчина-друг – гомосоциальная солидарность, ритуалы (бары, разговоры «про баб»). СЛЕ *братан*, *бро* позволяют высмеивать внешнюю сторону мужской дружбы (поверхностность, бред), оставаясь внутри сообщества. Значительная часть проанализированных СЛЕ (*папик*, *масик*, *анк*, *бро*, *тюбик*) отсутствует в субстандартных словарях, но активно функционирует в медийном дискурсе. Таким образом, именно стендап-дискурс выполняет функцию легитимизации новых языковых единиц, фиксируя их в актуальном медийном пространстве и обеспечивая им переход из окказиональных в узуальные, даже при отсутствии лексикографической фиксации.

3.3. Сравнительно-сопоставительное исследование гендерных отношений в медийном дискурсе в английском и русском языках: лингвокультурологический аспект

Заключительным этапом исследования выступил сравнительно-сопоставительный анализ субстандартных лексем, номинирующих лиц женского и мужского пола, в английском и русском медийном дискурсе на материале стендап-выступлений, позволивший выявить сходства и различия в конструировании гендерных отношений. Вся отобранная на уровне медийного дискурса субстандартная лексика русского и английского языков была

классифицирована в соответствии с тремя основными тематическими группами: «Гендерные отношения», «Атрибуты личности», «Социальная стратификация и этическое поведение». Каждая тематическая группа включает в себя определенные лексико-семантические группы.

В английском языке в лексико-семантической группе «**Сексуальные отношения**» доминируют женские номинации, что указывает на гиперфокусировку на женских ролях. Образ женщины формируется через объективацию: метафоры потребления (*a pie – пирог*) и гиперсексуализации (*sex bomb – секс-бомба*) подчёркивают её пассивную роль, как объект мужского желания. В то же время мужские номинации представлены через активность (*player – ловелас*) и зависимость (*simp – простак, спонсор*), воспроизводя патриархальную дихотомию «активный мужчина – пассивная женщина». Однако, ирония в примере «*My ex called me vanilla... You're more thrilling than watching paint dry*» критикует стереотип о мужской сексуальной доминанте, демонстрируя сдвиг в восприятии гендерных ролей. В русском языке также доминируют женские номинации. Женщины часто описываются через призму меркантильности (*содержанка*) и гиперсексуальности (*бомба*), тогда как мужчины критикуются за инфантилизм (*подкаблучник*) и показную браваду (*кобель*). Шутки вроде «*Мужики – козлы! Нам хорошо по-простому, а вам – как в кино*» обыгрывают гендерный конфликт, противопоставляя мужскую прямолинейность женским романтическим ожиданиям. При этом ирония в примере «*После 10 лет брака какой я Казанова? Теперь я выбираю молоко*» развенчивает миф о мужской неотразимости.

В сфере **супружеских отношений** английский медийный дискурс демонстрирует сдвиг к перераспределению ролей (*house husband, my boss*), тогда как русский медийный дискурс чаще иронизирует над традиционной моделью (*муженёк, хозяин*), сохраняя патриархальный подтекст. Количественно русский материал (120 СЛЕ) богаче английского (105 СЛЕ), что подчёркивает значимость темы семьи в русской лингвокультуре.

Дружеские отношения в обоих языках гендерно асимметричны: мужские номинации дружбы численно преобладают над женскими (в английском: 86 СЛЕ (мужские номинации) и 68 СЛЕ (женские номинации); в русском: 123 СЛЕ (мужские номинации) и 113 СЛЕ (женские номинаций). При этом общее количество лексем в русском языке (236 СЛЕ) значительно выше, чем в английском (154 СЛЕ), что может свидетельствовать о большей вербализованности темы дружбы в русском медийном дискурсе. Однако ключевая асимметрия – не в абсолютных цифрах, а в самом факте доминирования мужских номинаций в обоих языках, что отражает устойчивый культурный стереотип о мужской дружбе как о более значимом феномене.

Внешность остаётся ключевым маркером гендерных стереотипов. В рамках медийного дискурса в данной лексико-семантической группе зафиксирован дисбаланс: 143 СЛЕ описывают внешние признаки женщин против 94 СЛЕ, номинирующих внешность мужчин. Женская привлекательность связывается с соответствием стандартам (*dolly-bird* – «куколка»), тогда как отклонения маркируются оскорбительно (*cow* – «корова»). Критика бодишейминга (*She's a person, with feelings and dreams*) смягчает негатив, подчёркивая ценность личности. Мужские номинации (*beefcake* – качок, *hunk* – красавчик) актуализируют стереотипы маскулинности, но ирония (*He thought the Earth was flat*) развенчивает культ физической силы в ущерб интеллекту. В рамках медиа дискурса женские номинации рассматриваемой группы (142 СЛЕ) часто носят оценочный характер: «бомба» (привлекательная женщина) контрастирует с уничижительным «толстуха». Критика бодишейминга («*Зато у меня есть что обнять*») смягчает стигматизацию, акцентируя принятие тела. Мужские номинации – 109 СЛЕ (*жеребец, задрот*) высмеивают стереотипы маскулинности: гипертрофированная сила (*жеребец*) противопоставляется интеллектуальной несостоятельности («*Лучше бы книжку почитал*»).

Среди СЛЕ английского языка лексико-семантической группы «**Характер**», актуализированных в медиа дискурсе, на 99 мужских номинаций приходится 125 женских, в которых демонстрируется переоценка гендерных

стереотипов: «*hell-cat*» (бунтарка) переосмысливается как героиня, борющаяся за права, а «*sarcastic bitch*» из оскорбления трансформируется в символ уверенности. Мужские номинации (*alpha male*, *cheeky git*) высмеивают токсичную маскулинность, что отражает тренд на критику гипертрофированных гендерных ролей. В русском языке лексико-семантическая группа «Характер» (110 СЛЕ – мужские номинации, 115 СЛЕ – женские) также демонстрирует переосмысление гендерных стереотипов: «стерва» из оскорбления превращается в символ женской независимости («стерва – это та, что добивается своего»). Мужские номинации (*тюлень – ленивый, лошара – наивный*) иронизируют над пассивностью, но смягчаются саморефлексией («Я хоть моюсь каждый день!»).

Лексико-семантическая группа «Интеллект» в медиа дискурсе в английском языке по количеству актуализированных СЛЕ сбалансирована – 123 СЛЕ представляют мужские номинации и СЛЕ 128 – женские. В русском языке наблюдается количественный дисбаланс, в котором женских номинаций больше (179 СЛЕ по сравнению с 135 СЛЕ – мужскими номинациями), что отражает бóльшую фиксацию на «женской глупости» как объекте шуток. В английской субстандартной лингвокультуре мужчина часто описывается как «глуповатый» и «недалёкий», но с самоиронией. Например: «*a boob*» (болван), «*bullfinch*» (глупый мужчина) – ироничное принятие неудачи («Я – глупец, но сменил имя, чтобы это стало забавным»), «*nutter*» (чудак) – чудачество подаётся как привлекательная черта, приносящая радость.

Женщина описывается с акцентом на «наивность» и «рассеянность», но с элементами критики данных стереотипов: «*silly moo*» (глупая корова) – пренебрежительный термин, смягчённый контекстом («рассеянность как милая черта»), «*fucking dumb*» – табуированная тема влияния материнства на когнитивные способности, «*ditzy blonde*» (глупая блондинка) – высмеивание стереотипа («разрушаю миф, что блондинки неумны»). Ключевыми стереотипами образа мужчины на уровне субстандарта в русском языке являются медлительность и наивность: «*тормоз*» – ироничное описание

медленного мышления («мыслит стратегически... очень-очень стратегически»), «лошара» – доверчивый мужчина, объект шуток («не лошара, но девушка издевается надо мной»). Образ женщины представлен с акцентом на «глупости» и «легкомыслии», но с попытками переосмысления: «дурында» – иронично-ласковое обращение («в слове есть что-то родное»), «блондинка» – стереотип о рассеянности («я забыла телефон, ну что с меня взять – блондинка»), «стерва» – переосмысление негатива в позитив («стерва – та, кто знает, чего хочет!»).

Лексико-семантическая группа «Возраст» в английском медиа дискурсе представлена 77 СЛЕ мужскими номинациями и 112 СЛЕ женскими, в русском языке – 33 СЛЕ и 45 СЛЕ соответственно. В английском медийном дискурсе сильнее выражено стремление к позитивному переосмыслению возраста («*silver fox*», «*уитту титту*»), тогда как русский медийный дискурс чаще использует иронию для критики («*старушенция*», «*мамонт*»). Английские СЛЕ («*old-timers*») смягчают негатив, в русском языке номинации остаются более прямолинейными («*старуха*»). В обоих языках мужчины ассоциируются с солидностью и статусом, женщины – с утратой привлекательности. Однако в русском языке этот дисбаланс выражен резче: женский возраст чаще становится объектом пренебрежения. Отметим также, что английский медийный дискурс активнее борется с эйджизмом, подчёркивая ценность опыта («*old lady*» как символ мудрости). В русском языке критика возрастных стереотипов присутствует, но чаще подаётся через сарказм, что отражает переходный этап в восприятии старения. Лексико-семантическая группа «Возраст» в обоих языках отражает противоречие между устоявшимися стереотипами и попытками их преодоления. Если английский медийный дискурс посредством употребления субстандартных лексем акцентирует переосмысление зрелости через позитивные метафоры, то русский тяготеет к иронии как инструменту критики, сохраняя при этом традиционные взгляды.

В лексико-семантической группе «**Профессиональная деятельность**» в английском медийном дискурсе доминируют мужские субстандартные номинации (118 СЛЕ – мужские и 1 СЛЕ – женская), что подтверждает стереотип

о мужчинах как «добытчиках»: *tech bro* (IT-специалист) иронизирует над нарциссизмом, *cop* (полицейский) – над злоупотреблением властью. Женская номинация *influencer* обесценивается, отражая скепсис к «нетипичным» для женщин профессиям.

В русском языке рассматриваемой группы гендерные роли не нашли свое отражение, что косвенно подтверждает стереотип о мужчине-добытчике.

В лексико-семантической группе «**Финансовый статус**» в английском медийном дискурсе мужчина чаще ассоциируется с богатством (*fat cat* – «толстосум»), а женщина – с зависимостью (*trust fund baby*). Однако, самоирония в примере «*My wallet is hypoglycemic*» (*sugar daddy*) подрывает стереотип о мужчине-спонсоре. В русском языке мужчина ассоциируется с бедностью (*нищоброд*), а женщина – с привилегиями (*содержанка*), подчёркивая социальное неравенство. Шутка «*Лучше быть содержанкой, чем нищобродом*» критикует меркантильность, но и отражает прагматизм современных отношений.

Анализ актуализированных СЛЕ русского и английского языков лексико-семантической группы «**Морально-нравственные устои**» выявил, как гендерные стереотипы формируют представления о морали в медийном дискурсе, подчёркивая различия в оценке поведения мужчин и женщин. В обеих лингвокультурах прослеживается тенденция к закреплению «двойных стандартов», где женские номинации чаще ассоциируются с нарушением этических норм, а мужские – с открытой критикой их аморальных поступков.

В медийном дискурсе английского языка было отобрано 106 СЛЕ (из них 42 СЛЕ мужские, 64 СЛЕ женские). Женские номинации фокусируются на «нарушении» ожидаемых норм (корысть, лицемерие), мужские – на аморальности как личностном качестве: «*goody two-shoes*» (паинька) – ироничное обозначение «чрезмерной правильности», которая воспринимается как лицемерие («она не помогает, но хочет казаться идеальной»), «*gold digger*» (корыстная женщина) – критика меркантильности, но с подтекстом укоренённого стереотипа («женщины хотят денег, а не любви»), «*thots*» (обозначение женщин с активной сексуальной жизнью) – сексистский ярлык,

отражающий двойные стандарты в оценке поведения; мужчины: «*sleazeball*» (подлый тип) – прямое осуждение аморальности («лгал, чтобы добиться женщин»), «*rotter*» (мерзавец) – акцент на деструктивном поведении («готов испортить вам день»).

В медийном дискурсе русского языка было актуализировано 73 СЛЕ (все женские). Доминирование женских номинаций указывает на гиперфокусировку на женской морали как объекте оценки: «*ночная фея*» – СЛЕ, изначально намекающая на аморальность, но переосмысленная через юмор («оказалось, она – сторож в музее»), «*иллюха*» – оскорбление, отражающее табуированность женской сексуальности («подозрение в измене»).

Лексико-семантическая группа «Морально-нравственные устои» в медийном дискурсе в обоих языках демонстрирует асимметрию в оценке гендерного поведения, но с разными акцентами. Английский медийный дискурс, несмотря на критические ноты, сохраняет элементы стереотипизации, тогда как русский – более жёстко фиксирует традиционные нормы, осуждая женщин за отклонение от ожидаемых ролей. Преобладание женских номинаций в обеих лингвокультурах подтверждает тезис о том, что моральные оценки в медиа дискурсе остаются инструментом контроля над женским поведением, подчеркивая необходимость дальнейшего изучения этих механизмов в контексте гендерного равенства.

Таким образом, субстандартная лексика в англоязычном медийном дискурсе служит инструментом как закрепления, так и пересмотра гендерных стереотипов. Доминирование объективирующих номинаций в отношении женщин и акцент на мужской активности сохраняют традиционные рамки, однако ирония, саморефлексия и переосмысление ярлыков указывают на эволюцию общественного сознания в сторону большей гендерной чувствительности. Русский медийный дискурс сохраняет патриархальные установки (хозяин в семье – иллюзорный лидер), но активно их деконструирует через иронию. Табуированность женской телесности контрастирует с открытым обсуждением мужских комплексов («слон в спичечном коробке»).

Феминистские нарративы (матриархат, стерва-героиня) медийного дискурса и критика двойных стандартов («старуха» против «солидный мужчина») сигнализируют о сдвиге в восприятии гендерных ролей.

Проведённое исследование выявило как общие тенденции, так и культурно обусловленные различия в конструировании гендерных образов через субстандартную лексику в английском и русском медийном дискурсе. В обоих языках доминируют стереотипы, связанные с объективацией женщин и гипермаскулинностью мужчин. Например, в английских стендап-шоу женщины часто описываются через метафоры потребления (*a pie, sex bomb*), а в русском – через сниженные номинации (*баба, стерва*), что подчёркивает их пассивную роль в сексуальных отношениях. Мужчины, напротив, репрезентируются как активные субъекты: в английском языке через лексемы *player, simp*, в русском – *кобель, Казанова*, акцентирующие сексуальную агрессию или финансовое доминирование.

Важным различием является степень критики гендерных стереотипов. В английском медийном дискурсе чаще наблюдается ирония, направленная на деконструкцию патриархальных установок. Например, использование субстандартного *Sovereign Territory of Awesome* для женских репродуктивных органов или *house husband* для переосмысления семейных ролей. В русском стендапе критика зачастую сочетается с принятием традиционных ролей: шутки о «подкаблучниках» высмеивают мужскую слабость, но сохраняют идею женского доминирования в быту, а номинация «стерва» переосмысливается как символ силы, но сохраняет негативную коннотацию.

Культурная специфика проявляется и в тематических акцентах. В английском материале значительное внимание уделяется профессиональной деятельности и финансовому статусу (например, лексемы *tech bro, fat cat*), что отражает актуальность темы социального неравенства. В русском дискурсе доминирует тема супружеских отношений с ироничным обыгрыванием гендерных ролей (*муженёк, жёнка*), что коррелирует с традиционным восприятием семьи как ключевого социального института.

Таким образом, субстандартная лексика в обоих языках служит инструментом как закрепления, так и переоценки гендерных стереотипов. Однако, английский медийный дискурс демонстрирует бóльшую тенденцию к критике патриархальных норм, тогда как русский сохраняет амбивалентность, сочетая сатиру над устаревшими взглядами с ностальгией по традиционным ролям. Это отражает различия в культурных контекстах: западный акцент на индивидуализме и феминизме против российского баланса между модернизацией и традиционализмом.

Выводы по Главе III

Субстандартная лексика, будучи ключевым инструментом гендерного конструирования, является основным средством создания и передачи гендерных стереотипов в медийном дискурсе русского и английского языков. Субстандартная лексика помогает создать яркие, запоминающиеся образы мужчины и женщины, тем самым актуализируя глубоко укорененные культурные представления о гендерных отношениях, мужественности и женственности.

Субстандартные лексические единицы в медийном дискурсе в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах системно отражают традиционные патриархальные установки: объективацию женщин (например: в английском языке – *a pie, sex bomb*, в русском языке – *бомба, содержанка*) и доминирование мужчины (например: в английском языке – *player, simp*, в русском языке – *кобель, Казанова*).

Во всех тематических и лексико-семантических группах наблюдается количественная и качественная асимметрия в номинациях мужчин и женщин. Прослеживается тенденция к описанию женщины через призму физической привлекательности, сексуальности, соответствия стандартам и выполнения обслуживающих функций в отношениях: женщина как объект сексуального потребления, «лакомство»: *a pie* («пирог», англ. – сладкое угощение, которое легко съесть), *chicklet* (цыплёночек), *содержанка* (женщина, вступающая в отношения ради материального обеспечения); женщина как обуза или ограничитель свободы: *ball and chain* (кандалы с ядром), *заноза, сокамерник*; женщина, оцениваемая через внешность и возраст: *dolly-bird* (кукольная красотка), *old bag* (старая карга), *старушенция, милфа* (сексуально привлекательная зрелая женщина, оценённая через мужской взгляд).

Мужчины чаще описываются через призму активности, сексуальной успешности, социального статуса, финансовых возможностей, интеллектуальных и профессиональных качеств: мужчина как активный субъект,

добытчик и завоеватель (*ловелас, казанова, мачо, альфач, жеребец*); мужчина, контролирующий финансы и отношения (*sugar daddy* (спонсор), *папик, масик* (обеспеченный и щедрый), *босс, хозяин* (в значении главы семьи)).

Таким образом, субстандартная лексика не только отражает, но и воспроизводит патриархальную модель гендерных отношений, закрепляя за мужчиной роль активного, доминирующего субъекта, а за женщиной – роль пассивного, зависимого и объективируемого объекта.

Медийный дискурс в общем, а стендап шоу, в частности, выступают площадкой для критики и деконструкции гендерных стереотипов с помощью юмора, иронии и сарказма. Англоязычный субстандарт демонстрирует высокую степень вербализации тем, которые в русской лингвокультуре остаются эвфемизированными или лакунарными: объективирующие телесные метафоры (*tits and ass, sack of sex potatoes*) являются обычной практикой в женском стендапе, где такие лексеммы используются для самоиронии и деконструкции объективации, тогда как в русском языке аналогичные номинации либо отсутствуют, либо представлены смягчёнными вариантами (*киска, писюшка*).

В сфере профессиональной деятельности английский субстандарт многочислен (118 СЛЕ для номинации мужчин) и охватывает широкий спектр профессий с иронически-критической окраской (*cop, tech bro, suit, pencil pusher*), в то время как в русском языке мужские профессиональные номинации практически не вербализуются (всего 10 СЛЕ, например *фейсер, мент*), что указывает на маргинальность этой темы. Русский субстандарт, напротив, демонстрирует гипертрофированное внимание к семейно-бытовой сфере: супружеские отношения номинируются 158 лексемами (против 64 в английском), причём жена описывается через бытовое раздражение (*пила, заноза, кобра*), а брак метафорически осмысляется как тюрьма (*сокамерник*). Английский же субстандарт изображает жену как активного контролёра (*warden, boss*) или пассивную обузу (*ball and chain*), но с меньшей бытовой детализацией. Что касается юмора, как инструмента критики патриархата, англоязычный стендап активно использует самоиронию и присвоение уничижительных ярлыков (*broke bitch, gold digger*) для их позитивной переоценки

и сатиры на двойные стандарты, тогда как в русском субстандарте самоирония чаще направлена на принятие недостатков («я тормоз», «я лошара») без их переосмысления. Степень пейоративности также различается: русский субстандарт отличается более резкими, пренебрежительными номинациями с бытовой конкретикой (*баба, толстуха, нищевродка*), в то время как английский передаёт аналогичные смыслы через зооморфные метафоры (*cow, bat, swamp-donkey*), сохраняющие образность, но без столь выраженной бытовой отнесенности. В русском субстандарте выявлена значимая лакуна – отсутствие специализированных лексем для обозначения финансового статуса женщины (богатая / бедная), что отражает культурную модель, в которой женщина редко оценивается через собственное материальное положение, а её идентичность конструируется через семейный статус, внешность и отношения с мужчиной; в английском же языке существует разветвлённая система таких номинаций (*gold digger, sugar baby, trust fund baby, welfare queen*). Таким образом, английский субстандарт ориентирован на социальные роли, профессиональные достижения и активную критику патриархата, а русский – на внутрисемейные отношения, бытовую конкретику и сниженную, часто пренебрежительную оценочность при сохранении большей табуированности женской телесности.

Юмор в стендапе выполняет двойственную функцию: с одной стороны, он смягчает остроту обсуждаемых тем, делает гендерные стереотипы объектом насмешки, способствуя их деконструкции, с другой стороны, он закрепляет эти стереотипы, делая их социально приемлемыми в рамках комедийного жанра.

Несмотря на устойчивость гендерных стереотипов, анализ выявил признаки эволюции гендерных представлений в медийном дискурсе обоих языков. Прослеживается тенденция к большей рефлексии, к переосмыслению негативных гендерных стереотипов, к описанию гендерных отношений в более равноправном ключе, хотя и с разной степенью интенсивности в английской и русской культурах. Несмотря на устойчивость традиционных гендерных отношений, анализ свидетельствует о происходящих изменениях в общественном сознании, нашедших отражение в языковой практике медийного дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Субстандартная лексика является живым, динамичным пластом языка, наиболее чутко реагирующим на социальные и культурные изменения. Проведенное комплексное исследование репрезентации гендера и гендерных отношений через призму субстандартной лексики русского и английского языков, а также их функционирования в медийном дискурсе (на примере стендап-комедии), позволило сформулировать выводы, акцентируя внимание на особенностях репрезентации образов женщины и мужчины.

Исследование показало, что субстандартные лексические единицы, репрезентирующие гендерные отношения, в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах системно кодируют и воспроизводят глубоко укорененные патриархальные установки, в первую очередь, устойчивую объективацию женщин, выражающуюся в редуцировании женской идентичности до физических характеристик, сексуальной функции и моральных качеств. Одним из ключевых аспектов исследования стало выявление асимметрий гендерных стереотипов, получивших количественное и качественное подтверждение. В частности, было установлено, что во всех анализируемых тематических и лексико-семантических группах наблюдается асимметрия в номинациях мужчин и женщин. Данная диспропорция, выявленная на количественном уровне, является не случайностью, а отражением структурного гендерного неравенства, закрепленного в языке. Анализ показал, что репрезентация женщины в субстандарте преимущественно ограничена и негативно окрашена, особенно в русском языке. Женская идентичность, в рамках данной системы, конструируется вокруг следующих аспектов:

- физической привлекательности и соответствия стандартам. Данная категория является доминирующей, что подтверждается высоким процентом номинаций в лексико-семантической группе «Внешность».

- сексуальности и репродуктивной функции. Отмечается высокая доля лексических единиц, характеризующих женщин в контексте сексуальных отношений и репродуктивных органов, часто с уничижительными коннотациями.

- морально-нравственных качеств. Подавляющее большинство номинаций в категории «Социальная стратификация» связаны с моральными характеристиками, что закрепляет связь женщины с этической сферой, но часто в негативном ключе (аморальность, доступность).

- пассивности и обслуживающей роли в отношениях. Женщина часто представлена как объект в сексуальных отношениях и как подчиненная в супружеских.

Вывод заключается в том, что женщина в субстандартной лексике преимущественно представлена как «тело» и «объект», чья ценность и идентичность во многом определяются через призму мужского восприятия и патриархальных норм, что подчеркивает глубину и устойчивость гендерных стереотипов в исследуемых лингвокультурах.

Анализ гендерных отношений в субстандартной лексике русского и английского языков обнаруживает особенности и в репрезентации маскулинности. В отличие от преимущественно объективированной репрезентации женщины, номинации мужчины демонстрируют большее разнообразие и часто более активную / субъектную позицию. Так, мужская идентичность в субстандарте конструируется вокруг таких аспектов как:

- активность и контроль. Мужчина представлен как «творец» и «глава семьи» в сексуальных и супружеских отношениях, что подчеркивает его активную роль и доминирование в этих сферах;

- социальный статус и власть. Прослеживается четкая связь мужской идентичности с профессиональной деятельностью, финансами и моральными устоями, часто в контексте силы или коррупции в русском языке и профессионализма в английском;

- интеллект и характер. Несмотря на часто негативную окраску, преобладание мужских номинаций в лексико-семантических группах,

описывающих интеллект и характер, подтверждает актуальность этих характеристик для конструирования маскулинности.

Анализ субстандартной лексики русского и английского языков выявил не только общие тенденции, обусловленные патриархальным устройством общества, но и значительные культурные контрасты в репрезентации гендерных отношений.

В английской лингвокультуре отмечаются следующие особенности:

- лексическое разнообразие и относительная равномерность. Английская лингвокультура характеризуется большей вариативностью субстандартных лексических единиц и более равномерным распределением по разным лексико-семантическим группам внутри тематических групп. Женский образ представлен многограннее. Несмотря на преобладание негатива, присутствуют номинации, связанные с сексуальностью, материнством и чувственностью. В супружеских отношениях прослеживаются элементы партнерства;

- акцент на публичной сфере мужчины. Уделяется большее внимание профессиональной деятельности и социальному статусу мужчин, с более позитивными или нейтральными коннотациями профессионализма;

- большая открытость. Наблюдается меньше строгих табу на обсуждение определенных тем;

- кризис традиционной маскулинности. Ярко выражена полярность мужского образа в лексико-семантической группе «Характер», что является признаком активного пересмотра традиционных норм маскулинности.

В русской лингвокультуре наблюдаются следующие особенности:

- негативная объективация женщин. Образ женщины характеризуется более жесткими и уничижительными номинациями в группах «Сексуальные отношения», «Репродуктивные органы» и «Супружеские отношения», подчеркивается зависимость, отсутствие самостоятельности и социальная деградация;

- доминирование приватной сферы. Отмечается гипервнимание к семейно-бытовым и супружеским отношениям как основному полю гендерного взаимодействия;

- мораль и власть мужчины. Характерна высокая доля мужских номинаций в категории «Морально-нравственные устои», часто в связке с коррупцией и злоупотреблением властью в профессиональной сфере («Профессиональная деятельность»);

- жесткие табу и стандарты. Наблюдается бóльшая табуированность женской телесности, более критичное и узкое восприятие внешности, а также использование резких и пренебрежительных номинаций (баба, толстуха).

Для понимания функционирования гендерных стереотипов в современном обществе важным является анализ медийного дискурса, в частности, стендап-комедии. Стендап-комедия демонстрирует амбивалентную силу юмора, зарекомендовав себя как мощный, но противоречивый инструмент работы с гендерными асимметриями. Юмор, ирония и сарказм в данном контексте обладают двойственной природой. С одной стороны, юмор позволяет высмеивать, критиковать и обнажать абсурдность устоявшихся гендерных стереотипов, делая их видимыми и подвергая сомнению, а с другой стороны, юмор одновременно нормализует и делает социально приемлемыми эти же стереотипы в рамках «разрешенного» комедийного пространства, смягчая их остроту и потенциально снижая критическую рефлексию аудитории.

Сравнительно-сопоставительное исследование показало, что английский стендап чаще использует юмор для прямой критики патриархата, продвижения идей гендерного равенства и обсуждения профессиональных амбиций женщин. В нем выражена более сильная рефлексия относительно гендерных вопросов. В то же время, русский стендап в большей степени репродуцирует традиционные стереотипы, часто используя их как основу для шуток, где сохраняется табуированность женской телесности и опыта, а фокус смещается на семейно-бытовую сторону. Критика зачастую менее радикальна и выражается в иронии над вечными проблемами.

Однако, несмотря на доминирование патриархальных моделей, исследование зафиксировало изменения в языковой практике и общественном сознании, отражающиеся в медийном дискурсе. Отметим, что интенсивность и глубина этих процессов существенно различаются между русской и английской лингвокультурами. Английский контекст демонстрирует более продвинутую стадию критики и пересмотра стереотипов, в то время как в русском языке изменения носят более осторожный и фрагментарный характер, часто сталкиваясь с сильным сопротивлением традиционных норм.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что субстандартная лексика и медийный дискурс, в частности, стендап-комедия, являются сложными и многогранными площадками для конструирования, воспроизводства и оспаривания гендерных стереотипов. Культурные различия между русской и английской лингвокультурами оказывают существенное влияние на специфику репрезентации гендера и гендерных отношений в языке, в то время как медийный дискурс выступает ареной, где сталкиваются традиционные нормы и новые тенденции в восприятии гендерных ролей.

Проведенное исследование репрезентации гендера и гендерных отношений через призму субстандартной лексики русского и английского языков, а также их функционирования в медийном дискурсе, позволяет утверждать, что поставленные задачи, в целом, были успешно решены. В результате анализа были выявлены ключевые тенденции в формировании и функционировании гендерных стереотипов, а также их культурные особенности.

Данное исследование вносит вклад в изучение структурно-семантических и лингвокультурологических особенностей субстандартной лексики русского и английского языков. Автор не претендует на исчерпывающее раскрытие всех аспектов заявленной проблемы. Данная работа рассматривается как один из возможных подходов к многоаспектному изучению репрезентации гендера и гендерных отношений в языке и медиадискурсе в целом, и на базе субстандартной лексики, в частности.

Перспективы дальнейшей работы видятся в расширении корпуса языкового материала, в исследовании субстандартной лексики, репрезентирующей гендерные отношения, в других разноструктурных языках для выявления присущих им универсальных и специфических черт.

В целом, проведенное исследование является важным шагом на пути к более глубокому пониманию роли субстандартной лексики в формировании гендерных стереотипов и отражении культурных особенностей в языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абакарова, М. А. Репрезентация лингвокультурных концептов «мужчина» и «женщина» в английской и лакской языковых картинах мира: специальность 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Абакарова Мариана Ахмедовна. – Махачкала, 2015. – 22 с.
2. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. – Л.:Наука, 1975. 276 с.
3. Аносов, Е. А. Лингвистическая репрезентация константных/динамических гендерных стереотипов в русской и англоязычной лингвокультурах: специальность 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е. А. Аносов. – Челябинск, 2013. – 174 с.
4. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопр. языкознания. 1993. – №3. – С. 27-35.
5. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
6. Апресян, В. Ю., Апресян, Ю. Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. – 910 с.
7. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: учеб. для вузов / И. В. Арнольд; науч. ред. П. Е. Бухаркин. – 14-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 384 с.
8. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. Т. 1. – 415 с.; Т. 2. – 397 с.; Т. 3. – 414 с.
9. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Из-во Урал. Ун-та, 1989. – 184 с.

10. Бабенкова, Е. А., Василькина, Е. А., Мишина, М. Н. Параметры гендерных стереотипов в англоязычных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. – Вып. 5.
11. Багринцева, О. Б. Термины родства в «Интернет-словаре сленга и жаргона «Сленгер» / О. Б. Багринцева, Г. В. Файзиева // Евразийский гуманитарный журнал. – 2023. – № 3. – С. 32-38.
12. Балли, Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. – 394 с.
13. Барчунова, Т. В. Субъективные предпосылки гендерной социализации (по материалам интервью с новосибирскими студентами) // Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 1. – С. 568-589.
14. Беликов, В. И., Крысин, Л. П. Социоллингвистика (Учебник для вузов). – М.: РГГУ, 2001. – 436 с
15. Беляева, Т. М., Хомяков, В. А. Нестандартная лексика английского языка. – 2-е изд. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – 136 с.
16. Бем, С. Л. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Сандра Липсиц Бем. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 336 с.
17. Белошапкова, В. А. и др. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов. – М.: Высшая школа, 1989
18. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты // Образование и информационная культура: Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Т. V. Вып. VII / под ред. В. С. Собкина. – М.: Центр социологии образования РАО, 2000. – С. 395-430.
19. Бирюкова, В. И. Лексико-семантические средства создания комического в текстах жанра стендап / Бирюкова В. И. // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика. – 2022. – С. 502-506.

20. Бирюкова, Е. В. Реализация категории эмотивности в политическом тексте (на материале речей американских президентов): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2009. – 22 с.
21. Бондалетов, В. Д., В. И. Даль и тайные языки в России / В. Д. Бондалетов. - 2-е изд., испр. - Москва: Флинта: Наука, 2005 (Великолук. гор. тип.). – 453 с.
22. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика: учеб. пособие для вузов / В. Д. Бондалетов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 352 с.
23. Быков, В. Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01, 10.02.20. – Москва, 2001. – 311 с.
24. Буянов, Л. Ю., Волошина, К. С. Фразеологизм как гендерный экспликатор: культурно-цивилизационный аспект / Л. Ю. Буянов, К. С. Волошина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017, №2. – с. 117-124.
25. Васильев, Л. М. Теория семантических полей. - Вопросы языкознания, 1971, № 5, с. 105-113
26. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л. Н. Чурилина. -М.: Флинта: Наука, 2006. С. 251-266.
27. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996
28. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славян, культуры, 2001. – 272 с.
29. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов. - М., 1972. – 616 с.
30. Виноградов, В. А. Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии / В. А. Виноградов; сост. и ред. К. Г. Красухин; РАН, Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2018

31. Воронина, О. А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. - М.: МЦГИ - МВШСЭН -МФФ, 2001 - с. 13-106
32. Воронина, О. А. Феминизм и гендерное равенство. - М.: Едиториал УРСС, 2004 – 320с
33. Вохина, А. Н. Наименования лиц женского пола в речи молодежи: мотивировочные признаки // Вестник филологических наук. – 2022. – Т. 2. – № 4. – С. 48-53.
34. Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций [Текст] / В. Г. Гак // Языковая номинация (общие вопросы). - М., 1977. – С. 230-285.
35. Гак, В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским : учеб. пособие / В. Г. Гак. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 264 с
36. Гальперин, И. Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания / Отв. Ред. В.В. Виноградов. – М.: АН СССР, 1956. – № 6. – С. 107-114.
37. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
38. Гендерная асимметрия в языке // Словарь гендерных терминов. – URL: <http://owl.ru/gender/017.htm> (дата обращения: 05.05.2023).
39. Гендерные исследования. Региональная антология исследований из восьми стран СНГ: Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана и Узбекистана / под общ. ред. И. Н. Тартаковской. М.: Вариант, 2006. 511 с.
40. Герасименко, И. Е. Денотация и коннотация в структуре языкового знака // Научная статья. – Тула: Тульский государственный педагогический университет, 2008.
41. Гердер, И. Г. Трактат о происхождении языка / И. Г. Гердер; пер. с нем. А. А. Глушкова; под ред. В. М. Жирмунского. – 2-е изд., стер. – М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2019. – 90, [1] с.
42. Говердовский, В. И. История понятия коннотации // Электронная библиотека отдела автоматизации НБ ТНУ. – 2008. – URL:

<http://web.archive.org/web/20080329233131/http://lib.crimea.edu/avt.lan/student/lex/goverd.html> (дата обращения: 07.05.2023).

43. Головинова, Н. В. Языковая репрезентация смысловой диады мужчина/женщина в художественных текстах М.Ю. Лермонтова: дис. ... канд. филол. наук, 10.02.01 – Русский язык. – 2012, Кемерово – 261 с.

44. Горошко, Е. И. Гендерная проблематика в языкознании URL: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения 15.02.2023)

45. Горошко, Е. И., Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Тендерные исследования. – 1999. – № 2. С. 25-34.

46. Горошко, Е. И. Гендерная проблематика в языкознании / Е. И. Горошко // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие / под ред. И. Жеребкиной. – СПб: Алетейя, 2001. – ч. 1. – с. 508-542.

47. Грачев, М. А. Об этимологии русского арго // Рус. речь. 1994. – № 4. - С. 67-70.

47. Грачев, М. А. Русское арго / М. А. Грачев. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет, 1997. – С. 246.

48. Григорян, А. А. Женщина в сленге: современные тенденции / А. А. Григорян, А. Ю. Григорян // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. – 2019. – № 15. – С. 14-17.

49. Гриценко, Е. С. Гендер в британской и американской лингвокультурах / Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, А. О. Лалетина; под общ. ред. Е.С. Гриценко. – 5-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2021. – 223 с.

50. Громова, Н. В. Термины родства в субстандартной лексике английского, немецкого и русского языков: функциональный и лингвокультурный аспекты: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Громова Наталья Валериевна. – Астрахань, 2021. – 173 с.

51. Девкин, В. Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. – М.: Русский язык, 1994. – 768 с.

52. Девкин, В. Д. Немецкая лексикография: учеб. пособие для вузов / В. Д. Девкин. – Москва: Высш. шк., 2005. – 669, [1] с

53. Денисов, П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык, 1980. – 253 с.
54. Довлатов, С. Д. Зона: записки надзирателя; Компромисс; Заповедник / С. Д. Довлатов. – Москва: ПИК, 1991. – 349, [2] с.
55. Елистратов, В. С. Арго и культура (на материале современного московского арго): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. – Москва, 1993. – 24 с.
56. Елистратов, В. С. Арго и культура / В. С. Елистратов. – М.: Изд-во Московского университета, 1995. – 232 с.
57. Елистратов, В. С. Сленг как пассиолалия Текст. / В. С. Елистратов // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2000, № 4. С. 43-48.
58. Жирова, И. Г. Лингвистическая категория эмфатичность в антропоцентрическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007.
59. Закирова, Ю. А. Лингвокультурологические особенности гендерного аспекта в языковой картине мира паремий: на материале русского, английского, немецкого и итальянского языков тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 10.02.20, канд. филол. наук – 2012, Москва. – 207 с.
60. Захарова, О. С. Окказиональное слово как носитель денотативного и прагматического содержания / О. С. Захаров // Вестник РУДН. – 2013. – № 2. – С. 52-59.
61. Здравомыслова, Е. А., Темкина, А. А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 15-23.
62. Здравомыслова, Е. А. Социальное конструирование гендера / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Российский гендерный порядок: социологический подход. - СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. - С. 933.
63. Земская, Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Под ред. Е. А. Земской и Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1993. – 136 с.

64. Земская, Е. А., Крысин Л. П. Московская школа функциональной социолингвистики. Итоги и перспективы исследований. М.: Рус. словари, 1998.– 30 с.
65. Земская, Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения Текст. / Е. А. Земская. – М.: Русский язык, 1979. – 240 с.
66. Земскова, Е. А. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре / Е. А. Земскова, М. А. Китайгородская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2009. – № 1 (9). – С. 64-70.
67. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Мысль, 1990-1994. – Т. 2. – С. 81-134
68. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Харьков, 1913.
69. Зиновьева, Е. С. Предпосылки становления гендерной лингвистики // Ярославский педагогический вестник, 2014. – №3 (1). – с. 158-162. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-stanovleniya-gendernoy-lingvistiki/viewer> (дата обращения: 30.05.2024)
70. Каган, В. Е. Пол и характер личности // Психология развития: Хрестоматия / Ред. Е. Строганова. – СПб.: Питер, 2001. – С. 272-277.
71. Пушкарева, Н. Л.: Пушкарева Н. Л. О методах анализа «мужских» и «женских» текстов (феминистская лингвистика и социальная история пола) // Теория и методология гендерных исследований. – М., 2004. – С. 161-192
72. Зиновьева, Е.С. Роль гендерно-маркированных лексических единиц в конструировании маскулинности и феминности в дискурсе гендерно ориентированных глянцевого журналов (на материале английского и русского языков) // Филология и искусствоведение, 2017. № 12 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-gendera-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 30.03.2024)
73. Зыкова, И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии: Монография [Текст] / И. В. Зыкова. – М., 2003. – 232 с.

74. Каган, В. Е. Стереотипы мужественности-женственности и «образ Я» у подростков / В. Е. Каган // Вопросы психологии. – 1989. – № 3. – С. 53-62.
75. Калугина, Е. Н. Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков: дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук/ Е. Н. Калугина. Ставрополь, 2008. – 165 с.
76. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
77. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с
78. Кёстер-Тома, З. Стандарт, субстандарт, нонстандарт // Русистика. – Берлин, 1993. – № 2. – С. 15-31
79. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.-252 с.
80. Кирилина, А. В. Категория gender в языкознании // Женщины в российском обществе. – Москва, 1997. – С. 80-91.
81. Кирилина, А. В. Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. - Ч. 1.
82. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук. –М., 2000. – 369 с.
83. Кирилина, А. В., Томская, М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005, № 2. URL: <https://strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (Дата обращения: 18.07.2023).
84. Кирилина, А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике [Текст] / А. В. Кирилина // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 51-58.
85. Клещина, И. С. Психология гендерных отношений: специальность 19.00.05 Социальная психология: автореферат диссертации на соискание ученой

степени доктора психологических наук/ Клецина Ирина Сергеевна. – Санкт-Петербург, 2004. – 44 с.

86. Коваль, А. А. Дискурсивная креативность как способ конструирования стереотипа женщины-политика (на примере американских и французских СМИ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – Вып. 2. – С. 14-21

87. Козлова, Е. А., Колесникова О. И. Стендап-комедия как медийная среда самореализации сильной дискурсивной личности // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2023. – № 1. – С. 35-41

88. Кон, И. С. Пол и гендер. Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. – 2004. – № 1–2. – С. 31-35.

89. Конюшкевич, М. И. Концовка медиатекста: «эмичность» и «этичность» / М. И. Конюшкевич // СМИ и современная культура: к 90-летию заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра филол. наук, проф. Е. Л. Бондаревой: сб. науч. тр. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 310-320

90. Копытова, О. Н. Медиаполитический дискурс: концепты и рамки / О. Н. Копытова // Дискурс. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 45-58

91. Кормилицына, М. А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе / М. А. Кормилицына // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 268-276

92. Коровушкин, В. П. Просторечие в английском и русском языках // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. – Вып 2. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2003. С. 119-155.

93. Костенко, В. Г., Сологор И. Н., Знаменская И. В. Лексические средства реализации категории эмотивности в текстах научных медицинских статей // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2012. – С. 73-76.

94. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Курс лекций / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.

95. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? Текст. / В. В. Красных. М.: Гнозис, 2003. - 375 с.
96. Кронгауз М. А. Семиотика гендера и проблема мультикультурализма // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 156-165.
97. Кронгауз М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М.: Академия, 1996. – С. 510-525.
98. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва Текст. / М.А. Кронгауз. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 229 с.
99. Крысин Л. П. О перспективе социолингвистических исследований в русистике // Русистика. Берлин, 1992. - № 2. – С. 96-106.
100. Крысин Л. П. О русском языке наших дней / Л. П. Крысин // Изменяющийся языковой мир. – Пермь, 2002.
101. Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. – №4. – С.26-32.
102. Кудрявцев А. Ю., Куропаткин Г. Д. Англо-русский словарь табуированной лексики и эвфемизмов: 14000 слов и выражений. – Минск: Кузьма, 2001. – 380, [2] с.
103. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – Дубна; М.: Феникс, Высшая школа, 1996. – 381 с
104. Куницына Е. Ю., Пегов Р. И. Гибридизация как форма «расширения» медиа: стендап-технологии в информационно-развлекательном дискурсе (на материале Late Night Talk Show Джима Джеффриса) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 6: Журналистика. С. 150-165.
105. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов Текст. / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988.-С. 12-51.
106. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание: избранные работы / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977.

107. Лескина, С. В. Фразеологические эмотивы положительной и негативной коннотаций как средство трансляции эмотивных ситуаций эмпатии и конфликта (на примере русских и английских единиц) // Вестник Башкирского университета. – Уфа: БГУ, 2009. – Т. 14. – №4. – С. 1404–1407.

108. Лихачев, Д. С. Арготические слова в профессиональной речи Текст. / Д. С. Лихачев // Развитие грамматики и лексики современного русского языка: Сб. статей. – М.: Наука, 1964. – С. 311-359.

109. Липатов, А. Т. Сленг как проблема социолектики: монография / А. Т. Липатов. – Москва: Элпис, 2010. – 317 с.

110. Лутовинова, О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19. – Волгоград, 2013. – 437 с.

111. Лысикова, И. В. Теоретические подходы к определению термина «субстандартная лексика» в английской и русской лексикологии и лексикографии // Евразийский филологический вестник. 2024. Вып. 1 (5). С. 130-140.

112. Максимова, О. Б. Гендерное измерение в современном социально-коммуникативном дискурсе: роль рекламы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2004. – С. 154-159

113. Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке [Текст]: монография / Т. В. Маркелова; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Московский гос. ун-т печати им. И.Федорова. – Москва: Московский гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. – 297

114. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. (Более поздние издания: 3-е изд. – М.: Академия, 2007. – с 204

115. Метельская, Е. В. Образ человека в английской и русской субстандартной лингвокультура: на материале зоонимов английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Пятигорск, 2012. – 236 с

116. Метельская, Е. В., Рябичкина, Г. В. Словарь субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. Зоонимы [Текст] / Е. В. Метельская, Г. В. Рябичкина. Сост. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. –156 с.

117. Метельская, Е. В. Оценка полоролевой референции посредством лексических субстандартных единиц-зоонимов / Е. В. Метельская // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 1, № 2. – С. 162-168

118. Менджеричкая Е. О. Экспрессивность как лингвистическая категория: на материале современного английского языка: монография. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 207 с.

119. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики / Н. А. Лукьянова; отв. ред. А. И. Федоров; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. – 230 с.

120. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Перевод с английского о комментарии Ю. А. Асеева. Составление и послесловие И. С. Кона. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 429 с.

121. Мид М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 416 с.

122. Мизюрина, Т. В. Национально-специфичные метафорические модели понятийной сферы "женщина" в американском сленге / Т. В. Мизюрина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 4-2(46). – С. 130-134

123. Мизюрина, Т. В. Национально-специфичные метафорические модели понятийной сферы "Женщина" в русском сленге / Т. В. Мизюрина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 4. – С. 73-77.

124. Миннигалева А. А. Антропообозначения в немецком языке: структурно-семантический и гендерный аспекты Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук Уфа – 2021, с.169

125. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Предисловие // Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 4-9.

126. Натх М. Р. Лексико-семантическая группа прилагательных русского языка со значением характеристики внешности человека: дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук/ Менон Равиндер Натх. Москва. 1985. – 200 с.

127. Никитина, Т. Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга / Т. Г. Никитина. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013. – 863 с.

128. Ольшанский, И. Г. Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики [Текст] / И. Г. Ольшанский // Проблемы социолингвистики и многоязычия / Под ред. А.-К. С. Баламамедова и В. А. Татарина. – М.: Московский лицей. – 1997. – Вып. 1. – С. 22-34.

129. Покровский, М. М. Семасиологические исследования в области древних языков / М. М. Покровский; вступ. ст. Н. М. Шанского. –Изд. 2-е. – Москва: КомКнига, 2006. –128 с.

130. Поливанов, Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию: избранные работы / Е. Д. Поливанов; сост. Л. Р. Концевич; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1991. – 623 с

131. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка: (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания): Учебное пособие. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. – 146 с

132. Редкозубова, Е. А. Сленг в современном коммуникативном пространстве: дискурсивные практики: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дисс. ... канд. филол. наук / Редкозубова Екатерина Анатольевна; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2014. – 413 с
133. Редькина, Т. Ю. Функционирование метафоры в рекламе: монография / Т. Ю. Редькина. – М.: Флинта, 2014. – 180 с
134. Репина, Т. А. Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии // Вопросы психологии. – 1987. № 2. – С. 127-138.
135. Розина, Р. И. Употребление сленга и его оценка в речи / Р. И. Розина // Язык и мы. Мы и язык. – Москва, 2006. – С. 420–428
136. Рубанова, Е. В. Языковая репрезентация концепта «женщина» в английском сленге (на материале сленгизмов, возникших в XXI веке) / Е. В. Рубанова // Вестник Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова. – 2024. – № 2 (64). – С. 101-105.
137. Рубин, Г. Торговля женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Гендерные исследования. – 2000. – № 5. – С. 193-219.
138. Рябичкина, Г. В. Проблемы субстандартной лексикографии английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Рябичкина Галина Владимировна. – Пятигорск, 2009. – 42 с.
139. Серебренников, Б. А. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 604 с.
140. Семенова, Д. В. Гендерный аспект концептуального анализа лексем «мужчина» и «женщина»: на материале фразеологии английского, русского и кабардинского языков: дисс. канд. филол. наук – Нальчик, 2006 – 181 с.
141. Сепир, Э. (1884-1939.). Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5-22] А. Е. Кибрика. – Москва: Прогресс, Изд. группа "Универс", 1993. – 654,[1] с.

142. Симакова, О. Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (На материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / О. Б. Симакова. – Пенза, 2003. – 293 с.
143. Сиротинина, О. Б. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2008. – Вып. 8. – С. 5-13
144. Скворцов, Л. И. Профессиональные языки, жаргоны и культура речи // Русская речь. – 1972. – № 1. – С. 48-59
145. Слесарева, И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1980. - 182 с.
146. Смирнова, О. Б. Образы матери и отца во фразеологии разноструктурных языков: сопоставительный анализ семантических характеристик на материале английского, персидского, русского и французских языков: дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2009. – 196 с.
147. Соболевский, А. И. История русского литературного языка/Изд. Подготовил А.А. Алексеев. Л.: Наука, 1980. – 38 с.
148. Степанов, Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 991 с.
149. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 172 с.
150. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова [Текст] / И.А. Стернин. - Воронеж, 1979. - 156 с.
151. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия. – Москва, 1986. – 143 с.
152. Телия, В. Н. Русская фразеология, семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
153. Телия, В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация [Текст] / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991.– С. 213-224.

154. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : Учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 261 с.
155. Трамова, А. В. Репрезентация концепта "женщина" в зоонимической субстандартной лексике английского языка / А. В. Трамова, Л. Х. Дзасежева // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 64-5. – С. 77-81
156. Уорф, Б. Л. Язык, мышление и реальность: сборник статей / Б. Л. Уорф; пер. с англ. [и предисл.] В. В. Иванова. – М.: Прогресс, 1960. – 223 с.
157. Утегенова К. Т., Кажиахметова Э. Б. Гендерные стереотипы в стендапе как часть процесса межличностной коммуникации со зрителем // Вестник ЗКУ. – 2025. – № 4. – С. 151–164
158. Файзиева, Г. В. Изучение молодежного сленга: основные подходы, проблематика и направления // Гуманитарные исследования – 2016. – № 2 (58). – С. 38-44.
159. Файзиева, Г. В. Функциональные особенности терминов родства в субстандартном лексическом фонде английского, немецкого и русского языков / Г. В. Файзиева, Н. В. Громова // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 4(32). – С. 163-167.
160. Филин, Ф. П. Очерки по теории языкознания / Ф. П. Филин. – Москва: Наука, 1982.– 336 с.
161. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. – 448 с.
162. Халеева, И. И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. С. 5-9.
163. Хасбулатова, О. А. Гендерные исследования в системе высшего образования в России – десять лет // Женщина в российском обществе. 2001. № 1-2. с. 2-14.
164. Хомяков, В. А. Введение в социолексикологию: учеб. пособие / В. А. Хомяков. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2005. – 148 с.
165. Хомяков, В. А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия / В. А.

Хомяков. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1974. – 104 с.

166. Хоткина З. А. Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 2. – с. 26-37.

167. Хоткина, З. А. 30 лет лаборатории гендерных проблем ИСЭПН ФНИСЦ РАН / З. А. Хоткина // Народонаселение. – 2020. – Т. 23, № 2. – С. 172–175.

168. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие / Под ред. В. Д. Бондалетова. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 184 с

169. Хрущева, Т. В. Система родоразличения в американской периодической печати в культурно-историческом освещении: Вторая половина XX века: дисс. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2004. – 230 с.

170. Чупракова, Е. В., Попович, Е. С. Особенности репрезентации категории эмотивности в английском публицистическом тексте // Общество и право. – Краснодар, 2014. – №2 (48). – С. 336–340.

171. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 191 с.

172. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его исследования [Текст] / В. И. Шаховский. – Волгоград, 1983. – 93 с.

173. Шаховский, В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, ЛИНГВО культурология [Текст] / В. И. Шаховский. – М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2010. – 128 с.

174. Шведова, Н. Ю., Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. / Том I: Слова указующие (местоимения). Слова именуемые: Имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М.; 2002-XXV, 807 с.: ил. (66 схем)

175. Швейцер, А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. М., 1982, №5. – С. 39-48.

176. Швейцер, А. Д., Никольский, Л. Б. Введение в социолингвистику. – М.: Высш. шк., 1978. – 216 с.
177. Швейцер, А. Д. Очерк современного английского языка в США [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Высшая школа, 1963. – 216 с.
178. Шмелёв, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 243 с.
179. Шмелёв, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность Текст. / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002а. – 492 с.
180. Шмелёв, А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А. Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002б. – 224 с.
181. Шмелева, Т. В. Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики / Т. В. Шмелева // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2012. – № 18 (137), вып. 15. – С. 157–163
182. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность [Текст]: Сборник работ / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 427. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/lingvisticheskayakategoriya-emfatichnost-v-antropotsentricheskom-aspekte> (дата обращения: 05.05.2023)
183. Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба; отв. ред. М. И. Матусевич; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1958. – Т. 1. – 182 с.
184. Этнические стереотипы мужского и женского поведения: сб. ст. / отв. ред. А. К. Байбуурин И. С. Кон. – СПб.: Наука, С.-Петерб. отд-ние, 1991. – 318 с.
185. Ярцева, В. Н. Методы сопоставительного изучения языков / отв. ред. В. Н. Ярцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 96 с.
186. Bloomfield, Leonard. Language / by Leonard Bloomfield. – New York: Henry Holt, [1933]. – IX, 564 с.
187. Brugmann, K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Strassburg: K. J. Trübner, 1904. – XXVIII, 777 S.

188. Bruce, K. L. and Bruce, L. P. Emotions in the Alambhak lexicon. – 2010, – P. 38–59. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sil.org/resources/publications/entry/9283> (дата обращения 30.03.2023)
189. Butler, J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity* / J. Butler. – New York: Routledge, 1990. – 256 p
190. Cameron, D. *Feminism and Linguistic Theory* / D. Cameron. – London: Macmillan, 1985. – 195 p
191. Coleman, J. *The Life of Slang*. – Oxford University Press, 2012. – 354 p.
192. Collier, J. F. *Marriage and inequality in classless societies* / J. F. Collier. – Stanford: Stanford University Press, 1993. – 312 p.
193. Connell, R. W. *The big picture: Masculinities in recent world history* / R. W. Connell, H. McMullen, J. Greal / *Theorie & Society*. -1993. - № 22. - P. 597-623.
194. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*: Cambridge University Press, 2005. – 499 p.
195. Crystal, D. *Words in Time and Place* / D. Crystal. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 288 p.
196. Dijk, T. A. van. *Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication* / ed. by T. A. van Dijk. – Berlin; New York: W. de Gruyter, 1985. – viii, 367 p.
197. Eble, C. *Slang and Sociability*. – Chapel Hill – NC: The University of North Carolina Press, 1996. – 241 p.
198. Eckert, P., McConnell-Ginet, S. *Language and gender* (2nd ed.). Cambridge University Press, 2013. – 320 p.
199. *English Grammatical Categories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
200. Fodor, I. *The origin of grammatical gender* // *Lingua Amsterdam*. – 1959. – Vol.8. – 260 P.
201. Garfinkel, H. *Studies in ethnomethodology* (Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967)

202. Gilbert, J. R. Performing marginality: Comedy, identity, and cultural critique // *Text and Performance Quarterly*. – 1997. – Vol. 17, No. 4. – P. 317–330.
203. Goffman, E. *Interaktion und Geschlecht*. - Frankfurt am Main, 1994 (engl. 1977).- 194 S.
204. Grimm, J. *Deutsche Grammatik*. Bd. 3. - Göttingen: Dieterich, 1831. – VIII, – 788 S.
205. Günthner, S., Kotthoff, H. *Von fremden Stimmen Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich*. – Frankfurt a. Main, 1991. – 369S.
206. Hartmann, R. R. K., Stork, F. C. *Dictionary of language and linguistics*. – London: Applied Science Publishers, 1972. – 302 p.
207. Humboldt, W. von. *On language: on the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species* / W. von Humboldt; ed. by M. Losonsky; transl. by P. Heath. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – xli, 296 p.
208. Horner, M. S. *Toward an understanding of achievement-related conflicts in women* / M. S. Horner // *Journal of Social Issues*. – 1972. – Vol. 28, No. 2. – P. 157–175.
209. Hotten, J. C. *The slang dictionary; or, The vulgar words, street phrases, and "fast" expressions of high and low society* / J. C. Hotten. - London: J. C. Hotten, 1864. – xxi, 305 p.
210. Holmes, J. *Women, Language and Identity* / J. Holmes // *Journal of Sociolinguistics*. -1997. -Vol. 1, No. 2. - P. 195–223.
211. Jespersen, O. *Language, its nature, development and origin*. London: Allen and Unwin, 1922. 448 p.
212. Johnson-Laird, P. N., Oatley K. *The language of emotions: An analysis of a semantic field* // *Cognition & Emotion*. – 1989. – Vol. 3(2). P. 81–123.
213. Key, M. R., *Male / Female Language* (New Jersey, Metuchen, Scarecrow Press, 1975)
214. Kotthoff, H. *Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien* / H. Kotthoff// *Der Deutschunterricht*, 1996. № 1.— S. 915.

215. Labov, W. The social stratification of English in New York City // Urban dialect series. – Vol. 1. – Washington, 1966. – 266 p.
216. Labov, W. The study of language in its social context // Studium Generale. – 1970. – No. 23 (1). – P. 30-87.
217. Labov, W. The study of Nonstandard English [Text] / W. Labov. – Champaign (Illinois): National Council of Teachers of English, 1970. – V, 73 p.
218. Lakoff, R. The way we were; or, The real actual truth about generative semantics: A memoir / R. Lakoff // Journal of Pragmatics. 1989. - № 13. - P. 939-88.
219. Lakoff, R. Language and Women's Place / R. Lakoff New York: Harper and Row, 1975.-83 p.
220. Lakoff, R. «Why can't a woman be less like a man? » / R. Lakoff// Talking Power: The Politics of Language / R. Lakoff. San Fransisco: Basic Books, 1990.– 324 p.
221. Lakoff, R. The Language War / R. Lakoff University of California Press, 2000. – 322 p.
222. Mauthner, F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Band 2: Zur Sprachwissenschaft. Stuttgart, Berlin: J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger. – 1906. S. 246-247.
223. Mauthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. – Dritte Auflage. – Stuttgart und Berlin: J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger, 1921. – 713 S
224. Mencken, H. L. The American language: an inquiry into the development of English in the United States: supplement II / H. L. Mencken. – New York: Alfred A. Knopf, 1948. – xiii, 890, xliii p.
225. Money J., Ehrhardt A. A. Man & woman, boy & girl: gender identity from conception to maturity. Northvale (N.J.): Jason Aronson; 1996. P. 311
226. Montell A. Wordslut: A Feminist Guide to Taking Back the English Language, 2019. – 304 p.
227. Oakley, A. Sex, Gender and Society. Introduction [Электронный ресурс] / Ann Oakley. – URL: <https://www.annoakley.co.uk/fromsgas.pdf> (дата обращения: 03.03.2023)

228. O'Grady, W. Contemporary linguistics: an introduction / ed. by W. O'Grady, J. Archibald, M. Aronoff, J. Rees-Miller. – 4th ed. – Boston: Bedford/St. Martin's, 2001. – xxiv, 751 p.
229. Parsons, T. Family, Socialization and Interaction Process / T. Parsons, R. Bales London: Routledge, 1956. – 422 p.
230. Pusch L. F. Das Deutsche als Männersprache: Aufsätze und Glossen zur feministischen Linguistik / L. F. Pusch. - Suhrkamp Verlag, 1991. – S. 202.
231. Pusch L. F. Gerech und Geschlecht. Neue sprachkritische Glossen / L. F. Pusch. - Göttingen: Wallstein Verlag, 2014. - 140 S.
232. Rosaldo M. Z., Lamphere L. (eds.) Woman, Culture, and Society. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1974. – 360 p.
233. Rosaldo, M. Z. The use and abuse of anthropology: reflections on feminism and cross-cultural understanding / M. Z. Rosaldo // Signs. – 1980. – Vol. 5, no 3. – P. 389–417.
234. Rubin G. The traffic in women: notes on the "political economy" of sex / G. Rubin // The second wave: a reader in feminist theory / ed. by L. Nicholson. – New York: Routledge, 1997. – P. 27–62.
235. Spears R. A. Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters Текст. / R. A. Spears. – New York: Jonathan David Publishers, Inc. 1981.- XXVIII, 448 p.
236. Stoller, R. J. Sex and gender: On the development of masculinity and femininity. Science House; 1968. P. 383
237. Tannen, D. Gender and Discourse / D. Tannen. – New York: Oxford University Press, 1994. – xi, 203 p.
238. Troemel-Ploetz, S. Linguistik und Frauensprache // Linguistische Berichte. Frankfurt am Main, 1978. P. 49-68.
239. Trömel-Plötz, S. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs / I. Guentherodt, M. Hellinger, L. F. Pusch // Magdalene Heuser:

Frauen - Sprache -Literatur. - Paderborn/München/Wien/Zürich: Ferdinand Schöningh, 1982. - Bd. 38. – S. 275.

240. Trudgill, P. Sociolinguistics and linguistic value judgements: correctness, adequacy and aesthetics // On dialect: social and geographical perspectives. – Oxford, 1983. – P. 201-225.

241. Trudgill, P. Standard English: what it isn't // Standard English: the widening debate. – London: Routledge, 1999. – P. 117 – 128.

242. Tuchman, G. The Symbolic Annihilation of Women by the Mass Media // Hearth and Home: Images of Women in the Mass Media / Ed. by Gaye Tuchman, Arlene Kaplan Daniels, James Benét. – New York: Oxford University Press, 1978. – P. 3-38

243. West, C., Zimmerman, D. H. Doing Gender // Gender & Society. – 1987. – Vol. 1, No. 2. – P. 125-151

Лексикографические источники

244. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского аргю 27000 слов и выражений / М. А. Грачев. – Москва: РИПОЛ классик, 2003. – 1119 с

245. Грачев М. А., Мокиенко В. М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона [Текст] / М. А. Грачев, В. М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 2000. – 254, [2] с.

246. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.

247. Елистратов В. С. Словарь московского аргю: Материалы 1980 – 1994 гг. – М.: Русские словари, 1994. – 700 с.

248. Елистратов В. С. Словарь русского аргю (Материалы 1980-1990-х гг.), Ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений / В.С. Елистратов; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Рус. слов., 2000. – 693 с

249. Ермакова О. П. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона: [около 450 слов] / О. П. Ермакова, Е. А.

Земская, Р. И. Розина; под общ. рук. Р. И. Розиной. – Москва: Азбуковник, 1999. – XLI, 273, [4] с

250. Жеребило Т. В., Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

251. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

252. Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргон: 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина; С.-Петерб. гос. ун-т. Межкаф. слов. кабинет им. проф. Б. А. Ларина. – СПб.: Норинт, 2000. – 716

253. Никитина Т. Г. Толковый словарь молодёжного сленга, слова, непонятные взрослым: ок. 2000 слов/ Т.Г. Никитина; – Тверь: Астрель, АСТ, 2006. – 734 с.

254. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 12 000 слов и фразеологизмов / Т. Г. Никитина. – Москва: Астрель: АСТ, 2003. – 910 с.

255. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. – СПб.: Норинт, 2004. – 762 с.

256. Ayto, J. The Oxford dictionary of slang // John Ayto. – Oxford : Oxford univ. press, 1999. – IV, 474, [2] с.

257. Dalzell, T. The Routledge dictionary of modern American slang and unconventional English [Текст] / ed. by Tom Dalzell. – New York, N. Y.; London: Routledge, 2009. – VIII, 1104 с.

258. Flexner S. B. Dictionary of American slang / Comp. a. ed. by Harold Wentworth a. Stuart Berg Flexner. – New York: Crowell, Cop. 1975. – XVIII, 766 с.

259. Partridge, E. (2002). A Dictionary of Slang and Unconventional English (8th ed., P. Beale, Ed.). London: Routledge

260. Spears, R. A. Dictionary of American slang and colloquial expressions / R. A. Spears. – 4th ed. – New York: McGraw-Hill, 2006. – xxix, 546 p.

261. Thorne, Tony. Dictionary of contemporary slang / Tony Thorne. – 3rd ed., [paperback] – London: Black, 2007. – 494

Приложение 1.

Компоненты субстандартной лексики

Термин	Определение	Автор/источник
<i>арго</i>	Появился во Франции в XII веке, язык профессиональных бандитов, позже стал применяться для описания различных жаргонов и фамильярно-разговорной речи	М.А. Грачев (2009)
	Секретный, условный язык, который связан с «воровским» языком	Н.А. Смирнов
	Язык отдельных социальных групп, сообществ, искусственно создаваемый с целью языкового обособления (иногда «потайного языка»), отличающийся главным образом наличием слов, непонятных людям непосвящённым	Д.Е. Розенталь (1976)
	1) воровской язык; 2) диалект определённой общественной группы, создаваемый с целью языкового обособления; отличается от нормы узкопрофессиональной или своеобразно освоенной общеупотребительной лексикой	Т.В. Жеребило (2010)
	в терминологическом и понятийном плане является эквивалентом англоязычного кента (тайный код социального дна, является одной из	Р. Спирс (1981)

	самых ранних форм нестандартного языка (Дж. Лайтер))	
	язык преступного мира, синонимом которого является «тайный язык»	У.О'Грэйди (1995)
	1) система словотворчества, порождения слов, выражений и текстов 2) язык людей, которые находятся в процессе творения культуры 3) черновик будущей культуры	В.С. Елистратов (2000)
<i>жаргон</i>	профессиональный язык	О. Есперсен, Э. Хемп, В. Джурин, О. Есперсен, Э. Хемп, Дж. Коулман, С.Б. Флекснер
	тайный профессиональный язык	Л.И. Скворцов, У. О'Грейди
	специальный лексикон, подсистема, используемая определенной группой людей	Э. Партридж, Р. Спирс, А.И. Домашнев, Н. Дзюбишина-Мельник, А.В. Цыбулевская
	грубый упрощенный язык, социолект арготического и сленгового типа	А. Миллер
	речь какой-либо социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много слов и выражений, отличных от общего	С.И. Ожегов

языка, в том числе искусственных, иногда условных	
речь какой-л. социальной или профессиональной группы, отличающаяся особым составом слов и выражений, иногда специфическим произношением	Т.В. Жеребило
искусственный язык, который употребляется внутри какой-либо группы людей, желающими, чтобы их не понимали непосвящённые	Ж. Марузо
разновидность языка, характерную для устного общения в определенной социальной или профессиональной среде	Т.В. Матвеева
язык, состоящий из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяемых (обычно в устном общении) отдельной социальной группой с целью языкового обособления, отдаления от остальной части данной языковой общности	О.С. Ахманова
своего рода пароль, по которому члены данной социальной подгруппы узнают себя	Т.А. Кудинова
полуоткрытая лексико-фразеологическую подсистема,	В.В. Химик

	используемая конкретной социальной группой людей с целью обособиться от общества	
<i>сленг</i>	общепринятая «незаконная» разговорная речь	В.С. Липатов
	слова и выражения, употребляемые лицами определённых профессий или социальных прослоек	Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова
	социальный диалект, групповой язык, характеризующийся экспрессивной направленностью. Наиболее распространены следующие формулировки: 1. То же, что групповой жаргон. 2. То же, что молодёжный жаргон. 3. Совокупность жаргонизмов, употребляемых в условиях непринуждённого общения, составляющих слой разговорной лексики	Т.В. Жеребило
	разговорная вариация профессиональной речи, компоненты которой, проникнув в литературный язык или в речь человека, не имеющего прямого отношения к данной социальной группе, придают языку особенный эмоционально-экспрессивный колорит	О.С. Ахманова
	генетически весьма неоднородный слой лексики и фразеологии, имеет	И.В. Арнольд

	ярко выраженный эмоциональный, оценочный и экспрессивный характер	
	очень неформальные слова и выражения, которые чаще встречаются в разговорной речи, особенно используемые определённой группой людей, например, детьми, преступниками, солдатами и т.д.	Oxford English Dictionary
	<p>1. неформальный язык, состоящий из слов и выражений, которые считаются неподходящими для официальных мероприятий; часто бранный или вульгарный.</p> <p>2. характерный язык определённой группы (например, среди воров). Синонимы: жаргон, разговорный язык, просторечие, аргю</p>	Webster's Dictionary
	слова и выражения, которые используются сравнительно большей частью широких слоёв американского народа, или которые понятны ему, но по мнению большинства, не подходят для «хорошего», официального употребления их в речи	С. Флекснер
	относительно устойчивая для определённого периода, широко распространённая и общепонятная социальная речевая микросистема в просторечии, весьма неоднородная по своему генетическому составу и	В.А. Хомяков

	<p>степени приближения к фамильярно-разговорной речи, с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной коннотацией вокабуляра, представляющей часто насмешку над социальными, этическими, эстетическими, языковыми и другими условностями и авторитетами</p>	
<i>общий сленг</i>	<p>понятен для всех социальных слоёв общества, имеет ярко эмоционально-оценочный характер с преобладанием экспрессивной функции над номинативной (коннотация над денотацией), относительно устойчив для определённого периода, генетически неоднороден, так как образуется из жаргона, кента, варваризмов и т.д., имеет морфологические, фонетические и синтаксические особенности; неоднороден по степени приближения к фамильярно-разговорной речи</p>	В.А. Хомяков
<i>общий сленг</i>	<p>обладает такими признаками, как шутливой, пренебрежительной окраской; отсутствием высокопарности, торжественности; гротескное подчёркивание смешной и нелепой стороны какого-либо предмета, явления; сосуществование устаревшего значения с новым</p>	А.Д. Швейцер

<i>специальный сленг</i>	используется в узкой сфере (профессиональная лексика, жаргон социальных групп), имеет эмоциональную окраску и пополняется за счёт общего сленга	А.Д. Швейцер
------------------------------	---	--------------